
ISSN 0235—7089
РОДИНА
6/89
Фатей ШИПУНОВ:
СПУСТИТЬ РЫБИНСКОЕ
ВОДОХРАНИЛИЩЕ —
ОСВОБОДИТЬ
ВОЛГУ!
Леонид ДЕРЯБИН:
НЕ УТОНУТЬ БЫ
В ОМУТЕ ЭМОЦИЙ.
ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ МАТЕРИАЛ
«ПРОЩАНИЕ С МОЛОГОЙ».

МОСКВА КРЕМЛЬ СЪЕЗД

Фото
Александра
ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Фоторепортаж Владимира ЛАГРАНЖА

ЛЮДИ И ВРЕМЯ:
ДОКУМЕНТ
БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ

На очереди дня стоит выработка конституционного акта, определяющего начала нового государственного устройства России. Все понимают, что первая полномочная государственная дума, какой бы характер она ни носила официально, по существу необходимо должна выполнить задачу учредительного собрания, то есть установить основной закон и определить условия осуществления государственной власти. Вот почему общественное мнение, печать и политические партии должны немедленно же выработать и обсудить проекты основного закона, которые могут быть предложены на рассмотрение собранию народных представителей. В этом отношении многое уже сделано. Мы имеем проект основного закона, выработанный еще прошлой зимой группой «освобожденцев» и напечатанный сперва за границей, а потом в России (в журнале «Право» и в приложении к сборнику «Конституционное государство»). В несколько измененном виде тот же проект, в редакции профессора Муромцева, был напечатан в «Русских Ведомостях». Конституционно-демократическая партия в своей программе довольно детально определила юридические принципы, на которых должно быть основано конституционное устройство российского государства. Таким образом, некоторый законодательный материал для выработки основного закона уже налицо. Тем не менее один принципиальный вопрос существенного значения остался еще совсем не затронутым. Это — вопрос об общем *формальном* характере конституционного акта. Должен ли он свестись к простой совокупности положительных юридических норм, регулирующих государственное устройство, или, наряду с этим, в него должно быть внесено *торжественное провозглашение общих принципов политического правосознания,* лежащих в основе конституционного и демократического строя? Короче — нужна ли нам, наряду с конституционным законом, особая *декларация прав?*

Вопрос о необходимости декларации прав у нас до сих пор не поднимался; составители проектов основного закона молчаливо отвергли эту идею и ограничились включением в самый текст норм некоторых общих политических принципов. По-видимому, общественное мнение или не видит особой надобности в декларации прав, или же еще не обратило достаточно внимания на самый вопрос. И это не трудно объяснить: идея декларации прав мало популярна как потому, что для нее нет близких исторических прецедентов (последняя декларация прав содержалась в французской конституции 1848 года), так и потому, что она до известной степени противоречит господствующим взглядам на право и государство и исторически тесно связана с теорией «естественного права», потерявшей популярность в наш «положительный» век.

Согласно господствующему мнению, государственная власть, какова бы ни была ее форма, юридически всемогуща, то есть не допускает никаких ограничений. Всякое право есть продукт государства, зависит от государственной власти и подчинено ей. Так называемое правовое государство отличается в этом отношении от государства полицейского или деспотического только тем, что оно *само себя ограничивает* рядом постоянных норм, которые оно в своих собственных интересах решается соблюдать. Тем не менее и правовое государство остается неограниченным властелином в сфере права, так как оно во всякое время может отменить или изменить наложенные им на себя правовые ограничения. С этой точки зрения лишено всякого смысла провозглашение каких-либо вечных и неотъемлемых принципов и прав. Все, что не есть закон, юридическая норма, лишено вообще всякой силы, а закон по самому существу дела исходит от государственной власти и потому не может сам ограничивать ее суверенитет. Правда, большинство правовых государств знает различие между конституционным и обычным законом, между учредительной и законодательной функцией государственной власти. Но это различие — с точки зрения неограниченности суверенитета, — в сущности говоря, лишено принципиального значения. Текущая законодательная деятельность должна протекать в рамках, установленных конституционным учредительным законом, отмена или изменение которого обставлены особыми условиями и могут осуществляться либо иными органами, либо в иных, более сложных формах, чем обычное движение законодательства. Но в конце концов, если воля суверена ясна и решительна, он может изменить и подчинить себе все право без всяких исключений[1]. Суверен всемогущ; он не знает над собой ничего неприкосновенного, никаких принципов или норм, которые служили бы непреодолимой преградой для его державной воли. Естественно, что для такого мировоззрения декларация вечных и священных принципов права представляется, в лучшем случае, какой-то ненужной и бессмысленной рисовкой, детской затеей, основанной на архаических реминисценциях «естественного права» и не выдерживающей серьезной и логической юридической критики.

Это всемогущество суверена, перенесенное сперва с римского народа на римского императора, перешедшее затем, по учениям Бодэна и Гоббса, на королевскую власть и, наконец, теорией Руссо

[1] Как известно, Англия, это правовое государство par excellence, не знает даже и этого различия между конституционным и простым законами.

вновь возвращенное самодержавному народу, стало какой-то почти логической аксиомой юридической науки. Странным образом не замечается, что это учение широко раскрывает двери всякому произволу и деспотизму, от которого принципиально не может огородить никакая конституция, никакая, даже самая демократическая и либеральная форма государственного устройства. Сегодня суверен «признал за благо» дать неприкосновенность личности, обеспечить свободу мысли и совести — завтра он может признать эти права неудобными или опасными и отнять их, «car tel est notre bon plaisir». И это может в одинаковой мере сделать и абсолютный монарх, и «монарх в парламенте», и республиканское национальное собрание. В известном смысле можно сказать, что — с точки зрения этой теории — единственной логически и юридически мыслимой формой государственного устройства является *самодержавие,* то есть неограниченность государственной власти. Допускается только различие в *субъекте* власти, но никак не в самом ее *характере.* Самодержавная власть может быть перенесена с монарха на народное представительство, или *разделена* между ними, но, кто бы ею ни владел, она остается самодержавной. Социал-демократическая партия в своей программе открыто говорит о замене «царского самодержавия» «самодержавием народа», и нельзя не признать, что она поступает, по крайней мере, логично.

Но, независимо от политических и моральных доводов, говорящих против этого учения, его несостоятельность может быть доказана и чисто теоретически. Право и закон — не одно и то же; нельзя согласиться с исходной точкой рассуждения абсолютистов, согласно которой все право есть продукт государственной власти, истекает из нее или, по крайней мере, заимствует свою юридическую силу из ее санкции. Наоборот, можно сказать, что лишь наименее прочная и относительно несущественная часть права закреплена в законе и определена государственной властью. Существо и основу права образуют нормы отношений между людьми, опирающиеся на *общее правосознание* и обязательные независимо от того, внесены ли они в собрание узаконений или нет. Только узкие специалисты—юристы могут за юридическими нормами просмотреть *право;* только они могут забывать, что фундамент правовой жизни образуют не те сложные и запутанные юридические формулы, с которыми они имеют дело и которые регулируют только *спорную,* не укрепившуюся в общем сознании и нередко ему даже недоступную часть права, а те немногие ясные и простые правовые принципы, которые известны всем и определяют непосредственный уклад отношений между людьми. Что рабство недопустимо, что нельзя убивать и грабить — эти нормы ужели определяются только статьями закона и могут быть ими отменены? Ясно, что они крепче всякого закона и всякого государственного строя: они коренятся в *душах* людей, образуют моральные, но юридически обязательные принципы, которые внушены людям всем их воспитанием, господствующим в обществе образом мысли и чувствования. Эти принципы никакой закон фактически не в состоянии отменить, и они составляют ту прочную правовую атмосферу, которая окружает всякую законодательную деятельность и ставит произволу устойчивую преграду.

Такие же принципы существуют и в политической жизни, хотя здесь они часто оказываются менее устойчивыми. Но из этого не следует, что ими можно пренебрегать в этой области; наоборот, из этого следует нечто совершенно иное — именно необходимость, путем особых воспитательных средств, укрепить их и прочно привить общественному правосознанию. Такова была задача всех деклараций прав, и в наши дни общей смуты и шатания с особенной настойчивостью ощущается необходимость подобной декларации, которая формулировала бы основные принципы политической жизни, имеющие морально-правовое значение и потому могущие претендовать на значение вечных и ненарушимых норм.

К чему же должна сводиться эта декларация? Мы полагаем, что было бы бесконечно трудно пытаться, на манер прежних «деклараций», охватить в подобном акте целиком основные принципы господствующего правосознания. Вместе с тем это было бы в значительной мере бесплодно, так как по отношению к некоторым из этих принципов пришлось бы ограничиться простым провозглашением морально-политического *верования,* неспособным облечься в живую плоть *правовой нормы.* А в этом отношении мы действительно должны считаться с трезвым и суровым настроением времени, требующим не слов — хотя бы искренних и содержательных, — а серьезного практического дела. В наши дни декларация прав не может быть одним возвещением политической веры; она должна, не теряя своего характера, как признания вечных, «метаюридических»[1] принципов, иметь все же только то, что может уложиться в эту реальную правовую форму. Декларация прав должна быть *учредительным законом* о *вечных и неотъемлемых правах граждан.* Реалистически настроенного юриста, быть может, смутит это словосочетание: «закон о вечных правах»; оно покажется ему нелепым противоречием. Мы не имеем здесь возможности детально обосновать конструкцию этого понятия. Нам думается, однако, что действительного противоречия тут нет: смысл такого закона состоит, конечно, не в *создании* этих вечных прав — иначе они от него зависели бы и не были бы «вечными и неотъемлемыми», — а в их констатировании и санкционировании. Но если бы даже такое понятие действительно содержало юридические трудности и шероховатости, живое *общественно-педагогическое значение* подобного акта, укрепляющего принципы правосознания, настолько велико, что ради него можно смело рискнуть этими трудностями. Творчество права всегда богаче и сложнее его научных формулировок и по необходимости должно обгонять их.

Такая декларация прав, являющаяся одновременно и возвещением принципов и установлением положительных норм, может иметь лишь одну задачу: определение отношения между государственной властью и правами личности, обеспечение прав личности путем отграничения их от законных прав власти. Она должна установить тот минимум прав граждан, который современное правосознание признает абсолютно неприкосновенным для государственной власти. Таким образом, содержание подобной декларации должно совпадать с содержанием отдела «Об основных правах граждан» в конституционных актах, с той только разницей, что конкретные юридические нормы декларация должна подкреплять и обосновывать торжественным возвещением общих принципов, на которых они покоятся.

Ниже следует текст предлагаемого нами проекта декларации прав. При его составлении мы пользовались проектом основного закона, выработанным «освобожденцами», отделом «О правах граждан» программы конституционно-демократической партии и тем же отделом западноевропейских конституций (преимущественно бельгийской). В принципиальном отношении ново, по сравнению с этими материалами, в нашем проекте — помимо общего его характера, как декларации — во-первых, провозглашение принципа неприкосновенности для государства человеческой жизни, с вытекающими из него требованиями недопустимости смертной казни и строгого ограничения вооруженных репрессий, и, во-вторых, признание на основании принципа свободы совести, необязательности военной службы для лиц, уклоняющихся от нее по рели-

[1] Выражение Иеллинека.

гиозным мотивам. Обоснованием этих, как и всех остальных пунктов нашего проекта, мы, быть может, займемся впоследствии, если идея декларации прав обратит на себя внимание печати и политических кругов и будет в принципе принята сочувственно. Само собой разумеется, что и для нас важнее всего не те или иные детали в содержании зтого проекта, а его общая идея.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН О ВЕЧНЫХ И НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРАВАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

1. Государственная власть действует в интересах общего блага и ограничена в своем верховенстве вечными и неотъемлемыми правами российских граждан. Эти права суть гражданское равенство и личная свобода.

2. Все русские граждане равны перед законом и властью. Сословные различия отменяются. Различие происхождения, национальности и вероисповедания не может иметь своим последствием неравенство гражданских или политических прав и обязанностей.

3. Личная свобода означает неприкосновенность жизни, личности и жилища, свободу совести и мысли, свободу устного и печатного слова, свободу преподавания, свободу собраний и союзов, свободу передвижения и право петиций.

4. Человеческая жизнь священна и неприкосновенна. Лишение жизни допустимо только в состоянии необходимой самообороны. Государственная власть в отношении посягательства на человеческую жизнь приравнивается частному лицу.

В силу зтого:

а) Смертная казнь отменяется навсегда и не допускается ни по какому суду и ни за какие преступления.

б) Применение вооруженной силы против граждан допускается только в случаях насильственных действий или открытого вооруженного восстания и лишь в качестве крайнего средства обороны. Всякая власть, злоупотребившая вооруженной силой, карается на тех же основаниях, как и частное лицо.

5. Свобода и неприкосновенность прав каждого обеспечены законом.

В силу зтого:

а) Никто не может быть подвергнут преследованию или наказанию иначе, как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения проступка. Никакие кары, взыскания или ограничения прав не могут быть налагаемы на частных лиц какою-либо властью, кроме судебной. Никакие чрезвычайные суды не допускаются.

б) Никто, за исключением случаев захвата на месте преступления, не может быть задержан или лишен свободы иначе, как по мотивированному постановлению судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточных оснований или продолженное сверх законного срока, дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище без согласия хозяина допускается лишь в случаях, предусмотренных законом, и — за исключением случаев необходимости немедленной помощи — не иначе, как по постановлению судебной власти. Равным образом обыск, выемка и вскрытие частной переписки допускаются только в случаях, указанных законом, и не иначе, как по постановлению судебной власти.

7. Совесть, мысль и вера составляют неотъемлемое свободное достояние личности и не подчинены государственной власти, которая распространяется только на действия граждан. Государственная власть не вправе объявлять вредными или опасными никакие верования, убеждения и политические или религиозные учения.

8. Не допускаются никакие преследования, наказания и умаления прав отдельных лиц или групп населения за их верования, убеждения и принадлежность к политическим или религиозным союзам и партиям, равно как за перемену и отказ от вероучения. Всякий волен свободно избирать церковь, в которой он желает участвовать, основывать новые вероисповедные союзы и общины или не принадлежать ни к какому вероисповедному обществу.

9. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

10. Никакая церковь не может находиться под опекой или контролем государственной власти.

11. Никакие вероисповедные акты не могут влиять на гражданское состояние: бракосочетания и рождения регистрируются гражданскими властями на основании гражданских законов и только из зтой регистрации почерпают законную силу.

12. Лицам, уклоняющимся от несения военной службы по мотивам религиозным или нравственным, должна быть предоставлена возможность замены военной службы какою-либо иной государственной повинностью.

13. Человеческое слово свободно. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена; равным образом не допускаются никакие иные предупредительные меры по отношению к печати. Никто не подлежит ответственности за самое содержание высказываемых им мнений, если только зтим не совершается какого-либо общего преступления, предусмотренного уголовным законом; за таковое преступление виновные отвечают только перед судом.

14. Преподавание свободно; каждое лицо, общество и учреждение вольно обучать как детей, так и взрослых и основывать школы всякого типа. Никакие предупредительные меры и ограничения свободы преподавания не допускаются.

15. Все российские граждане имеют право устраивать публичные собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом для обсуждения всякого рода вопросов, не спрашивая на то разрешения.

16. Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества для целей, не противных уголовным законам, не испрашивая на то разрешения; это право не подлежит никаким предупредительным мерам.

17. Каждое частное лицо пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется, и никакой вообще принудительный контроль государства за местожительством и передвижением граждан не допускается. Никакое частное лицо не может быть ограничено в свободе передвижения и выбора местожительства иначе, как по судебному приговору.

18. Право петиций принадлежит как каждому отдельному гражданину, так и всякого рода группам, союзам и собраниям.

19. Должностные лица за нарушения прав граждан, совершенные при отправлении должности, подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласия их начальства.

20. Всеми означенными правами пользуются также иностранные подданные, проживающие на территории российского государства.

21. Все означенные права обеспечиваются судебной защитой. Суд не вправе руководиться законом, нарушающим или ограничивающим зти неотъемлемые права, и должен освобождать от следствия и наказания лиц, обвиняемых в неисполнении законов и административных распоряжений, противоречащих означенным правам граждан.

С. ФРАНК

5 января 1906 г.

Сергей Людвигович Франк (1877—1950) — знаменитый русский философ, один из авторов сборника «Вехи». Статья «Проект декларации прав» была написана для журнала «Полярная звезда», выходившего в Петербурге под редакцией П. Струве.

Публикацию подготовил Андрей ФАДИН

РОДИНА 6/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

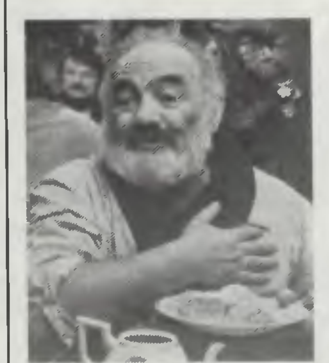
Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Владимира Лагранжа и Василия Мишина

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва
Издательство
«Правда».

ПРОЩАНИЕ С МОЛОГОЙ

Юрий НЕСТЕРОВ
Павел НИКИТИН

Капитаны, дайте сигнал в память о Мологской стране, людях, которые жили в ней! Пусть этот сигнал будет предупреждением тем, кто надеется вновь вернуть нашу страну во «времена великих строек».

Парк жил беззаботной жизнью выходного дня. Из репродукторов, расположенных на столбах, лилась бодрая музыка. Детишки кружились на карусели, из бильярдной неслось щелканье шаров.

С этой праздничной безмятежностью странно контрастировала большая группа людей, в большей части пожилых, сгрудившихся у входа в парк. Их привела сюда тоска по родному дому, родной земле. Это мологжане, жители бывшего города Мологи. Вот уже полвека Молога, старинный русский город, который бы сейчас шел к своему 850-летию, покоится под водами Рыбинского водохранилища.

— Это же чайная, я в ней бывал! — восклицает один из мужчин, и пожелтевшая от времени фотография вздрагивает в его старческих руках. Он приехал в Рыбинск на традиционную встречу мологжан из Магадана. Фотография вызывает всеобщее любопытство. Кто-то разглядел на ней крышу своего бывшего дома, кто-то признал одноклассника, кто-то нашел родственника.

Шумной гурьбой они идут в маленькую столовую отметить встречу скромным застольем, читают стихи, написанные ими специально для этого случая, сообща разгадывают вопросы составленной кем-то из них викторины о Мологе. Гремит гармонь, летают над столом горластые русские песни. Но смысл застолья, как его ни маскируй, все же горький. Это поминки по Мологе.

Началом мологской трагедии стало 1 сентября 1936 года. Именно в этот день было окончательно объявлено о переселении. Сообщение ошеломило город. То, что вчера казалось значительным, сегодня потеряло всякий смысл, одна лишь мысль не давала покоя, камнем ложилась на сердце: как жить дальше, куда ехать от родных мест?

— Эпоха требует жертв,— гремело из черных радиотарелок.— Но люди гибнут. А сооружения остаются на службе будущего человечества. Это жертвы неизбежные, жертвы ради потомков. Плотина поднимет уровень Волги на 18 метров... Она станет источником дешевой злектроэнергии.

Сжималось сердце от скорости переселения. До конца 1936 года шестьдесят процентов владельцев частных домов должны были сбить дома в плоты и сплавить их по Волге к Рыбинску, на новое место жительства.

Но этим-то хоть оставляли дома. Над 220 семьями вообще нависла угроза остаться без крыши над головой. Их дома были признаны негодными к перевозке. Согласно полученным повесткам, мало чем отличавшимся от тех, что получали ЧСИРЫ (члены семей изменников Родины), им предписывалось не только освободить дома, но и вообще незамедлительно покинуть Мологу. «Выселенка» — по форме восьмушка печатного листа, по содержанию лаконична и безапелляционна:

Гр. Поповой Е. Пролетарская, 240

Ваш дом в связи с переселением Мологи подлежит сносу по ветхости. Срок освобождения по получению извещения 10 дней.

Секретарь горисполкома Замятина.

Однако куда выселяться? Вопрос о выборе места жительства этой категории мологжан предписывалось решать самим.

Те, у кого дома были добротными, попадали как бы в привилегированное положение. Им было определено место для нового поселения — поселок Слип на противоположном берегу Рыбинска. Но как успеть переселиться за оставшиеся до конца навигации два месяца?

Бурным был расширенный пленум Мологского горсовета. Вчитаемся в его стенограмму, дошедшую до наших дней.

«Из стенограммы пленума Мологского горсовета:

КЛЮКИНА: — Вы ставите просто ужасные условия переселения. Как же так? Оказывается, «Волгострой» ни за что не отвечает. Он будет делать только сплотки и сплавлять дома по реке. А кто же разберет дом? Кто поставит его на новом месте? Случайные бригады в частном порядке, да и то если такие бригады удастся найти. А главное, на те деньги, которые вы выплачиваете, ничего не построишь.

НИКИФОРОВ: — «Волгострой» должен дать рабочих для разборки домов по своим расценкам в пределах денежной компенсации за дом. А если мы сами наймем рабочих, то выданных денег хватит только на то, чтобы разобрать дом, а ставить его будет уже не на что.

ЛЯЛИН (член горсовета): — Наш пленум имеет историческое значение. Великий наш вождь и учитель товарищ Сталин для блага всего народа выдвигает грандиозную задачу реконструкции Верхней Волги. Но вот граждане Клюкина и Никифоров, как видно, недовольны этим. Хватит ныть, надо побыстрее выполнять эти решения.

ПОЭГЛЬ: — Поздно дома сейчас перевозить. До замерзания реки совсем пустяки остались. Если сейчас это делать, то в лучшем случае на новом месте успеем дома постаить, но жить-то в них нельзя, ведь сырые будут стоять они до конца следующего года, а мы все-таки люди, а не собаки.

ОБОРОТИСТОВ (член горисполкома): — Пустячки все говорите. Вот Кимры сломали, перевезли, и никто не замерз. Строили Беломорканал — опять никто не замерз.

МИХАЙЛОВА: — Мы не хотим мешать правительству в начавшейся стройке, но поймите, дорогие товарищи, если «Волгострой» откажет нам, одним ничего не сделать людям.

РЯБОВ (представитель «Волгостроя»): — Мне сказать нечего, так как докладчик дал вразумительные, обстоятельные ответы на все ваши вопросы и выступления. «Волгострой» будет заниматься только сплоткой и сплавом домов, все остальное должны делать домовладельцы.

Назаров, председатель Мологского горсовета, вносит предложение о прекращении прений и принятии решения (в зале долго не прекращаются шум и крики). Назаров вторично оглашает свое предложение, а затем зачитывает решение:

«Заслушав и обсудив доклад председателя горсовета Назарова «О реконструкции Волги» и превращении ее из мелководной реки в огромную и глубокую, соединяющую через Оку и Москву со столицей первой в мире великой Красной Москвой, пленум выражает свою радость и преклонение перед гениальной мудростью инициатора реконструкции Верхней Волги, нашего учителя, друга и вождя мирового рабочего класса великого Сталина...»

...Поток горьких писем хлынул в органы власти, в газеты. Но там судьба мологжан никого не взволновала.

Из письма комсомолки Волковой председателю Мологского горсовета Назарову:

«Вчера получила от матери письмо, где она плачет и пишет о немыслимых условиях переселения, ее выселяют из Мологи и неизвестно куда. Так относиться к живым людям нельзя, что значит уехать из Мологи с такими средствами, как у нее? Я бы взяла ее к себе, но так как учусь в школе и проживаю в общежитии, сделать этого не могу».

Из ответа Назарова комсомолке Волковой:

«Вы, комсомолка, пишите не по-комсомольски, по-обывательски. Что значит немыслимые усло-

вия переселения? Может ли так рассуждать комсомолка? Попадать под обывательские настроения вредно и недостойно звания комсомолки».

Люди пристраивались как могли, уезжали, бросив на произвол судьбы свой немудреный скарб. Продать его было невозможно — все в Мологе находились в одинаковом положении. Одиноких людей принудительно расселяли по домам престарелых. Но в самом худшем положении оказались старики из сел и деревень. Они не получали пенсии, и находящиеся в тяжелом финансовом положении дома престарелых под различными предлогами от них отказывались.

Из письма заведующей Мологским райсобесом Березиной председателю Комиссии Советского контроля при СНК СССР:

Каждое лето собираются на берегу Рыбинского водохранилища бывшие жители бывшего города Молога. Вот уже пятьдесят лет, как покоится на дне рукотворного моря их родной старинный русский город...

Фото Павла КРИВЦОВА

«Прошу оказать помощь в переселении в инвалидный дом бездомных, одиноких стариков и старух, оставшихся в деревнях после массового переезда на новые места колхозников. Им совершенно некуда деваться, и средств к существованию они не имеют. Я пишу во все инстанции, но ответа ниоткуда нет».

Из письма заведующей Мологским райсобесом Березиной тов. Ежову:

«Москва. Кремль. Дорогой Николай Иванович! Прошу сердечно помочь в разрешении вопроса, где же можно найти окончательный ответ, возьмут ли и когда наших стариков и старух из деревень в инвалидный дом. Все колхозники давно уехали, а в пустых, гнилых деревенских домах осталось 70 человек беспризорных инвалидов, одиноких и без всяких средств к существованию».

Год разделяет два этих письма. На первое была получена хоть какая-то отписка, второе осталось без ответа.

...Судьба «привилегированных» складывалась тоже не лучшим образом, хотя их перевозить под Рыбинск осенью 1936 года все же не стали. Переселение началось лишь со следующей навигацией. Дома в разобранном виде сваливали на берег. Чтобы узнать, где его ставить, надо было идти пешком за 15 километров в Рыбинск. Новые участки отводились раз в неделю, причем только с десяти до тринадцати. Опоздал — жди следующей недели. «Волгострой», несмотря на полученные указания, помогал возводить дома с неохотой. Судьба же тех, кто получил ссуду, вообще никого не интересовала. Никто не оказывал им помощи ни строительными материалами, ни транспортом. Все необходимое приходилось покупать по спекулятивным ценам, а переселенцы едва сводили концы с концами.

Из письма Воробьева в Мологский горсовет:

«При переселении мне было выдано за дом 907 рублей. Конечно, я в эти деньги не уложился. Сейчас у меня недоделана часть дома, нет печи, нет сарая. Я продал корову, надстройку, свои кожаные сапоги и валенки, и вот уже три месяца сам с сыном работаем на стройке. У меня семья шесть человек, и все хотят есть. Зарплату я не получаю, так как вынужден из-за стройки не работать. Больше продавать нечего».

Судьбу Воробьева разделили многие переселенцы. Осенью 1937 года уполномоченный Мологского горсовета, обследовав 49 строений на Слипе, вынужден был признать, что **«большинство домов стоят недостроенными», «нет медицинского пункта, а травмы случаются часто», «люди живут плохо, денег не хватает, дети не учатся, так как родители привлекают их к подсобным работам».**

Вот так, с непокрытыми крышами, встретил Слип, громко прозванный Новой Мологой, зиму 1938 года.

— В сороковом году Молога выглядела довольно пустынно,— вспоминает Е. Соколова, уезжавшая одной из последних.— Церкви на пристани, элеватор, ряд зданий в центре были разрушены. Но красавец Богоявленский храм еще стоял. Его начали разбирать, однако он не поддавался, удалось снести только купол. В один из летних дней приехали минеры, оцепили площадь и стали готовить храм к взрыву. Часов в двенадцать раздался взрыв. Когда рассеялись клубы плотной серо-коричневой пыли, на месте собора мы увидели груду битого кирпича.

20 декабря 1940 года Мологский район был ликвидирован. Подготовительные работы по наполнению Рыбинского водохранилища шли полным ходом. Выселялись последние жители сел, ликвидировались колхозы, лихорадочно спиливался лес. Молога доживала последние дни.

— Явственно встает картина переселения нашей семьи, жившей под Мологой,— вспоминает Г. Корсаков.— Мы погрузились у Чернятина на пароход и пустились в дальний путь. Впереди виднелись главы Мологского собора. А вот и до боли знакомый берег у Старой Бортницы. И тут все увидели оставшихся односельчан, которые махали пароходу и плакали. Все пассажиры парохода — старики, дети, женщины, мужчины — тоже заплакали. Все было, как во сне, не верилось, что эти родные места, эту тропу к реке, лес, поля и луга, эту заводь и озера, эту церковь, это кладбище с могилами наших родных — все навсегда погребет водная стихия.

Наполнение водохранилища было намечено на весну 1941 года. Оставалось ждать только паводка. 13 апреля 41-го года был забетонирован последний пролет Рыбинской плотины и паводковые воды трех рек, натолкнувшись на сооруженную человеком преграду, стали заливать Молого-Шекснинское междуречье. Вода прибывала бурно. В середине апреля она подошла вплотную к Республиканской улице. Правый берег Мологи был возвышенный, поднявшаяся вода почти сравнялась с ним. Пароходы теперь причаливают прямо к развалинам Воскресенского храма. Здесь была устроена временная пристань.

На глади зарождающегося водохранилища качался мусор, хлам, доски, значащийся по отчетам вывезенным до последнего бревнышка лес.

«В бедственном положении оказались четвероногие. Звери плавали между деревьями сред

всплывшего бурелома и растительного мусора в поисках суши, выбиваясь из сил. Трупы грызунов прибивало к берегу. Прилетевшие на свои места птицы, не взирая на отдаленность от корма, гнездились на прежних местах, над торчавшим из-под воды лесом», — свидетельствуют ученые-естественники.

Но заполнить до проектной отметки Рыбинское водохранилище не удалось не только в 41-м, но и в последующие годы, вплоть до 47-го. Большая часть Мологи все эти годы стояла незатопленной. Лишь в 47-м, когда водохранилище было наполнено до проектной отметки, Мологу затопило до уровня вторых этажей. Афанасьевский монастырь продолжал стоять на суше. Оставался еще один островок с остовом бывшей тюрьмы, на котором смекалистые синоптики разместили пункт наблюдения. Лишь в 51-м году весь город скрылся под водой.

Во имя чего погиб древний русский город и тысячи других сел, поселков, деревень, над которыми ходят сегодня волны Рыбинского водохранилища? Где оно, обещанное «счастье потомкам», ради которого ушла под воду Мологская страна с храмами, церквами? Бороздят море огромные корабли. Но зачем им приволье размером с Люксембург, если участки с глубиной более 20 метров составляют всего доли одного (!) процента от общей площади водоема? Треть моря составляет мелководье, то есть глубина меньше двух метров! Где обещанное рыбное изобилие? Нет его. В Рыбинском водохранилище рыбы во много раз меньше, чем в естественных водохранилищах той же широты. Ученые-ихтиологи подсчитали: на один гектар акватории Рыбинского моря приходится полторы тысячи штук разных рыб, а в озерах того же пояса до девяти тысяч! Да откуда быть здесь рыбе, если путь ей с низовьев Волги перекрыт плотинами, если море живет, подчиняясь ритму энергосистемы, в угоду ему то и дело понижают уровень воды, обнажая нерестилища? Может быть, Рыбинская ГЭС дает огромное количество электроэнергии? И это не так, ее мощностей хватает лишь на то, чтобы обеспечить электроэнергией небольшой город. Природа в районе рукотворного моря приобрела, по мнению ученых, «ярко выраженный таежный характер». Водохранилище, поглотив знаменитые мологские дубравы, заливные луга, продолжает подтачивать берега, наступать на сушу.

Часто говорят: если бы проект, составленный почти 50 лет назад, рассматривался сегодня, то он был бы отвергнут или принят с более низкой отметкой, позволяющей сохранить судоходство водохранилища и в то же время уменьшить площадь затопления. Но списывать все на отсталость технической мысли тех лет значит освобождать себя от поиска истинных причин случившегося. Наука первых лет Советской власти представлена целой плеядой блистательных имен. Вспомните Вавилова, Иоффе, Вернадского. Другое дело, что в науке к тридцатым годам ключевые позиции захватили лжеученые, конъюнктурщики, чутко улавливающие запросы «верхов». А вверху был Сталин с его ненасытной жаждой власти. На каком-нибудь обыкновенных масштабов проекте Сталин никогда бы не поставил свое знаменитое «за». Фараоны оставляли в память о своем величии пирамиды, Сталин грезил великими стройками, пирамидами двадцатого века. Все остальное было недостойно его.

Великие стройки создавали впечатление того, что страна движется вперед семимильными шагами, будили надежды на благополучие в будущем, примиряли людей с неустроенностью, позволяли «верхам» спекулировать на энтузиазме и романтике. При Сталине, помимо «отвлекающих», они выполняли еще и «особые» функции. Гигантские стройки перемалывали миллионы неугодных. Вот и Рыбинское море окольцовано безымянными могилами политзаключенных Волголага.

«Великие стройки» — явление, порожденное сталинизмом, еще недостаточно изученное, под гипнозом которого мы слишком долго находились, да и продолжаем находиться. Вспомним БАМ, Оскольский магнитку, эпопею с «великим» поворотом рек.

Ограничивать причины этого наследства одной лишь сталинщиной неверно. Гигантомания — порождение системы, в которой вся жизнь осуществляется по команде из центра, когда единственным регулятором жизни является жесткая директива, без которой и шага не ступишь.

Что было Сталину и его окружению до какой-то маленькой Мологи, людей, населявших ее, если в воспаленном мозгу новоявленных богов уже виделась страна-мираж, в которой все будут сеять, строить по команде и при этом процветать и здравствовать? Не политику противопоставляли морали, себя — народу. Не о судьбе народа радели, о своей. Не счастливое свободное общество строили — казарму, в которой одним предполагалось быть руководителями, а другим не иначе как руководимыми.

Упоминание Мологи долгие годы у «верхов» вызывало раздражение. Всякий, кто пытался напомнить, рассказать о ней на страницах газет, подвергался нападкам. Конечно, не из-за слепого самодурства. Упоминание о бессмысленно погибших поселениях бросало тень на воспетые в песнях первые пятилетки, заставляя задуматься над происходящим, сравнивать, анализировать, сопоставлять.

А Молога же, бросая вызов, нет-нет да и показывалась из волн. Так было в 72-м, когда стояло жаркое, сухое лето. Прослышав о том, что Молога вышла из воды на сушу, группа мологжан помчалась поглядеть на родные руины.

— Мы вступили на песчаную косу,— рассказывает В. Назимов,— ровная плоскость простиралась на добрые два километра. Четко узнавались все четыре главные улицы Мологи с контурами находившихся здесь прежде строений, занесенные у оснований небольшим количеством ила. Легко можно было установить места расположения знакомых нам домов. А вот и небольшой холмик — остаток той горы, с которой мы любили кататься на санках зимой. Кое-где остались полуразрушенные лестницы, повсюду ржавели остовы железных кроватей, беспорядочно лежали прогнившие бревна, корни спиленных деревьев. Дошли до кладбища. Сохранившиеся ограды, кресты указывали на дорогие и знакомые могилы. Создавалось впечатление, что перед нами гигантский план какого-то недавно раскопанного города, давно вымершей древней цивилизации. Сжалось сердце от этой мрачной картины, скорее захотелось назад, к людям...

На первую встречу мологжан, состоявшуюся в памятном 1972 году, когда Молога показала свой страшный, искореженный вид, приехало всего чуть более 20 человек, но на следующую уже вдвое больше, а еще через год организаторам пришлось снимать гостиницу, так как всех собравшихся невозможно было разместить по домам.

Вот уже 16 лет, не пропуская ни одного года, собираются мологжане каждое второе воскресенье августа в городском парке имени Андропова.

Куда бы ни плыли сегодня по Рыбинскому морю белоснежные лайнеры, куда бы ни летели «Ракеты» и «Метеоры», куда бы ни направлялись караваны большегрузных барж, их пути неизменно сходятся здесь — в «мологском треугольнике». Однако мало кто из проплывающих над водной могилой знает о ней. Вот ее координаты: через 20 минут после выхода скоростного судна из Рыбинского шлюза вы окажетесь над городом. Капитаны, дайте сигнал в память о Мологской стране, людях, которые жили в ней!

РЫБИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

«ЗА» И «ПРОТИВ»

Фатей ШИПУНОВ,
заведующий лабораторией биосферных исследований АН СССР

Леонид ДЕРЯБИН,
начальник территориального энергетического объединения «Центрэнерго»

Волжское половодье — одно из величайших явлений природы — имело огромное значение для жизни природы и человека. Именно оно создавало ту землю, которая кормила веками народ.

На Молого-Шекснинском междуречье вырастали такие высокие и густые травы, что и на лошади не всегда можно было проехать. Косцы терялись в таких травах, а стогам сена и счет никто не вел. Душистое сено по кормовым качествам превосходило клеверные корма. С двух укосов снимали до 50—70 центнеров с гектара.

Воды Молого-Шекснинской низменности были самыми рыбными на Волге. Лучшая стерлядь водилась именно здесь, а в Шексну заходила белуга весом до 300 килограммов. В осеннюю пору на моховых озерах скапливались несметные стаи куликов, уток, лебедей и гусей. Никакие современные сельскохозяйственные и природоохранные достижения Дании, Бельгии, Франции и США и близко несопоставимы с богатством природы в бывшем Мологском уезде до его затопления.

Как случилось, что мы потеряли великую живую реку? Причина тому — наше бездумное хозяйничанье. С возведением ГЭС Волга из стройного экологического целого превратилась в большую болотину. Теперь здесь формируются антиэкосистемы, которые развиваются в сторону постоянной деградации. Величайшее богатство страны — пойма — сгублено. Застойный характер вод и уничтожение системы плесов-перекатов вызывают быстрое их загрязнение и утрату питьевых качеств. Основные очистители воды — микроорганизмы, пройдя через турбины, большей частью гибнут, и река на расстоянии сотен километров от плотин становится мертвой. При сбросе сточных вод она превращается в зловонную канаву. Ни жизненных припасов, ни чистой воды ныне Волга не дает и не может дать после того, что с ней сделали! Волга в беде, и следует незамедлительно ей помочь. Начать спасение Волги надо со спуска Рыбинского и Угличского водохранилищ. По мере наращивания компенсирующих мощностей экологически безопасной энергетики в бассейне реки на возобновимых источниках **необходим будет спуск** этих водохранилищ как расточительных для народного хозяйства. Простой подсчет доказывает разумность такого шага. Энергетическая выгода Рыбинской ГЭС составляет менее 2 миллионов рублей в год. Урон же от затопленных сельскохозяйственных угодий (под водой их 175 тысяч гектаров) превышает 160 миллионов рублей, а от лесных (240 тысяч гектаров) — 140 миллионов рублей, то есть общий убыток не менее 300 миллионов рублей в год. За последние 40 лет суммарный ущерб от потери земель только на Рыбинском водохранилище превысил 9 миллиардов рублей, а доход от Рыбинской ГЭС не поднялся выше 80 миллионов.

«Русская Дания», «Северная Украина» — так издавна называли Молого-Шекснинскую низменность. И эту житницу страны нужно вернуть народу!

Время безумных решений как будто прошло. Однако сегодня нет-нет да и срываемся мы в крайность иную, где правят идеей не научный прогноз, а всесокрушающие агрессивные эмоции. Давайте же трезво оценим ситуацию.

Рыбинская ГЭС вместе с водохранилищем является составной частью каскада Волжской ГЭС, выполняя роль основного регулятора стока верховья Волги. Вода, запасенная в водохранилище весною, уменьшает непроизводительные сбросы на всех лежащих ниже гидроэлектростанциях каскада и увеличивает их энергоотдачу в течение всего остального времени года.

Велико участие ГЭС и в покрытии острого дефицита электроэнергии у таких мощных ее потребителей, как Ярославская и Вологодская области. Ликвидация станции (а сброс уровня в водохранилище равноценен этому) привела бы к потере 4 миллиардов кВтч электроэнергии на ГЭС Волжского каскада, резко снизила бы пиковые мощности и неизбежно ограничила потребителей в утренние и вечерние часы максимальной нагрузки. Поэтому взамен выбывшей придется строить гидроаккумулирующую электростанцию мощностью 1200 мВт, что обойдется примерно в 300 миллионов рублей, и тепловую электростанцию мощностью 1000 мВт приблизительно такой же стоимости. На ТЭС ежегодно будет сжигаться 1,5 миллиона тонн (в пересчете на условное) органического топлива, а значит, добавятся и вредные выбросы в атмосферу.

Рыбинская ГЭС построена в 1941 году, поэтому в течение всех последующих лет инфраструктура приволжских городов и селений формировалась с учетом измененных отметок уровней и гидравлического режима реки. Водохранилище Рыбинской ГЭС имеет большое значение как средство противостояния паводковым водам, борьбы с затоплением в районе города Ярославля. В случае ликвидации водохранилища необходимо будет провести дорогостоящие противопаводковые мероприятия в зоне нижнего бьефа ГЭС.

Кроме того, при пропуске весенних паводков через плотину даже с учетом открытия всех затворов уровень верхнего бьефа может подняться до той же отметки (102—103 м) из-за недостаточной пропускной способности плотины. При этом будет по-прежнему затапливаться ложе водохранилища на период, пока вода самотеком сойдет с верхнего бьефа.

Ликвидация Рыбинского водохранилища нарушит и сложившееся межбассейновое судоходство, систему междугородных перевозок водным транспортом. В районе Горького прервется сквозная навигация по Волге крупнотоннажных плавсредств, значительно сократится грузооборот Волго-Балтийского водного пути и канала Москва — Волга.

Поскольку Рыбинская ГЭС является главнейшей составной частью не только каскада Волжских ГЭС, но и всего водохозяйственного комплекса реки Волги, для выработки правильных решений непременно должны быть учтены экспертные оценки всех участников, кого так или иначе затронут возможные изменения водного режима реки Волги.

По инициативе газеты «Советская Россия» создан общественный комитет спасения Волги.
Все, кому дорога судьба великой реки, могут внести свой посильный вклад на счет 700721, 1-е ОПЕРУ Московского городского управления Жилсоцбанка СССР.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ПУСТЬ ВОЗРОДИТСЯ ОБЕЛИСК СВОБОДЫ!

Меня заинтересовала идея восстановления обелиска Свободы. В 20-х годах я учился в Московской консерватории, жил неподалеку от Моссовета в Малом Гнездниковском переулке, и живо помню эту замечательную скульптуру. Как было бы хорошо, если бы памятник, сооруженный по мысли В. И. Ленина о необходимости монументальной пропаганды, вновь появился в столице таким, каким его помнят москвичи.

Г. БРУК,
член Союза
советских композиторов

Хочу поделиться воспоминаниями. С 1962 года я участвовала в работе над восстановлением модели монумента Свободы. Авторский коллектив возглавляли скульптор М. Ф. Бабурин и архитектор Ю. Н. Шевердяев. Увидев сохранившуюся голову статуи, Михаил Федорович Бабурин был буквально потрясен ее революционной энергией. Это был романтический символ борьбы за счастье народа. Голова давала представление о характере всего монумента. Использовали мы, конечно, и фотодокументы. Всего выполнили семь или восемь моделей. Последний вариант модернизированного монумента был утвержден Моссоветом. Но после этого наша работа прекратилась почти на 15 лет. М. Ф. Бабурин обращался в горком партии. Ответа не было очень долго. Только в 1979 году был заключен договор на продолжение работы. Бабурин направил письмо министру культуры Демичеву: просил дать время на создание модели памятника в натуральную величину. Вместо этого Министерство культуры работу нашу прекратило, решив, что восстановлением займутся реставраторы.

Две модели обелиска и фигуры, отлитые в бронзе, экспонировались в 1984 году на Всесоюзной художественной выставке, а сейчас хранятся в Государственной Третьяковской галерее. Скульптор М. Ф. Бабурин скончался в 1984 году, но если решение о возрождении памятника будет принято, авторский коллектив мог бы продолжить работу. Предложение Т. Шульгиной установить обелиск на Боровицкой площади кажется мне приемлемым. Но у меня есть и другая идея — избрать местом для памятника Манежную площадь (именно для нее делался последний вариант нашего проекта).

Г. ЛЕВИЦКАЯ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Статья, посвященная обелиску Свободы, напомнила мне о детстве. Когда мне было пять-шесть лет, мы с мамой, Татьяной Григорьевной Осиповой, часто проходили мимо этого памятника. Мне рассказывали, что его установили по заданию Ленина, в честь победы Великой Октябрьской революции. А автором был мой отец.

Однажды мама, очень расстроенная, сказала мне, что памятника больше нет. Я упросила ее пойти на это место. Мне показалось, что площадь как будто осиротела...

Прошло много лет. В 1984 году умерла мама. Я уже на пенсии. Первая публикация об обелиске Свободы появилась в 1963 году в журнале «Строительство и архитектура». Но дальше дело не пошло, разговоры о восстановлении монумента практически прекратились.

Очень хочется верить, что первый памятник революции, символ свободы, будет восстановлен.

Несколько слов о месте, где можно поставить памятник. Я думаю, переносить Юрия Долгорукова смысла нет. Молодое поколение москвичей привыкло к нему, и такая замена была бы им не очень понятна. Слышала, что есть проект установки обелиска на Пушкинской площади. Мне кажется, что эта площадь настолько полно проникнута духом Пушкина, что места для другого памятника там просто нет.

На мой взгляд, было бы лучше установить обелиск Свободы на площади имени 50-летия Октября (Манежной) или на Боровицкой.

А. УМАНСКАЯ
(Осипова)

Позиция журнала относительно обелиска Свободы вызывает у меня удивление. Это какое-то странное, однобокое восстановление исторической памяти народа! Вы забываете, что история России насчитывает не 71 год, а более тысячелетия. Так почему же, говоря об обелиске Свободы, вы лишь упоминаете о памятнике генералу Скобелеву, герою русско-турецкой войны 1877—1878 гг., участнику боев под Плевной? Почему в Болгарии свято чтят имена героев этой войны, ставшей проверкой на прочность дружбы двух славянских народов, а у вас из памятника Скобелеву отливают доски с текстом первой Коституции? Судя по статье, факт уничтожения памятника Скобелеву у нас не вызывает осуждения. Не хотелось бы вас в чем-то обвинять, но, по-моему, «табу» на обсуждение ленинских декретов все еще сидит в нас.

А. МАТВЕЕВ,
18 лет

Слов нет, обелиск Свободы — памятник выдающийся, но, наверное, пора критично подойти к идее монументальной пропаганды. Мы уже столько монументов настроили, а что толку? На фоне пустых прилавков они как-то не смотрятся.

Л. МИХАЙЛОВ

Я пишу вам по поводу событий, развернувшихся на Украине вокруг попытки создания Народного движения Украины за перестройку. Сразу же после опубликования проекта его программы в единственной газете «Літературна Україна» в средствах массовой информации была развернута кампания дискредитации украинских писателей, выступивших инициаторами создания этого движения. Их упрекают в попытках «заниматься не своим делом», «сеять национальную рознь». 1 марта по республиканскому телевидению была показана передача, в которой явно организованные «представители рабочего класса» в духе недавно отмененных сталинско-ждановских постановлений по культуре поучали писателей, чем они должны заниматься и как нужно писать «хорошие книги». Кроме писателей, обвинения сыпались на головы неформалов и тех, кто «много говорит и мало делает»,— интеллигенции.

С экрана республиканского телевидения раздавался в числе прочих и такой «возмущенный» вопрос: «Кто дал писателям право говорить от имени народа?» Но во все времена все цивилизованные народы считали голос своих писателей не только своим голосом, но и своей совестью. Те, кто под видом плюрализма мнений вкладывает в уста «представителей трудящихся» подобные вопросы, унижают не писателей, а народ, изображая его варваром, и провоцируют социальную нетерпимость. Как коммунист, как сын и брат донецких рабочих, как офицер, то есть интеллигент, я возмущен этой кампанией. Она, по-моему, не служит ни интересам рабочего класса, ни интересам народа. Она служит тем, кто пытается сделать Украину резервацией застоя, интересам удельных князьков, которые демонстрируют свою силу и забалтывают перестройку демагогией о призраке украинского национализма.

В своем выступлении Председатель Президиума Верховного Совета УССР В. С. Шевченко сообщила, что рассматривается вопрос о придании статуса государственного языка на Украине не только украинскому, но и русскому языку. Таким образом она решила продемонстрировать свою преданность принципам интернационализма. Я лично вырос в Донбассе среди людей многих национальностей. Моя мать русская, отец украинец, высшее образование я получил в Москве, владею пятью языками, мне дороги и русский, и украинский языки. Но когда я услышал рассуждения о придании статуса государственного языка на Украине русскому языку, то, честно говоря, не понял, что это: рецидив сталинщины в национальной политике или искренняя и от этого не менее ужасная боязнь того, что Украина, говорящая по-украински, не может быть советской и социалистической? Тем более что это говорится в то время, когда еще украинский язык не стал государственным на Украине, а те, кто посмел потребовать этого (писатели), сделаны козлами отпущения!

Я не теоретик в национальном вопросе, но практики у меня достаточно, и я не понимаю, зачем русскому языку статус государственного в любой республике СССР, если ему не только законодательно, но и всем укладом нашей жизни гарантирован более высокий статус языка межнационального общения, то есть международного языка, которых всего-то в мире менее десятка? Как сына русской матери, меня возмущает попытка В. С. Шевченко стать в позу защитника великого народа и великого языка, которые в ее защите не нуждаются и у которых нет более опасного врага, чем бюрократия, всегда и везде уродовавшая и языки, и судьбы народов. Как сын отца-украинца, я убежден, что от того, что украинский язык станет государственным на Украине, ни русский народ, ни русский язык не пострадают, а пострадают бюрократы, которым придется или сесть за учебники, или уйти со своих постов. Именно это и беспокоит «защитников» русского языка. Простой народ — и рабочие, и крестьяне, и интеллигенты обеих наций — всегда понимали друг друга без переводчиков.

Братство наших народов скреплено вековой историей, воспето в песнях, стихах и книгах, которые творил сам народ и его неотъемлемая часть — интеллигенция, а не бюрократы, свято верящие не в народ, а в свое бумаготворчество.

Что же касается русского языка, то даже если бы в какой-то из союзных республик был принят закон, запрещающий использование русского языка (я преднамеренно беру экстремистский вариант, раз уж нас пугают национальным экстремизмом), это все равно не повлияло бы на его судьбу, так как писаный закон не может быть сильнее неписаного, отражающего объективные тенденции к интеграции и ассимиляции, господствующие в межнациональных отношениях во всем мире. Вместо того чтобы спекулировать на непонимании истинной ситуации большинством русскоязычного населения республик, сеять панику и создавать «интерфронты», вносящие раскол, лучше бы спокойно объяснить людям, что языковые проблемы решаются не на митингах, не на фронтах, а в учебных классах: все цивилизованные люди во всех странах берутся за учебники и изучают язык коренной национальности.

Чтобы лжеинтернационалисты не обвинили меня в том, что я не знаю реальностей жизни, «много говорю и мало делаю», позволю себе нескромность сослаться на свой опыт и свои конкретные дела. По долгу службы работая два года в Мали, я осваивал бамбара, хотя спокойно мог обходиться только французским (что и делают, кстати, многие наши «интернационалисты», работающие там). Смею вас заверить, что ни я, ни воспитавшие меня русский и украинский народы от этого ничего не потеряли. Так почему я должен понимать пафос возмущения тех, кто не хочет изучать украинский, казахский, эстонский и другие языки, проживая в этих республиках не два, а 20—40 и более лет?

На 72-м году нашей революции (а для всех бывших национальных окраин она была и остается не только социалистической, но и национально-освободительной — не знать или не понимать этого марксисты-ленинцы не имеют права) и под флагом революционной перестройки декретировать в качестве государственного язык бывшей метрополии на территории бывшей колонии было бы сомнительным комплиментом и перестройке, и русскому языку. Даже в Африке это делалось только в том случае, если язык коренной национальности по уровню своего развития объективно не мог обеспечить нормальное функционирование всех сфер жизни общества. Неужели украинский язык можно отнести к таким языкам?

Л. ЗВЕРЕВ,
член КПСС с 1980 года,
начальник Одесского
матросского клуба.
Одесса

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам. Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

"ВРАГИ ЕГО, ДРУЗЬЯ ЕГО..."

К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДУЭЛИ ПУШКИНА

Вырвавшись в Москву из михайловской ссылки, Пушкин был как никогда общителен и словоохотлив: шутил, читал стихи, писал эпиграммы. Молодой княжне Софье Урусовой, которая слыла совершенной красавицей, он посвятил мадригал с переводом четырех строк из Вольтера:

Не веровал я троице доныне:
Мне бог тройной казался
все мудрен;
Но вижу вас и, верой одврен,
Молюсь трем грациям
в одной богине.

Красавица с благодарностью приняла стихи, а Пушкин — вызов на дуэль от артиллерийского подпоручика Владимира Соломирского. Был он дальним родственником Урусовых и, конечно, тоже обожал молодую княжну. Но с появлением поэта Софья стала относиться к молодому офицеру менее благосклонно. Охваченный ревностью, пылкий подпоручик скоро нашел повод, чтобы потребовать от соперника сатисфакции.

Это было в апреле 1827 года. Александр Пушкин втайне ото всех избрал секундантом Павла Муханова, а Соломирский — тоже втайне — Алексея Шереметева. И тут случилось непредвиденное. Оба секунданта оказались товарищами по полку, да еще поклонниками поэта, и они решили, что будет куда приятнее предстоящую дуэль заменить веселой пирушкой.

И вот на Арбате, в квартире Сергея Соболевского, у которого жил тогда Пушкин, в утренний час собрались участники дуэли. М. И. Семевский писал: «При дружных усилиях обоих секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего, по свидетельству Муханова, большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки».

Княжна Урусова так и не стала «богиней» ни для Пушкина, ни для Соломирского [1]. Поэт взял в жены первую московскую красавицу Наталью Гончарову, а Владимир женился на графине Марии Апраксиной. Кстати, в истории русской поэзии известно и это имя. Михаил Лермонтов, сидя под арестом за дуэль с Барантом в 1840 году, написал и посвятил ей стихотворение «Над бездной адскою блуждая...». На другой знакомой Пушкина, дочери московского почтдиректора Екатерине Булгаковой, женился брат Соломирского Павел, командир лейбгвардии гусарского полка. Как раз под его началом служил молодой Лермонтов. А сам этот полк квартировал в окрестностях Царского Села.

Так уж случилось, что и Булгаковы, и Соломирские были знакомы Пушкину, и отношения с ними, как видим, сложились не совсем обычные. Судьба словно готовила сделать их врагами поэта, но не завершила задуманного. Потом они хотели стать его друзьями, но и этим словом их тоже нельзя назвать. Впрочем, можно, но лишь в контексте того, что Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

Раскаявшийся дуэлянт Владимир Соломирский, пожалованный потом, как и Пушкин, в камер-юнкеры, с середины тридцатых годов жил на Урале «частным человеком». Знакомство с Пушкиным не прошло бесследно: он стал поклонником его таланта. Владимир придерживался демократических взглядов. Ему и самому не чужды были литературные интересы: писал стихи, но, наверное, ничего не печатал. Павел Соломирский после выхода в отставку тоже немало внимания уделял своим заводам, переселившись с женой на Урал.

Как же жители Москвы и Петербурга — братья Соломирские — стали уральскими жителями? Раскроем все знающие адрес-календари Пермской губернии и в поименной росписи владельцев горных заводов найдем строки о Соломирских. Нет, не «все врут календари»! Они точно указывают, какие заводы принадлежали этой фамилии: сысертские, полевские, северские...

Но ведь это как раз те заводы, которыми в начале девятнадцатого столетия владела молодая вдова екатеринбургского прокурора обер-бергмейстерша Наталья Алексеевна Колтовская, урожденная Турчанинова. Вдову обижали совладельцы-заводчики, и она без устали слала в сенат прошения, искала защиты от посягательств на свои владения. Нередко и сама сочиняла разного рода доносы. Частенько наведывалась в Москву и Петербург, подолгу жила там.

Несмотря на свои молодые годы, Колтачиха, как прозвали в народе неугомонную заводчицу, оказалась довольно ловкой. Ей удалось добиться, чтобы тяжбой занялся Гавриил Романович Державин, в преклонные лета служивший сенатором. Успехи молодой вдовы, впрочем, легко объяснимы: в северной столице она сошлась с влиятельным вельможей и известным дипломатом Дмитрием Павловичем Татищевым. Владимир и Павел Соломирские — это их внебрачные дети. От матери они унаследовали, хотя и не сразу, уральские заводы, а от отца, кроме всего прочего, образованность и великосветские связи.

Что еще мы знаем о братьях Соломирских? Познакомились они с Пушкиным, видимо, в Царском Селе, когда поэт заканчивал лицей. Известно пока единственное письмо несостоявшегося дуэлянта к поэту, впервые напечатанное в «Русском архиве» в 1894 году. Публикуя его, Леонид Майков отмечал: «В числе друзей Пушкина не упоминается имени Владимира Дмитриевича Соломирского, но из любопытного письма... обнаруживается, что между Соломирским и Пушкиным существовали довольно короткие отношения» [2].

Да, послание давало повод для такого вывода.

Напомним, письмо было послано Пушкину 17 июля 1835 года из Тобольска, где на званом обеде несколько друзей заспорили о поэте, вернее, о его творениях. Не все имена назвал Владимир, но суть споров ясна: «...Мой богатый гость старинной школы восстал на тя со всею силою классицизма и педантизма. Я, вопреки моим мнениям, взял твою сторону, и дело пошло на голоса» [3].

И все же мы мало что знаем о Соломирских — и Владимире, и Павле. Знаем мало, несмотря на то, что личные архивы Соломирских, хотя далеко не в полном виде, дошли до наших дней. Незначительная часть их осела в Государственном архиве Свердловской области. Просматривая эти бумаги, нельзя не обратить внимания на копию письма П. А. Вяземского к Денису Давыдову, написанного в феврале 1837 года. Письмо посвящено последним дням жизни и обстоятельствам роковой дуэли Пушкина.

«Сей час прочел я твое письмо,— сообщал Вяземский,— и спешу сказать тебе несколько слов в ответ. Понимаю твою скорбь. Я знал наперед, что ты живо почувствуешь нашу потерю. Твое сердце любило Русскую славу, поэзию, знало Пушкина не поверхностно, как знал его равнодушный и недоброжелательный свет, и умело оценить все, что было в нем высокого и доброго, несмотря на слабости и недостатки, свойственные каждому человеку; кто умеет сострадать несчастию ближнего — может ли тот не содрогнуться от участи, постигнувшей Пушкина, и не оплакивать его горячими, сердечными слезами! Спроси у Булгакова копию с письма моего, в котором описываю эму подробности последних дней его. Изложить причины, которые произвели плачевное последствие, невозможно, потому многое остается тайным для нас самих, очевидцев; впрочем, и тем, что знаем, можно объяснить случившееся...» [1]

Письмо важное, и пушкинистам давно известно его основное содержание. Но известно как письмо к Давыдову, а не к московскому почтдиректору Александру Яковлевичу Булгакову, то есть к отцу Екатерины Соломирской. С указанием первого адресата издатель «Русского архива» Петр Бартенев опубликовал письмо в 1879 году. Но случайно ли в письме упоминание о Булгакове?

Уральский историк А. Г. Козлов предполагал, что письмо попало к Бартеневу, по-видимому, без цитируемых здесь отдельных строк. Во всяком случае, напечатано с некоторыми изменениями. Издатель, наверное, принял письмо к Булгакову и Давыдову за письмо к одному адресату. Но ведь и для такого предположения нужны основания, хотя бы самые общие. Такие основания у Козлова были. Булгаков знал Пушкина, не раз встречался с ним. А поэт брал у почтдиректора подорожную, когда направлялся в 1833 году на Урал. Дело этим, впрочем, не ограничивалось.

По словам того же Вяземского, почтдиректор Булгаков был на государственной службе совершенно в своей стихии. Он получал письма, писал письма, отправлял письма; словом, купался и плавал в письмах, как осетр в Оке. Булгаков знал всю Москву, и весь город знал его. Все несли ему последние новости, и все ждали от него новостей. Иногда служебное рвение и чрезмерное любопытство Булгакова, его тесная связь с полицией ставили многих, в том числе Пушкина, в неловкое положение.

В 1834 году поэту стало известно, что московский почтдиректор распечатал его письмо к жене и, найдя в нем описание присяги великого князя, изложенное «слогом неофициальным», доложил о сем чинам полиции. В одном из очередных писем к жене, видимо, рассчитывая на то, что и оно будет вскрыто, Пушкин дал волю своему гневу: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше».

Располагая широким кругом знакомых, особенно жадных до литературных новостей, Булгаков нередко переписывал адресованные ему лично или заполученные от других письма, рассылал их во все концы. Иногда в этом помогали ему и дочери. Заметим, и в Свердловске не подлинник, а копия, исполненная рукой Екатерины Соломирской. И копия эта могла быть не единственной. Вряд ли лично для себя делала их Екатерина. Жила она тогда с Павлом то в Царском Селе и близлежащей уездной Софии, где квартировал гусарский полк, то в Петербурге. Они о событиях знали из первых уст...

Логичнее предположить другое: дочь почтдиректора могла снять эту копию и послать, скажем, брату своего мужа, Владимиру Соломирскому, почитателю пушкинского таланта. Возможно, что с 1837 года и хранилось сие послание на Урале. Разница же между текстами, один из которых оказался в руках Бартенева, а другой — в свердловском архиве, могла заключаться лишь в том, что копия Соломирской сделана с полного текста письма, может быть, даже с оригинала, пересылаемого Вяземским через Булгаковых Денису Давыдову. А у издателя «Русского архива» — уже адаптированный вариант, своего рода информационное сообщение эпистолярного жанра. Подобным же образом Булгаков и его московские друзья распространяли широко известное письмо Жуковского к отцу поэта о последних днях жизни Пушкина. Причем письмо было написано специально для хождения в литературных кругах.

Надо полагать, в руки Бартенева попала лишь одна из копий адаптированного варианта письма. Предположение это отчасти подтверждается документами огромного, до сих пор недостаточно изученного архива Булгаковых, находящегося в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве.

Чего только ни хранил среди своих бумаг московский почтдиректор! Письма артистов, литераторов и просто друзей, наконец, послания своего многочисленного семейства. Часть коллекции — 273 письма — принадлежала Екатерине Соломирской, которая иногда подписывалась «Катанашка», и 107 писем — Павлу Соломирскому. Что писали супруги о поэте? Как отозвалась в их сердцах его гибель?

Читать усыпанные бисером французских и русских слов послания Соломирских — дело очень сложное. Несколько часов уходит на то, чтобы разобрать абзац. «Мое письмо — настоящее смешение нижегородского с французским,— признается Павел А. Я. Булгакову,— прости, папаша. Я ведь всем пишу как думаю, а думаю на разных диалектах, и счастие ваше, что по-английски не говорим, а не то и «собачьего» языка вам пришлось бы хлебать в сей окрошке».

Посмотрим более внимательно хотя бы письма конца 1835 и начала 1837 годов. К одному из посланий «Катанашки» приложен список участников кадрили на балу у графини Фикельмон, тут же приводятся описания костюмов. Это еще время развлечений и интриг. Но уже в письме от 29 января 1837 года — известие о дуэли. Сведения Екатерины пока сбивчивы: «Вообрази, что у Пушкина был секундантом Данзас, что у князя Д. В. Голицына служит. Это ужасно неприятный (приятный?— нрзб. **А. Н.**) человек. У того какой-то француз, которого не помню имени».

Вскоре многие детали поединка выясняются, начинается оценка случившегося. В письме Екатерины от 30 января есть такие строки: «Представь себе, дорогой папинька, что бедный Пушкин умер вчера в самых ужасных страданиях... Все ужасно жалеют Пушкина, не говоря уже о его талантах, но как хорошего приятеля». Письмо это косвенно высвечивает и отношение Павла Соломирского к трагедии. Могла ли так писать дочь отцу, если бы ее муж разделял другие взгляды? Слова о том, что все ужасно жалеют Пушкина, звучат непосредственно и, надо думать, отражают одновременно и мнение братьев Соломирских.

В письме Соломирской от 6 февраля 1837 года из Царского Села прямо говорится об источнике информации: «Позавчера Паолино (Павел.— **А. Н.**) был в Петербурге и говорит, что разговоры только о смерти этого бедного Пушкина, тело которого уже увезли в Псков, в одно из его имений, чтобы там его похоронить» [3]. Здесь же Екатерина передает, видимо, ходивший в Петербурге рассказ об одном из диалогов на балу между Пушкиным и женой. Когда Натали спросила: «Что так задумчив мой поэт?» — тот ответил экспромтом:

Для твоего поэта
Настал уж пост.
Люблю тебя, моя комвта,
Но не люблю твой хвост.

О какой комете и каком хвосте шла речь, догадаться нетрудно. Передавая эти строки отцу, Екатерина Александровна, наверное, считала их наиболее точными и понятными в объяснении отношений между Гончаровой, Пушкиным и Дантесом.

Соломирские были близки к пониманию причин трагической дуэли и не разделяли мнения тех, кто склонен был считать самого Пушкина виноватым во всем. Кто-кто, а Владимир и Павел хорошо знали, что Пушкин не отличался злопамятством. И знали это не только Соломирские. История с «американцем» Федором Толстым, с которым сам Пушкин искал дуэли, кончилась тем, что поэт послал его объясняться с Гончаровыми, когда решил жениться на Натали.

И хотя не все документы личных архивов Булгаковых и Соломирских еще изучены досконально, они вносят важные штрихи в малоизвестную историю несостоявшейся дуэли Пушкина, а равно и той — роковой. Многие русские люди, особенно литераторы, близко знавшие поэта, сознавали его гениальность и легко прощали то, чего не могли простить люди завистливые, самолюбивые. Нет, недаром, завершая свое письмо к поэту в 1835 году, Владимир Соломирский соглашался с безобидным для него мнением историка Петра Словцова о том, что гении своевольны.

Александр НИКИТИН,
кандидат философских наук
Свердловск — Москва

[1] Выйдя замуж за одного из представителей княжеского рода Радзивиллов, Софья стала фавориткой Николая I.

[2] Русский архив, 1894, № 11, с. 455—456.
[3] Там же.

[1] Государственный архив Свердловской области, фонд Соломирских.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРАВО НА ВЪЕЗД, ПРАВО НА ВЫЕЗД

Владимир КАРТАШКИН, доктор юридических наук

Среди разрабатываемых в настоящее время проектов законодательных актов особое место занимает закон о порядке выезда из СССР советских граждан и возвращения обратно. Мировое сообщество народов становится ныне единым организмом, вне которого не может развиваться ни одно государство.

Развитие экономических связей, создание совместных предприятий, переход на самофинансирование и хозрасчет неизбежно влекут значительное расширение потока людей и товаров через границы нашей страны. Движение к большему единству мира, интенсификация контактов между людьми, расширение международного сотрудничества во всех сферах взаимоотношений государств — кратчайший путь к созданию всеобъемлющей системы международной безопасности.

Решение всех этих вопросов во многом будет зависеть и от того, насколько полно закон о выезде из СССР и въезде в СССР будет отвечать потребностям социально-экономического развития страны и гуманизации международных отношений.

Годы культа личности, застоя и торможения не могли не сказаться на контактах между государствами и людьми. Многие честные граждане — ученые, писатели, артисты, художники, поэты, композиторы покинули страну и не возвратились обратно, поскольку не обладали таким правом, закрепленным в законодательном порядке. По этому вопросу, как и по многим другим проблемам общественной жизни, зачастую встречаются различные мнения и точки зрения, обусловленные в значительной степени борьбой старого и нового.

В истории нашей страны вопросы выезда и въезда регулировались по-разному. После революции и в годы гражданской войны свобода выезда была ограничена. Однако после введения нэпа каждый советский человек, желающий выехать из страны, заплатив налог, получал заграничный паспорт. Единственный документ, который он должен был предъявить для получения заграничного паспорта, была справка с места работы о том, что у него нет законных препятствий к выезду из страны. Но уже в 1925 году вышло «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» и целый ряд инструкций к нему, которые серьезно ограничивали, а по сути дела, запрещали выезд за границу. В 1959 году было издано новое Положение, а сейчас действует третье Положение о въезде в СССР и выезде из СССР, принятое Советом Министров СССР в 1970 году. Дополнение к нему от 1986 года расширило возможности для поездок, однако обязательным условием для них является наличие уважительной причины, главным образом получение приглашения от родственников или других лиц, постоянно проживающих за рубежом.

В настоящее время продолжает настойчиво высказываться предложение ограничить основания для выезда советских людей из страны лишь **частными делами.** Их перечень содержится в ныне действующих дополнениях к Положению о въезде в СССР и выезде из СССР. Среди них — воссоединение членов семей, встречи с близкими родственниками, заключение браков, посещение тяжело больных родственников, мест захоронения близких родственников, разрешение вопросов о наследстве и т. п. Предлагается также разрешить выезд за границу на постоянное жительство лишь по приглашению лица, постоянно там проживающего.

С другой стороны, высказываются предложения в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, с Международным пактом о гражданских и политических правах, хельсинкским Заключительным актом, решениями Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе предоставить право на временный или постоянный выезд из страны на основании личного обращения гражданина без каких-либо закрепленных в законе частных поводов. Существуют серьезные разногласия и по ряду других вопросов: основания отказа в выезде, сроки временного пребывания за границей и т. п.

Выезд граждан за рубеж ограничен и по соображениям государственной безопасности. В отличие от других стран наши законодательные акты не предусматривают конкретный максимальный срок, в течение которого человеку, владеющему государственными секретами, может быть отказано в выезде из страны. Известны случаи, когда советским гражданам отказывали в таком праве 20 и более лет. Очевидно, что введение конкретного максимального срока (пять—семь лет) было бы верным решением, ограничивающим ведомственный произвол.

Важное значение для эффективного осуществления как этого, так и других прав имело бы решение вопроса о судебной защите прав граждан в случае их нарушения. Как известно, сейчас у нас одной из основных форм обжалования неправомерных действий должностных лиц является подача жалобы по административной линии. Действующий с 1 января 1988 года Закон о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц уже «оброс» инструкциями, которые существенно ограничивают такую возможность. В западных и многих социалистических странах функционируют административные и иные суды, куда можно обращаться с любым требованием о защите нарушенного права.

В столкновении мнений как по этому, так и по другим вопросам пока преобладает точка зрения представителей министерств и ведомств. При этом они зачастую не принимают во внимание те международные обязательства, которые взяла на себя наша страна. Принятый в январе текущего года Итоговый документ Венской встречи представителей государств—участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе вслед за Пактом о гражданских и политических правах обязывает государства полностью уважать право каждого «покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну». В этом документе установлены конкретные сроки рассмотрения ходатайств о выезде, а в случае их отклонения по причинам, определенным в соответствующих международных соглашениях, заявителю должно быть выдано в **письменной форме официальное извещение** о том, на каких основаниях вынесено такое решение. Однако наши ведомства не спешат выполнять это положение Итогового документа Венской встречи. Поэтому особенно важно, чтобы новый закон, регулирующий вопросы въезда и выезда, полностью соответствовал тем международным обязательствам, которые взяла на себя наша страна.

При принятии закона надо широко использовать практику других стран, особенно социалистических. В некоторых из них (ПНР) любой гражданин, уплатив налог, может получить заграничный паспорт, действительный до 10 лет, и по нему в любое время выехать из страны и возвратиться обратно.

Учитывая важность данного закона для дальнейшей демократизации жизни страны, успешного проведения экономической реформы, а также воздействия на международные отношения, в целом, было бы целесообразно тщательно обсудить его на сессии Верховного Совета СССР.

ВЫЙТИ ИЗ ТУПИКА

Николай АЖИЩЕВ, кандидат химических наук; Григорий ХАНИН, кандидат экономических наук

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Вряд ли нужно долго убеждать кого-нибудь, что наше экономическое положение сейчас тяжелое и принятые в рамках экономической реформы меры не дали пока позитивного результата. Рядовой советский гражданин видит это и своими глазами, не заглядывая в журналы,— на рабочем месте и в магазине. По нашим предварительным расчетам, национальный доход в 1988 году не только не возрос по сравнению с предыдущим годом, но даже снизился (примерно на 0,1%). Это само по себе говорит о стагнации в экономике. Добро бы такое снижение явилось платой за крупные структурные сдвиги или уменьшение загрязнения окружающей среды. Но таких данных, к сожалению, нет. Оптовые цены во второй половине 1988 года росли ежеквартально не менее чем на 5—6%, такого быстрого роста оптовых цен (за исключением редких периодов их единовременных реформ) у нас не было с конца 40-х годов. Усилились дефицит многих продуктов, неустойчивость потребительского рынка. Доходы государственного бюджета росли медленнее, чем расходы.

Ничто не говорит о том, что в 1989 году положение в экономике станет лучше. Напротив, характер тенденций прошлого года, ряд долгосрочных факторов (снижение объема производственных фондов, ухудшение положения с трудовыми ресурсами и сырьем, экологические проблемы), планируемый значительный рост дефицита государственного бюджета, дополнительные расходы по ликвидации последствий землетрясения в Армении, неизбежная дезорганизация рынка средств производства в условиях, когда госзаказы сокращены, а фондовое снабжение средствами производства сохранено,— все это предвещает дальнейшее ухудшение экономического положения.

Предстоит тщательно разобраться, почему и по чьей конкретно вине провозглашенные меры по реформе хозяйственного механизма не дали положительного результата. Некоторые (из числа противников перестройки) наверняка скажут, что не следовало разрушать «испытанные социалистические принципы хозяйствования»,— отсюда, дескать, все неудачи. Однако следование традиционным методам хозяйствования за 60 лет убеждает в обратном. Если бы продолжались тенденции, сложившиеся в 60-е — начале 80-х годов, то к 1990 году мы имели бы, по нашим подсчетам, сокращение национального дохода по сравнению с 1980 годом на 20% (вместо намечающихся при сохранении нынешних тенденций 3—4%). Дело, конечно, совсем в другом: в общем правильные принципы хозяйственной реформы осуществлялись из рук вон плохо. Знаменитый «пакет» о реформе составлялся как будто нарочно так, чтобы сделать невозможной ее реализацию. Экономистов, которые устно и письменно предупреждали об этом с весны 1987 года, никто и слушать не хотел...

Убеждены, что как в доме без крыши нельзя жить, даже если фундамент и стены в полном порядке, так и экономическая политика не может быть успешной без ряда элементов, которые у нас либо отсутствуют вообще, либо имеются в зачаточном состоянии.

Начнем с весьма деликатного, но жизненно важного вопроса о наших военных расходах. Было время, когда этой темы вообще нельзя было касаться. Теперь она то и дело всплывает на страницах печати. Но обстоятельного и детального разговора на этот счет еще не было. Да и вести его совсем нелегко. У нас такое запутанное ценообразование, что установить истину даже при желании крайне трудно.

Будем рассуждать с позиций здравого смысла. Коль скоро мы добились примерного военно-стратегического паритета с США (а с этим согласны все исследователи), даром это нам никак не могло обойтись. Не станем утверждать, что для содержания армии и флота одинаковой мощности у нас должны быть точно такие же военные расходы, как у США. У них ведь армия добровольческая, служат в ней за очень большие деньги (велик риск!), а у нас при обязательной военной службе солдаты довольствуются весьма скромным пайком и пятеркой в месяц. И, самое главное, техника, основу которой сейчас составляет электроника, обходится нам намного дороже. Наши цены на электронику иногда превышают мировые в 6—8 раз. Принимая все сказанное во внимание и учитывая, что у нас реальная величина валового внутреннего продукта (ВВП) меньше американской как минимум в 3 раза, получаем, что наши военные расходы значительно превышают официально объявленную цифру *.

Для мирного времени цифра великовата. Даже перед Великой Отечественной войной наши военные расходы составляли 15% ВВП. В основных развитых капиталистических странах в настоящее время на военные расходы идет 3—5% национального дохода, а в Японии чуть больше 1%. Мы тратим на вооружение больше, чем на науку, образование и здравоохранение, вместе взятые (для сравнения: в США расходы только на здравоохранение больше, чем расходы на вооруженные силы). За процентами ВВП, используемого на военные нужды, стоят многие миллионы занятых в оборонной промышленности и смежных с ней отраслях, в оборонных научно-исследовательских институтах и КБ, миллионы военнослужащих, огромный объем основных фондов. Дело не только в количестве этих ресурсов. Это чаще всего и самые лучшие по качеству ресурсы: лучшие рабочие, лучшие инженеры, ученые, самые

* Статья готовилась до Съезда народных депутатов. В докладе М. С. Горбачева на Съезде народных депутатов впервые была названа реальная цифра наших военных расходов на 1989 год — 77,3 миллиарда рублей (9% валового национального продукта).— **Ред.**

лучшие станки и материалы. Многие десятилетия, начиная с конца 20-х годов, оборонный сектор был в стране самым приоритетным. Все народное хозяйство работало прежде всего на него. На втором месте стоял инвестиционный сектор, и лишь на третьем — потребительский, которому доставались остатки от первых двух.

Непомерная величина оборонного сектора, по нашему глубокому убеждению, сейчас основной структурный фактор, мешающий развитию экономики. Рискнем сказать еще определеннее: без резкого, радикального сокращения военных расходов добиться оздоровления нашей экономики невозможно.

Как показывает опыт других социалистических стран, даже при правильном осуществлении экономических реформ не приходится ожидать от них ощутимого эффекта раньше, чем через 3—4 года. Между тем недовольство населения уровнем жизни и отсутствием прогресса в этом отношении растет не по дням, а по часам. Сокращение военных расходов в два раза, как мы предлагаем, даст крайне необходимые 3—4 года передышки, а вместо происходящего снижения уровня жизни обеспечит пусть и небольшой (2—3% на душу населения), но все же рост...

Сокращение военных расходов — безусловно, крупный резерв оздоровления нашей экономики, но он будет достаточно быстро исчерпан. Поэтому нужно искать и другие резервы. Следующим шагом к оздоровлению нам видится радикальный поворот экономики к внешнему миру. Связь эффективности экономики с интенсивностью ее внешних связей квалифицированным экономистам и обществоведам хорошо известна. Ни одна страна, даже самая большая, не в состоянии в одиночку удовлетворительно решить проблемы научно-технического и экономического прогресса. Обмен людьми, информацией, товарами между странами жизненно необходим. Те страны, которые в прошлом отгораживались от внешнего мира, неизбежно скатывались в глубокую культурную и экономическую пропасть. В течение многих десятилетий наша экономическая и социальная политика по мере возможности стремилась минимизировать внешние экономические и культурные связи. В результате наша доля в мировой внешней торговле во много раз меньше доли в мировом продукте, а интенсивность международного обмена людьми, информацией, услугами просто ничтожна.

Мы не видим другого выхода из сложившегося положения, кроме самого широкого использования научного, технического, технологического и управленческого опыта развитых стран для совершенствования нашей экономики. Мы уже стали на этот путь, но, как и в других вопросах, действуем робко и непоследовательно.

Какое конкретно содержание мы вкладываем в открытость экономики? Прежде всего снятие воздвигавшихся десятилетиями шлагбаумов для развития экономических и иных внешних связей. Надо разрешить беспрепятственный (за строго установленными исключениями) доступ иностранного капитала. Иностранные фирмы должны получить возможность не только устанавливать прямые связи с нашими предприятиями, но и брать их в аренду и скупать, создавать свои собственные промышленные, сельскохозяйственные, строительные и торговые предприятия, вкладывать средства в советские кооперативы, акционерные общества и т. д. Иностранный капитал принесет с собой не только финансовые ресурсы, но и передовую технику и технологию, умение организовывать производство и торговлю, рекламировать продукцию. Во многих областях иностранный опыт для нас жизненно необходим. Сейчас, к примеру, много говорят о необходимости создания коммерческих банков. Но ведь у нас просто некому организовать работу этих банков. Иностранные специалисты могут и должны приглашаться не только на иностранные и смешанные предприятия, но и на отечественные предприятия и в организации всех видов — в качестве консультантов и руководителей. Нам нужны специалисты не только высшего, но также и среднего и низшего ранга (мастера, квалифицированные рабочие). Думаем, речь может идти о приглашении около 100—200 тысяч иностранных специалистов на временную работу в наше народное хозяйство. Им, конечно, придется немало платить и создавать для них бытовые условия, которые они имеют у себя дома. Но при правильном отборе и использовании специалистов все затраты должны окупиться повышением эффективности нашей экономики.

Следует также дать возможность нашим студентам, ученым, инженерам, рабочим беспрепятственно выезжать на стажировку, учебу и временную работу в зарубежные страны, как это делают сейчас в Югославии, Венгрии, Польше, частично в Китае. В передовых научных лабораториях, вузах, на предприятиях они приобретут необходимые опыт и знания.

Широкое внедрение иностранного капитала и специалистов в советскую экономику приведет к серьезному соревнованию общественного сектора нашей экономики и социалистического мировоззрения граждан с иностранным капиталом и идейными воззрениями специалистов из капиталистических стран. Нет слов, проще всего уклониться от такого соревнования шлагбаумом ограничений и запретов. Но как спортсмен, не выступая в соревнованиях, деквалифицируется, так и социальная система, отгораживая себя от честной борьбы с другой системой, становится немощной.

Разумеется, иностранный капитал и иностранные специалисты не помогут, если мы сами себе не поможем. Что больше всего мешает эффективной работе наших предприятий? Правильно говорят: административно-командная система. Но такое утверждение недостаточно конкретно. Основу административно-командной системы ищут в методах управления общественным сектором со стороны центральных экономических органов. Нам же представляется, что центральным здесь является вопрос не о методах управления (он скорее производный), а о характере собственности в социалистическом обществе. Пока у нас будет господствовать только государственная собственность, у административных методов будет надежная экономическая и юридическая основа.

Наша экономика не сумела найти конкретного собственника производственных фондов, отвечающего полностью и всецело за их эффективное использование. В последние три года сделаны некоторые шаги к формированию кооперативной и индивидуально-трудовой собственности. Но оба эти сектора вряд ли составят даже при самых благоприятных условиях в обозримом будущем значительную часть нашей экономики. Узкие границы этих видов собственности определяются экономической малосильностью подавляющей части нашего населения.

Необходим прорыв в решающей части экономики, сосредоточенной сейчас в руках государства. Просто передать эту собственность в распоряжение отдельных коллективов не только экономически не оправдано, но и несправедливо. Бесплатный подарок от общества не содействует рачительному хозяйствованию, и отдельные коллективы незаслуженно были бы поставлены в разные условия в связи с различным экономическим положением и техническим оснащением передаваемых предприятий. Для членов созданного таким образом кооператива оказалось бы невозможным при смене места жительства или работы взять свой пай. Отсюда — слабая заинтересованность в расширении основных фондов своих предприятий.

Нам представляется, что правильным решением проблемы государственной собственности было бы изменение ее юридического положения, превращение подавляющего большинства предприятий (или, точнее, основной массы фондов государственных предприятий) в акционерные общества. Для советских людей, даже изучивших политическую экономию, акционерные общества являются малопонятным и экзотическим институтом капиталистической экономики на ее монополистической стадии. Удивляться тут нечему: политэкономия у нас преподавалась так, чтобы как можно меньше была понятна реальная экономика, как социалистическая, так и капиталистическая. Между тем акционерные общества — наиболее естественная форма любого крупного предприятия, работающего на рынок в условиях коммерческого расчета. Достоинство этой формы в том, что она позволяет выделить индивидуальных собственников, заинтересовать их в результатах производства и перспективах предприятия, быстро привлечь дополнительный капитал со стороны (для этого тоже нужно хорошо работать, иначе не привлечешь), гибко маневрировать, в случае необходимости избавляясь от своего пая в пользу других собственников. Собственность акционерных обществ в условиях социализма остается общественной, причем в гораздо большей степени, чем обезличенная и безразличная для всех нынешняя государственная собственность.

Как преобразовать государственные предприятия в акционерные общества? На сумму стоимости производственных фондов большинства рентабельных государственных предприятий (нерентабельные надо либо закрывать, либо сдавать в аренду своим коллективам или иностранным собственникам) выпускаются акции с номинальной стоимостью, доступной для лиц со средним доходом. Общая сумма акционерного капитала делится на три части. Первая часть — стоимость бюджетных средств, использованных на предприятии с момента его создания. Эти акции являются собственностью государства, дивиденды от них поступают в государственный бюджет в виде одной из статей его дохода. Вторая часть остается в собственности предприятия, третья поступает его работникам. Поскольку производственные фонды предприятий сейчас оценены в зависимости от периода их ввода, в разных по покупательной способности рублях, необходима срочная квалифицированная их переоценка по современной (восстановительной, как ее называют экономисты) стоимости. Надо переоценить и бюджетные вложения разных лет.

Не скажем, что деление акционерного капитала исходя из бюджетных и внебюджетных средств идеально оценивает вклад государства и вклад предприятия. При большом произволе в распределении прибыли и финансировании предприятий в прошлом определенные ошибки неизбежны. Но лучшего и более эффективного способа мы не видим.

Акционерный капитал, реализуемый среди членов коллектива, должен делиться в соответствии с их вкладом в развитие предприятия. В качестве такого вклада мы предлагаем принять сумму выплаченной работникам за время работы на предприятии заработной платы. В этом случае приоритет получают ветераны и наиболее квалифицированные работники. При существовавших в прошлом перекосах и несправедливостях в начислении заработной платы этот путь, конечно, тоже не идеален, но более объективного критерия распределения прибыли между акционерами, кажется, пока нет.

Величина и распределение акционерного капитала неизбежно будут меняться во времени. Акционерный капитал будет увеличиваться по мере роста предприятия. В результате выпуска новых акций в массовую продажу и перепродажи выпущенных ранее появятся новые собственники. Принятое сейчас запрещение продажи акций населению является экономическим нонсенсом. При изменении экономического положения государства, предприятия и отдельных его работников (а можно ли представить, что ни то, ни другое, ни третье никогда меняться не будут?) неизбежно изменение объема акционерного капитала и его распределения между отдельными акционерами. Для торговли акциями понадобится фондовая биржа или несколько фондовых бирж в различных районах страны. Акционерные общества для финансирования своей деятельности смогут прибегать к выпуску долговых обязательств с фиксированным процентом облигаций. Они также будут реализовываться на фондовой бирже.

Правление акционерного общества, избираемое из числа акционеров, будет определять экономическую политику и подбирать административный аппарат максимально продуманно и взвешенно. Иначе предприятие обанкротится, собственность перейдет к другим лицам или организациям.

Очень важным является вопрос о том, что считать предприятием при образовании акционерного общества. Разумеется, здесь надо избегать декретирования и шаблона. Однако на начальном этапе государственным органам придется, видимо, противодействовать двум тенденциям: монополизации рынка и его чрезмерному дроблению в результате создания маломощных предприятий, не способных к конкуренции на внутреннем и мировом рынке.

Учтем еще один аспект: для придания нашей экономике открытого характера надо обеспечить сопряжение внутреннего хозяйственного механизма с мировым. Иначе как через акционеризацию взаимосвязи двух этих сфер не обеспечишь. Акционерная форма привычна для крупных развитых стран (не только западных). Иностранный капитал сам будет создавать в нашей стране акционерные общества и участвовать в деятельности уже существующих акционерных обществ.

Кстати, невозможно представить себе открытую экономику и без свободно конвертируемой валюты. Иностранные бизнесмены или специалисты должны иметь возможность обращать свою выручку в нашей стране в те деньги, которые они предпочитают, независимо от того, проданы их товары внутри страны или за рубежом. Обмениваемость одних денег на другие и на любые товары — это, собственно говоря, их неотъемлемое свойство как средства обмена. Наш рубль уже с середины 20-х годов (когда отменили его свободную обмениваемость на иностранную валюту и золото) становился деньгами лишь по названию. Если на деньги нельзя приобрести любой товар, это уже не деньги. Когда-то мы этим даже гордились, видя в этом преимущество социализма. Теперь понимаем, что это большая наша беда. Зачем хорошо работать, если самых необходимых продуктов не купишь ни за какие деньги? Коллективам предприятий, кстати, дополнительная выручка также оборачивается порой бесполезным оседанием средств на счетах Госбанка. Когда нет хороших денег, вольготно чувствуют себя бракодел и консерватор. Потреби-

телю некуда деваться от плохого отечественного поставщика. Лучший по качеству иностранный товар на рубли не продается...

Как видим, все ключевые проблемы экономики: повышение ее эффективности, улучшение качества продукции, расширение открытости — упираются в отсутствие хороших денег. Понимание этой истины, хоть и очень медленно, приходит к нашим ученым-экономистам. Хуже обстоит дело с практиками. Если судить по принятым решениям в области денежно-кредитной сферы (в рамках пакета постановлений о реформе), намерения здесь очень далеки от искомой цели. Результаты последнего года свидетельствуют, что на практике рубль становится не лучше, а хуже, все больше обесцениваясь.

В сознании большинства экономистов, как нам кажется, господствует мнение о превращении плохих денег в хорошие через изменения преимущественно в сфере производства и распределения. Им кажется, что постепенная отмена обязательных заданий предприятиям, карточек в распределении товаров, самофинансирование, кооперативы, подряд и аренда чуть ли не автоматически возродят деньги. Дайте нам хорошую экономику, говорят эти экономисты, и мы дадим вам хорошие деньги. По нашему мнению, это иллюзия. Без хороших денег нельзя получить хорошую экономику. Но верно и обратное: без хорошей экономики нельзя создать и хороших денег. Идти, следовательно, надо в двух направлениях: совершенствовать и производственный, и денежный механизм.

Думаем, что денежный механизм, сложившийся в условиях, когда деньги деньгами вовсе и не были, реорганизовать нельзя. Чтобы сделать нынешний рубль хорошим, понадобятся многие десятилетия. За это время наша экономика может развалиться полностью. Уверены: нужна новая денежная единица и вся денежная система. Только она возродит экономику.

Вспомним период нэпа, когда перед страной стояли во многом сходные проблемы. До сих пор поражает сказочный подъем почти мертвой экономики за какие-нибудь 2—3 года. Связывают это чаще всего с возросшей инициативой крестьян, ремесленников и государственных предприятий в результате снятия с них бюрократических пут. Но был и другой, не менее важный фактор. В октябре 1922 года были созданы новая денежная единица (червонец), обеспеченная золотом, иностранной валютой и легко реализуемыми ценностями, и Государственный банк, который выпускал эти червонцы только на нужды экономического оборота, а не на финансирование дефицита государственного бюджета. Получить червонец, а не худосочные совзнаки, стало для производителей реальной целью, ради которой стоило не жалеть усилий.

Что главное при создании твердой валюты? Этот вопрос у нас хуже всего понимают. Нам кажется, что главное — создать такой экономический орган, который никогда (или по крайней мере за редчайшими исключениями) не будет расходовать деньги для покрытия дефицита государственного бюджета. Сейчас у нас и Министерство финансов, и Государственный банк входят в состав правительства, подчиняются Председателю Совета Министров. То есть уже по своему положению в системе государственных органов наша денежная система поставлена на службу государственному бюджету. Когда денег в бюджете не хватает, министр финансов идет к Председателю Совета Министров и просит помощи. Тот скорее всего вызовет председателя Правления Государственного банка и отдаст соответствующее распоряжение...

В результате дефицит государственного бюджета достиг почти 20% расходной части (зачисление статьи «ссудный фонд» в размере около 64 миллиардов рублей в обычные доходы государственного бюджета неоправданно преуменьшает реальную величину дефицита до официально исчисляемых 36 миллиардов рублей).

Чтобы положить этому конец, надо вывести Государственный банк СССР из состава правительства. Назначать председателя Правления Госбанка должен Верховный Совет, и отвечать он (председатель) должен перед Верховным Советом только за устойчивость денежного обращения. (Попутно заметим, что неплохо бы и Госкомстат СССР вывести из подчинения Председателю Совета Министров СССР. Трудно ожидать объективной статистики, когда контролирующий и контролируемый находятся в отношениях соподчинения).

Когда Министерство финансов почувствует, что ему не приходится рассчитывать на безотказную помощь Госбанка, оно, наконец, возьмется по-настоящему за оздоровление нашего бюджета. Тогда-то оно и перестанет быть одним из основных элементов механизма торможения, каким является сейчас. (В период нэпа, кстати, положение было обратным: Наркомфин во главе с Г. Сокольниковым был тогда главным орудием реформ.)

Устранение дефицита госбюджета в условиях твердой валюты потребует не так уж много времени. Возвращаясь к затронутой ранее теме, скажем, что одно только предложенное сокращение военных расходов уменьшит дефицит нашего бюджета на 60 миллиардов рублей, больше чем на половину его нынешней величины. В начале нэпа с той же целью мы за 2 года (1921 и 1922) сократили наши вооруженные силы в 10 раз, оставив под ружьем только 0,5 миллиона человек — в три раза меньше, чем было в дореволюционной России.

Новая денежная единица, обеспеченная золотом и иностранной валютой, размениваемая на них и выпускаемая в оборот по чисто экономическим соображениям, в строгом соответствии с нуждами экономики, завоюет доверие населения. За получение такой денежной единицы будут изо всех сил трудиться и работники, и предприятия. Получив надежный измеритель, наш хозяйственный расчет станет реальным. Старый рубль будет вытесняться из оборота и обесцениваться. В конце концов его стоимость упадет так низко и роль в обороте настолько уменьшится, что легко можно будет обменять оставшиеся старые рубли на новую твердую денежную единицу, как это было сделано в 1924 году с обесценивавшимися совзнаками. Новая денежная единица полностью заменит старую.

При обсуждении вопроса о конвертируемости рубля его решение обычно откладывается на многие годы. Нам представляется, что существует реальная возможность перейти к конвертируемому рублю в ближайшие годы. Этот переход зависит не столько от уровня развития экономики, как считают многие, сколько от интенсивности рыночных отношений, форм хозяйственной жизни. Вспомним, что при нэпе конвертируемый червонец появился уже в конце 1922 года, когда экономика Советской России еще только начала возрождаться и в огромной степени отставала от уровня экономики развитых стран.

ЧТО НОВОГО? ЧТО СТАРОГО?

На Нюрнбергском процессе впервые прозвучало имя маленькой ленинградки Тани Савичевой: обличительным документом против военных преступников стала записная книжка, в которой девочка записывала даты смерти родных ей людей. Имя Тани стало известно во всем мире, а вот судьба ее была неизвестна. Вначале считалось, что девочка умерла в Ленинграде. Красные следопыты средней школы поселка Шатка Горьковской области выяснили, что Таня Савичева была эвакуирована в детский дом, находившийся неподалеку. Нашли они и могилу девочки. Появилась идея — создать мемориал «Дети войны». Ведь Горьковская область приютила тогда тысячи ребят — не только из Ленинграда, но и из других районов страны. Был открыт и обнародован банковский счет. Начался сбор денег. Скульптор Татьяна Холуева изваяла надгробие, которое установлено на могиле Тани Савичевой. Совместно с архитектором Александром Улановским они создали макет мемориала. Он по замыслу должен быть похож на разрушенный вражескими бомбами дом, а рядом девочка в больших валенках, которая держит в руках странички своего дневника.

Мемориал уже сооружается. Однако школьники Шатки решили, что он должен быть построен только на пионерские деньги, и взяли шефство над строительством.

Петрозаводск — место старта первой морской высокоширотной советско-норвежской экспедиции «Путь на Грумант» (Грумантом поморы называли Шпицберген). В составе флотилии — лодья «Грумант», сработанная как вариант древнего судна на Петрозаводской судоверфи. Длина ее 13,4 м, ширина — 3,2 м. Второе судно экспедиции — коч «Помор», деревянный корабль клуба «Полярный Одиссей», уже известный плаваниями по северным маршрутам. В программе экспедиции — изучение экологии бассейна, медико-биологический контроль, проведение различных экспериментов. Само путешествие — это тоже эксперимент моделирования морских коммуникаций русских мореплавателей, пишет «Комсомолец» (Петрозаводск).

■

На карте Астрахани появляются имена известных людей, так или иначе связанных с краем. Только в последнее время двум улицам присвоены имена Михаила Луконина и Велимира Хлебникова, писателей, родившихся в Астраханской области. Горожане надеются на возвращение городу незаслуженно забытых имен Тредиаковского, Хемницера, Шаховского и других писателей, чья судьба неразрывно была связана с волжским понизовьем, сообщает «Комсомолец Каспия».

Народничество — это целая эпоха не только в освободительном движении, но и мощный пласт в культуре России. Поэтому память о нем должна быть достойно увековечена. Саратовская газета «Заря молодежи» деятельно и настойчиво ведет кампанию за создание в городе музея народничества, идея которого была выдвинута местными историками. Саратов — родина Н. Г. Чернышевского, одного из основоположников теории народничества. На Волгу устремлялись «ходившие в народ» в середине 70-х годов, здесь же через два-три года они стали устраивать свои поселения. Музей народников в Саратове должен стать не просто данью благородной памяти героям, а и центром изучения движения разночинной интеллигенции.

Коми поэт Вениамин Чисталев воспел «веселый бор», «сосеночку с желтой корой», которая «нежится теплым летом на сухом песке», «дорогую красавицу лиственницу» — кажется, каждое дерево в окрестностях своего родного Помоздино. Одному из основоположников коми советской литературы, Чисталеву, больше известному в народе как Тима Вень, повезло на красоту родного места. Чудских поселений тут было много, остатки их до сих пор попадаются. А Помоздино был узел путей. Ярмарки большие шумели.

Учительствовал здесь Чисталев, краевед и фольклорист, крестьянин, мудрец и мечтатель... Принимался за создание русско-коми букваря, написал детишкам книгу для чтения. До революции ввязывался в спор с Государственной думой: школу побольше просили крестьяне для своих детей, да отказано было «сверху». Добрым человеком остался в памяти народной Тима Вень.

Арестовали его в 38-м...

Памяти поэта (а через год — сто лет, как он родился) посвятила страницу «Молодежь Севера» (Сыктывкар).

В субботний день в самом людном месте Иркутска — на торговой улице Урицкого, перекрывая шарканье сотен ног, вдруг зазвучал аккордеон.

Прямо на асфальте расположилась группа молодых музыкантов. А рядом лист ватмана с воззванием к прохожим: «Остановитесь, люди!» И пятилитровая стеклянная банка. На листе цифры: в области живет 59 тысяч инвалидов. Этим людям и решили помочь студенты Иркутского института народного хозяйства необычным благотворительным концертом. «Почему вы избрали именно такую форму помощи, а не пошли, скажем, вагоны разгружать в фонд инвалидов?» — задал вопрос корреспондент иркутской «Советской молодежи». «На субботники ходим. Но этот уличный концерт, на наш взгляд, имеет более широкий резонанс».

Прямо с улицы Урицкого ребята с банкой отправились в сберкассу. На счет № 01700270 в этот день студклуб института перечислил 1007 рублей, собранных за час уличного концерта.

Уникальная форма обучения вводится в Ленинградском кораблестроительном институте. Сюда придут учиться школьники после... восьмого класса. На студенческой скамье вместо девятого класса школы окажутся те, кто решит через четыре года получить диплом техников-кораблестроителей. Ну, а тому, кто захочет стать инженером того же профиля, вуз предоставит возможность через два года обучения перейти на общеинженерный факультет института. На среднетехническом факультете будут преподавать специалисты высшей квалификации. В первый советский колледж приглашает ребят ленинградская «Смена».

Подборку подготовила
Кира ЛАВРОВА.

В апреле в Варшаве завершил работу «круглый стол», сопредседателями которого были министр внутренних дел ПНР Чеслав Кищак и Лех Валенса. Главный его результат — заключение общественного договора, включение польской оппозиции в политическую систему страны. В качестве одного из трех-четырех профсоюзных центров возрождается «Солидарность». Политические цели и функции, до сих пор связывавшиеся с «Солидарностью», возьмут на себя легальные общества и союзы, которые, как пишет сегодня часть польской прессы, возможно, со временем станут новыми политическими партиями. Достигнутое национальное согласие будет проверено после июньских выборов в парламент, где впервые будет представлена оппозиция. Мы попросили Леха Валенсу ответить на несколько вопросов, связанных с ближайшими перспективами развития польского общества.

Лех ВАЛЕНСА:

«У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОЙ ШАНС»

— Как вы оцениваете итоги «круглого стола»?

— Достигнутое соглашение не решает по мановению волшебной палочки всех проблем Польши, но дает нам хороший шанс. Посмотрим, удастся ли нам его использовать, так что пока еще слишком рано подводить итоги. Важно то, что, несмотря на появляющиеся время от времени трудности, мы продвигаемся вперед и сообща решаем очень трудные проблемы. Времени для этого у нас маловато, а народ ожидает от нас многого. К этому надо еще добавить багаж накопившихся обид, предубеждений и недоверия. И все же мы стараемся преодолеть эти препятствия. Наш оптимизм обусловлен тем фактом, что власти, как нам кажется, разделяют наше мнение, что только на пути соглашения всех общественных сил в Польше нам удастся выйти из глубокого кризиса. Первым шагом на этом пути должна стать широкая возможность для каждого независимо организовываться в соответствии с собственными убеждениями и интересами, что может контролировать только закон, перед которым все равны. Думается, что этот первый шаг уже сделан. Есть согласие на профсоюзный плюрализм, в том числе и на «Солидарность», на широкий плюрализм разных объединений. Надеюсь, что результатом «круглого стола» в перспективе будут и новые шаги.

— Какие важнейшие преобразования в области экономики и политической системы вы считаете насущными для Польши?

— Как я уже говорил, для нас самое важное — это предоставление каждому гражданину возможности полного участия в политической, хозяйственной и общественной жизни страны. В области экономики мы должны провести коренные реформы, заключающиеся в первую очередь в предоставлении одинаковых возможностей каждому хозяйственному субъекту — государственному, кооперативному и частному. В области политики, хотя еще трудно отделить от экономики, мы хотим ликвидировать разделение людей на тех, кому принадлежит монополия на решения, и тех, кому остается только слушать. У каждого, чтобы он мог нести ответственность за Польшу, должны быть шансы самому решать ее проблемы. У него должна быть возможность влиять на то, что в ней и с ней происходит.

— В чем, по-вашему, кроются основные причины недовольства польской общественности? Относится ли это к сфере материальной или духовной жизни?

— И к тому, и к другому. Страна погрязла в глубоком кризисе. Все новые и новые решения властей не позволяют надеяться на улучшение положения. День за днем повышаются цены и систематически снижается жизненный уровень. Мы живем с убеждением, что завтра будет не лучше, а только еще хуже. У нас нет возможности парламентского, демократического воздействия на то, что будет с нами завтра. Нам остается только реагировать протестом, демонстрацией или же забастовкой. Мы не чувствуем, что можем что-либо решать в своей стране. Мы можем лишь выжить. Вот причины такого положения, когда народ не чувствует себя в доме, называемом Польша, хозяином. «Круглый стол» стал для нас лучом надежды на то, что что-то изменится, что мы сможем что-то решать, сообща строить наше будущее и что завтрашний день будет лучше сегодняшнего.

— В СССР знают, что в Польше существует широкий плюрализм в организации предприятий: есть частные предприятия, в деревне 80 процентов земли принадлежит индивидуальным крестьянам. В Польше имеется широкая возможность для высказываний в печати. Тем не менее, по словам самих поляков, кризис развился именно на фоне такого плюрализма. В чем здесь дело?

— В основе недовольства лежит факт, что то, о чем вы говорите, осуществляется не на основе законов, перед которыми, как известно, все равны, а по принципу привилегий. Привилегий, которые сегодня есть, а завтра их можно отобрать. После каждого кризиса, будь то 1956 год, 1970 год или же 1980 год, нам давали немного привилегий, которые очень быстро ограничивали, а потом и вообще забирали. Польское общество хочет иметь не привилегии, а право на свободную, опирающуюся на, повторяю, единственно справедливый закон, хозяйственную деятельность, право на организацию и деятельность в независимых профсоюзах, обществах, издавать журналы, книги, выступать по радио и телевидению, обрабатывать землю и продавать сельскохозяйственные продукты на открытом рынке. Мы хотим прав, а не привилегий, прав, обязывающих в равной степени и народ, и власть.

— В нынешнем году мы отмечаем 200-летие Великой французской революции и ее известных лозунгов: свобода, равенство и братство. Это прекрасный девиз, но на практике индивидуальная свобода нуждается в минимальном вмешательстве государства, тогда как, чтобы обеспечить равенство, вмешательство государства должно быть очень значительным. Как сочетать индивидуальную свободу человека с принципом социального равенства?

— Закон должен быть один для всех, для каждого гражданина, независимо от того, обыкновенный ли то человек или же член аппарата власти, член партии. Государство и его органы должны его соблюдать. Я говорю — государство, а не конкретные люди, имея в виду определенные органы, перед которыми каждый, также и член этих органов, равен в правах. Мы равны перед справедливым законом, и каждому даны равные возможности осуществления своих чаяний и интересов. Конечно, не всем удастся осуществить то, о чем мечталось. Можно потерпеть фиаско, могут помешать судьба, здоровье или возраст. Вот почему надо создать специальные учреждения, привести в движение такие механизмы, которые обеспечат безопасную жизнь этим людям или целым группам. Средства на эти цели должно заработать все общество, поскольку каждый из нас может оказаться в подобном положении. А государство обязано делить эти средства по справедливости. Никто не должен жить ниже определенного минимума, так я понимаю принцип социального равенства. Мне кажется неприемлемым провозглашаемый порой принцип, что каждому надо дать поровну. Надо — не меньше достойного уровня, а вот о том, чтобы было больше, каждый для себя старается сам.

— Каково ваше отношение к перестройке в СССР?

— Я с глубоким вниманием слежу за всем, что у вас происходит. Меня радует ваша деятельность в направлении демократизации и плюрализма. Вы огромное государство, оказывающее влияние на судьбы мира, поэтому то, что у вас происходит, не может не вызвать отклика и у нас. Больше всего меня радует растущая активность вашего народа. У вас так много умных людей, интересная культура разных народов, и все это может служить вдохновением для нас. Думаю, что настанет такое время, когда я смогу лично познакомиться с вашей страной и людьми.

— История отношений России и Польши, СССР и ПНР в своей сути, в многообразии исторических ситуаций не знает аналога. Как вы считаете, что надо сделать, чтобы укрепить, углубить и прежде всего очеловечить дружбу между нашими народами?

— Думаю, что прежде всего надо начать с однозначного прояснения истории, без замалчивания трагических эпизодов, имевших место в наших отношениях. Проблема катыньского преступления, ссылок в Сибирь, расстрела воинов Армии Крайовой, поддерживавшей Советскую Армию в борьбе с гитлеровцами, действия НКВД в годы сталинизма — это часть проблем, которые в памяти польского народа препятствуют, а зачастую просто мешают сегодня нормальным отношениям между нами. Надо четко определить вину и установить такие принципы сосуществования, которые не позволили бы повториться этим темным страницам наших отношений. До сих пор наши контакты проходили главным образом через официальные организации. И это придавало им официальность, скованность, шаблонность. Думаю, пришло время, чтобы наши границы широко распахнулись, чтобы мы могли лично познакомиться, чтобы наши семьи могли узнать жизнь ваших семей, чтобы наша молодежь могла познакомиться с проблемами вашей, а граница стала только линией на карте.

Подготовлено для журнала «Родина» польским агентством Интерпресс.

Дом нашего детства и сегодня высится в одном из арбатских переулков. В этом пятиэтажном кирпичном здании жили многие видные люди. Седьмую квартиру, на одной лестничной площадке с нашей, занимала семья Г. Я. Сокольникова, заместителя наркома по иностранным делам. Его супруга — Г. И. Серебрякова приобрела известность как автор книги «Женщины французской революции». В 1936 году вышел ее роман «Юность Маркса» — начало задуманной писательницей эпопеи о жизни основоположника научного коммунизма. Ребята нашего двора знали, что в годы гражданской войны совсем юная Галина Серебрякова была отважным бойцом, а в пятнадцать лет стала красным комиссаром. Не случайно же ее дочь Зорька была самой отчаянной девчонкой во всем доме.

Зоря дружила со своим отцом, первым мужем Галины Иосифовны,— Леонидом Петровичем Серебряковым. Раза два-три я, мальчишка, его видел. Крепко сбитый, с круглой, подстриженной ежиком головой и улыбчивыми серыми глазами, он вызывал в моем сознании дорогое слово БОЛЬШЕВИК.

Много позже я узнал, какую значительную роль играл этот скромный с виду человек в истории нашей Родины. Участник революции 1905 года, Серебряков после ее поражения возрождает и сплачивает социал-демократические организации на юге России. Его избирают делегатом VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Здесь он впервые встречается с В. И. Лениным, затем по его поручению ведет революционную работу на нефтепромыслах Баку, в Тифлисе и других городах Закавказья. После Октябрьской революции Л. П. Серебряков становится секретарем Центрального Комитета РКП(б), он один из организаторов разгрома белогвардейских войск, угрожавших Москве. В мирное время Серебряков с огромной энергией занимается развитием транспорта, в середине тридцатых годов руководит Главным управлением автомобильного транспорта и шоссейных дорог страны.

И вдруг...

Нам, детям, сказали, что люди, на которых мы смотрели с почтительным благоговением, никакие не большевики, а враги народа. Л. П. Серебрякова расстреляли. Г. Я. Сокольникова бросили в тюрьму, затем уничтожили. Долгие годы ссылок стали уделом Галины Серебряковой. Ее восстановили в правах сразу после XX съезда партии. В самые тяжелые времена писательница продолжала свой главный труд.

Ее трилогию о жизни К. Маркса «Прометей», увидевшую свет в начале шестидесятых, прочитали миллионы людей в нашей стране и за рубежом.

Воспоминания о первом муже, Леониде Серебрякове, Галина Иосифовна написала для одного читателя — для дочери Зори. Верила, что когда-нибудь светлое имя большевика восстанет из мрака забвения.

В конце 1987-го мне позвонила доктор исторических наук Зоря Леонидовна Серебрякова: «Папу наконец реабилитировали, посмертно восстановили в партии». Узнал я, что доброе имя возвращено и Г. Я. Сокольникову. Справедливость восторжествовала.

Адриан РОЗАНОВ

МОЕЙ ДОЧЕРИ ЗОРЕ О ЕЕ ОТЦЕ

Галина СЕРЕБРЯКОВА

Испепеляющие годы!
Безумье ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть.

А. Блок

Леонида Петровича Серебрякова я узнала впервые, когда отец мой пришел к нему в кремлевскую квартиру, захватив меня с собой.

Я сидела на подоконнике, пока они разговаривали, и смотрела на мощеную улочку. Напротив окна был Потешный дворец, маленькое старинное здание, где жил на протяжении многих лет Сталин. По улице проезжали пролетки. В то время многие наркомы пользовались только таким видом транспорта.

Леонид Петрович угостил меня леденцами, что было большой редкостью. Он показался мне старым, хотя ему не было и тридцати лет. Впоследствии мы встретились в Крыму. Вместе с Фрунзе, Марией Ильиничной Ульяновой и другими он приехал в Мисхор в 1921 году весной. Я числилась комиссаром санатория и очень стеснялась своей роли перед лицом руководителей партии. В сердцах заявила, что хочу работать среди рабочих, а не ответственных работников. Серебряков посмеивался надо мной и вслед за Фрунзе называл «комиссариком». Наши комнаты соседствовали, и на своем балконе я часто находила подарки: то конфетку, то красивый перочинный ножик — любимый предмет слесаря Серебрякова. Постепенно меня приручили, и беседы с Леонидом Петровичем начали притягивать меня. Он был умница, шутник и любил мистификации. В эти годы, как и потом, он был весьма дружен с Марией Ильиничной, Фрунзе, Бухариным, с которыми проводил много времени в течение недолгого отдыха. Вскоре все мы разъехались. Я встретила Серебрякова в Харькове, где он находился недолго, возглавив Южбюро ВЦСПС. Затем мы часто виделись в Москве. Там в ноябре я вышла за него замуж и переселилась от матери в Кремль. Жили мы на первом этаже ныне уже не существующего офицерского свитского корпуса. Две темные, холодные комнаты были такими неуютными, что мы закрыли одну. В коридоре за фанерной перегородкой поставлена была ванна. До нас в этой квартире жил Воровский с семьей. На стене над ванной, купая свою дочку Нину, он нарисовал очень искусно различных зверьков и игрушки. Это было единственной достопримечательностью этого неудобного жилища. Но по вечерам кого только не

бывало у нас за столом, на который, несмотря на необъятное гостеприимство Леонида, нечего было поставить. Обеды, более чем убогие, мы брали из соседней с нашей квартирой столовой, на ужин давали бутерброд без масла, морковную заварку вместо чая и кусочки сахара.

Леонид Петрович, слесарь, токарь по металлу, потомственный рабочий, член партии с 1905 года, с блистательной биографией смельчака, профессионального революционера, участник Пражской конференции, обладал загадочным магическим даром привлекать к себе сердца, внушать доверие и преданность. Достигал этого он без труда, ничего не предпринимая, как если бы нес в себе магнитное поле. Жизненным правилом Леонида была полная снисходительность, ненавязчивость, терпимость. Более всего он уважал, искал в человеке индивидуальность и учил меня не подавлять ее. Особенно упорно доказывал он это, когда мы говорили о характере родившейся у нас дочери Зори.

Редко кто знал так людей со всеми их слабостями, пороками, исканиями, как он. Но принимал такими, какие они были, не осуждая, не поучая, понимая, что и сам «не без греха». Серебряков не искал никого, а к нему шли за советом, просто чтобы послушать его, побыть рядом. Огромного заряда спокойствия, философского, мудрого, хватало на многих. Исполинская выдержка этого человека открылась мне до конца, когда врач-невропатолог показал его всегда пылающую ладонь и сказал, что, будучи весьма впечатлительным и нервным, он силой воли прятал бурлящий вулкан, подавляя эмоции, управляя поведением.

— Это железный духовно человек.

Профессор Плетнев рассказал мне, как после случайного ранения Серебряков заболел общим заражением крови. Ему, по мнению врачей, оставалось не более двух дней жизни. Ленин, Дзержинский, Калинин и многие другие друзья приходили к нему, считая обреченным. Все были подавлены и грустны, кроме только Леонида Петровича, который шутил и ободрял окружающих чисто стоическими размышлениями вслух о жизни и смерти. Каким-то чудом процесс остановился, и Леонид остался жить.

Как ни странно, он много раз, еще в 1922—1923 годах, в силу какого-то поразившего его предсказания в царской тюрьме, говорил мне, что год его смерти будет 1937. Вообще цифре 7 придавал он мистическое значение, несмотря на атеизм. Когда начались у меня роды 7 марта ночью, он сказал, что ребенок родится ровно в 7 часов, что и произошло. Таких совпадений было весьма много в нашей совместной жизни.

Леонид отличался необозримой щедростью, что тоже привлекало к нему людей. Дом наш был широко открыт. Однажды он вернулся с работы и смущенно сообщил, что отдал всю полученную зарплату товарищу по ссылке, очень нуждавшемуся в деньгах. Так и перебивались мы без средств, и если бы не моя мать, было бы нам худо. Случилось это уже в пору нэпа.

Кто только не приходил к Леониду! Бывшие товарищи по заключению и нарымской ссылке, «принявшие» Советскую власть и ставшие нейтральными меньшевики, эсеры, различные ученые, специалисты. Другом его был и Николай Александрович Морозов, с которым я тогда же и познакомилась, а до того Тимирязев. Знал он Циолковского, Мичурина. Весьма характерно, что Лидия Коноплева, правая эсерка, выдавшая планы своей партии, готовившей террористические акты (процесс Гоца и др. прогремел на всю планету), пришла именно к Серебрякову для исповедального разговора и ему первому поведала все, что знала о кровавых намерениях бывших единомышленников. Впоследствии она постоянно бывала у нас: желтоволосая, неприметная внешне, молчаливая женщина, похожая на сельскую учительницу, с тяжелым взглядом едва окрашенных светлых глаз. Она, как оказалось, под этой заурядной непривлекательностью прятала бурный темперамент и специфический изворотливый ум ловкого конспиратора. Перед Серебряковым она и ее друг (забыла его фамилию) доподлинно благоговели. После суда над эсерами оба они уехали за границу с секретными поручениями.

Каких только людей не насмотрелась я в те годы! Пришел как-то бураковощекий Юровский, руководивший расстрелом Романовых, бывали важные попы-расстриги, ставшие рьяными атеистами. Нередко Отто Юльевич Шмидт и Луначарский проводили у нас вечера. Приезжал Ягода поиграть в китайскую игру мадзян. Он был азартен, нетерпим, если проигрывал. Однажды он привез и назвал своим приятелем Суварина, юркого, маленького француза.

Воронский обычно приводил с собой писателей. Тогда-то зачастил к нам Всеволод Иванов, затем Есенин, Клюев, Наседкин, Пильняк, так и оставшийся близким Серебрякову. Позже они вместе ездили в Японию. Мы также бывали у Пильняка и его красивой жены, артистки Малого театра. Они жили в убранном старинной мебелью красного дерева коттедже, где-то в Петровском парке. Дверь обычно открывал нам прыщеватый, угодливый, неприятный человек, которого нам тогда и представили. Это был Петр Павленко, также впоследствии частый наш гость. Увы, кто может устоять против лести, в которой он был весьма силен.

Леонид умел слушать другого, не вторгаясь, не поучая. Что бы он ни думал о собеседнике, как бы хорошо ни знал его никчемности или, наоборот, значимости, он оставался ровен и доброжелателен, как истинный философ, понимая, что не переделает на свой манер, не подстрижет по своему желанию и понятию о добре и зле доверившегося ему человека. Надо брать жизнь и ее творения такими, какими они уже сложились. Нравится — приблизь, нет — отойди!

— Поучениями в случайной беседе не тирань отягощенного и без того горем или сомнением,— говорил он мне часто.

И люди искренне тянулись к Серебрякову, благодарные ему за чуткость, такт — следствие незаурядного ума и огромной школы жизни. Валерий Межлаук как-то сказал мне, после того как поссорился из-за какой-то мелочи с Леонидом (оба работали заместителями наркома путей сообщения Дзержинского), что Леонид хитер и лицемерит. Межлаук был не прав и поддался личному раздражению. Знание людей, их отрицательных черт вовсе не обязывает к тому, чтобы во имя мнимой правды высказывать им свое, часто поверхностно создавшееся мнение. К тому же большинству свойственны не только недостатки, но и некие достоинства. Нужна большая близость, душевность отношений, чтобы раскрыть другому все, что о нем думается. Только глупцы и озлобленные грубияны лезут к другим и с непререкаемым обычно видом преподносят им различные гадости.

Трудно перечислить всех преданных друзей, испытанных временем, а не просто соратников или знакомых Серебрякова. Большая братняя любовь на протяжении многих лет соединяла Свердлова с Леонидом. Они долго находились в одной ссылке, а с первых дней Октябрьской революции работали вместе. Вся многочисленная семья Свердловых, его сестры, братья, жена сохраняли короткие дружеские отношения с Леонидом и после смерти Якова Михайловича. Доподлинно большинство лучших представителей ленинской гвардии были многолетними приятелями Серебрякова. Со многими он сидел в тюрьмах, отбы-

вал ссылку, участвовал в боях 1905 года, сражался в Октябре и на гражданской войне. Его рассказы о прошлом, о подполье, побегах были неисчерпаемы, красочны, полны юмора и ума. Леонид Петрович ни в глаза, ни за глаза не брался судить людей, повторяя часто: «А судьи кто?»

Мне и двум-трем самым дорогим ему друзьям он поверял свое мнение о тех или иных людях, но никогда в нем не проявлялось злопыхательства или каверзы. Ирония же была добродушной. Меня неизменно поражала его проницательность, когда он рассуждал о жизни и окружающих. Но до конца ясен мне стал характер Серебрякова лишь теперь, после долгого опыта и многих жизненных коллизий. В 17 лет казалось, что он неискренен, и я говорила ему со всей нетерпимостью и поверхностной прямолинейностью возраста:

— Зачем ты хитришь? Думаешь одно, а в глаза говоришь другое. Человек убежден в твоем восхищении им, а этого нет.

Муж не сердился на меня, потому что был уверен в своей правоте и прощал детскую запальчивость.

— Чудачок ты, Гулька,— отвечал он, улыбаясь. У него было резко выраженное, так называемое татарское лицо, широконосое, немного плоское, с узкими темно-серыми, монголоидными глазами, исполненными ума, человечности и проницательности. Широкий лоб с лохматыми, жесткими русыми бровями, колючие неровные усы поверх полных веселых губ были далеки от привычного понятия красоты, но придавали облику нечто большее, приятное, располагающее, необычное. Он был широкоплеч, крепок, но низкоросл. Богатырь с короткой шеей и ногами. Его профессия кузнеца, затем слесаря отразилась на внешности.

— Поживешь — поймешь, Гуля,— продолжал Серебряков,— научишься жить с людьми и влиять на них не розгой, а примером, не словесной плеткой и высокомерными наставлениями. Это действует озверяюще. Зачем озлоблять, причинять боль? Каждый человек считает себя разве что не гением, большей частью к тому же непонятым. И мы себя преувеличиваем тоже. Чем меньше умишко, тем больше самомнения. Пришел ко мне человек не для того, чтобы я характеристику на него писал, хочет на судьбу-злодейку посетовать. Зачем же и я его ругать должен? Пусть поплачется — легче станет. Ободришь такого, поддержишь, он, глядишь, лучше станет, сам одумается. Ему та правда, о которой ты говоришь сейчас, ни к чему. Без нее тошно. Да и не поймет он ее,— и заканчивал Леонид, нарочно позевывая, чтоб поставить точку на разговоре.

— Всякое дыхание славит Господа, и еще скажу тебе: в хозяйстве нашем огромном всякая веревочка сгодится.

Среди ближайших друзей Серебрякова было очень много грузин, абхазцев и армян. Когда мы приезжали в Грузию, то сразу же окунались в родственную атмосферу. А в нашей московской квартире тоже останавливались приезжавшие из Закавказья товарищи, такие, как Лакоба, Шалва Элиава и множество иных. Постоянно из Тбилиси, Кутаиси, Еревана присылались подарки: вина, виноград, чурчхела, сыры и мед,— которые мы, в свою очередь, раздавали таким ближайшим друзьям Леонида, как Дзержинский, Григорий Беленький, Бухарин, Воронский, Сергей Зорин, Рудзутак, Енукидзе и Калинин. Редкий вечер кто-нибудь из этих людей не бывал у нас, а в дни пленумов и съездов ночевало с десяток человек. В трех комнатах нашей коммунальной квартиры в «Метрополе» (там жила еще семья Правдиных) на всех диванах, кроватях, а то и на кошмах, постланных на полу, спали приехавшие из Ленинграда, Закавказья, Ростова, Костромы делегаты и члены ЦИКа и ЦК.

Удивительное, неповторимое обаяние Леонида Серебрякова, как мне известно, до самого трагического его конца притягивало различных людей. Они одаривали его настоящей дружбой и верностью до смерти.

Все в Серебрякове, как и в Сокольникове, было самобытно, глубоко прочувствовано и продумано. Несмотря на их полную несхожесть и различие, общим являлись внутренняя цельность, отвага, самоотверженность. Сокольников был от макушки до пят интеллигент, Серебряков — столь же законченный пролетарий. Один окреп в размышлении и науке, пользуясь всеми привилегиями богатства, другой — в бродяжничестве, в сражении с голодом и безработицей.

Родившись в Самаре, Леонид любил Волгу, но в малолетстве начал странствовать, а в 14 лет стоял уже за станком на заводе Гартмана в Луганске, где тогда же узнал Ворошилова. Монгольское начало, так отчетливо проявившееся во внешности Леонида, сказывалось в его тяге к созерцанию и раздумьям. Частые аресты и пребывание в тюрьмах приучили его к чтению, возбудили фантазию. Он мог часами импровизировать, сочинять невероятные приключения и события. Его прозвищем в годы подполья и юности было Савоська. Так звался паренек из повести Глеба Успенского, обладавший неисчерпаемым воображением, краснобайством и выдумкой.

Леонид любил переплетать действительное с небывшим, но то была не лживость, а шутки, игра, которую он сам потом и раскрывал.

Способности Леонида были поистине огромными и весьма разнообразными. Он превосходно играл в шахматы, был частым партнером в игре с Лениным и не раз обыгрывал его. С необычайной легкостью, окончив только приходскую двухклассную школу, Леонид решал, дойдя, как говорится, своим умом, сложные арифметические задачи. Он был исключительно начитан, и Воронский подлинно с благоговением слушал его оценки разных произведений и не раз советовался с ним, давая на просмотр спорные рукописи, поступавшие в редакцию «Красной нови». Благодаря Серебрякову я приобщилась к произведениям Мусоргского, пылко полюбила «Князя Игоря» и все, без исключения, немногие, увы, произведения Бородина, посещала концерты Персимфанса и утренники в Большом театре, где выступали знаменитые дирижеры и солисты. Его музыкальный вкус и знания поразили мою мать, отличную пианистку и высокообразованную музыкантшу. После периода острой ненависти, которую она питала к нему за то, что он женился на мне, когда я не достигла еще и 17 лет (16 лет и 11 месяцев), мать моя впоследствии прониклась к Серебрякову глубокой симпатией и доверием, которые сохранила до самой своей смерти. Она называла его самородком и часто повторяла слова, сказанные Владимиром Ильичем Лениным о Серебрякове: «гениальный рабочий».

До самого обыска, до конфискации берегла она портрет Леонида с его надписью: «Другу Бронке — Леонид».

Когда я разводилась с Серебряковым, чтобы выйти замуж за Сокольникова, мать моя была в отчаянии, умоляла меня не делать этого, требовала, чтобы я осталась с первым своим мужем. Ее отношения с Сокольниковым никогда не стали близкими и родственными, в то время как к Серебрякову она не теряла добрых, дружеских чувств. Он отвечал ей тем же.

Случалось, что мне было очень трудно готовить тот или иной предмет для университета, и тогда Леонид брал учебник, листал его, о чем-то думал и необыкновенно просто, ясно объяснял то, чего я не поняла.

Отец Серебрякова — коренной рабочий, мать, Мария Ивановна, происходила из крестьян, незадолго до того получивших вольную. Оба, по рассказам Леонида, были люди нелегкого нрава, волевые, трудолюбивые, даровитые в любом деле. Мать — верующая, строгих правил, мрачного, замкнутого характера, не умела писать, но читала бегло и очень много. Она любила и знала произведения русских классиков и, что меня несказанно удивило, зачитывалась историческими романами Мережковского и зловещими вещаниями Философова, Розанова. Ждала она всегда роковых бед для своих сыновей. И, странным образом, не ошиблась. Трагедия произошла. Всех ее детей постигла тяжкая судьба. Трое были безвинно убиты. Сама Мария Ивановна умерла в ссылке, и весь род, прекрасная ветвь эта, истинные пролетарии Серебряковы, более не существует. Все мертвы. Остались только моя дочь Зоря, внук Виктор и его дети.

Семья Серебряковых была многодетная: пять сыновей и две дочери. Отец, отличный мастеровой, с горя выпивал, прокормить ораву детей давалось матери нелегко. Она и дочь Антонина не гнушались никакой черной работы. Старший сын Иван и Леонид, оба токари по металлу, уже с 14 лет работали на заводе и начали революционную борьбу в рядах большевиков в самом начале века. За ними в партию последовала сестра Зинаида, проявившая себя отважной подпольщицей, умершая, однако, от разрыва сердца рано. Иван и Леонид прошли труднейший, интереснейший путь большевиков. Тюрьмы, ссылки, побеги, участие в Пражской конференции — этапы большого пути профессиональных революционеров.

Леонид рассказывал красочно и увлекательно об этой поре. Однажды он бежал из ссылки под чужим паспортом и на пароходе, где разыгрывал богатого сибирского купца Ляпунова, не только познакомился с полицмейстером, который повсюду его разыскивал, но и обыграл его изрядно в преферанс. Так и расстались они по-свойски, и полицмейстер, очарованный попутчиком Ляпуновым, усиленно приглашал его к себе в гости.

В начале 1919 года брат Леонида, Иван Петрович Серебряков, председатель Оренбургского облисполкома, человек, по рассказам, одареннейший, умер от сыпного тифа. Леонид в это время был членом Политбюро, Оргбюро, секретарем ЦК партии и членом реввоенсовета Южного фронта.

Неоднократно от людей высокого интеллекта и обширных знаний я слыхала о необычайной талантливости в различных областях Серебрякова и его организаторском умении. Дзержинский в моем присутствии многократно отмечал, как много для становления развалленного в начале 20-х годов транспорта сделал его заместитель Леонид Петрович. С ним часто и подолгу о делах ЦИКа советовались Калинин, Енукидзе. Рудзутак и Бухарин постоянно встречались и любили его. Дружба Серебрякова и Бухарина в те годы была нежная, мальчишеская. Они часто ездили вместе на охоту, а дважды при мне в Горки к Ленину. Кстати, на последней исторической елке, устроенной в Горках Надеждой Константиновной, был и приглашенный по телефону Серебряков. По возвращении он подробно рассказывал мне о том, как веселилась детвора, да и взрослые. Я завидовала Крестинскому, который привез тогда своей маленькой дочери елочную игрушку — подарок Ильича.

Однажды после охоты Бухарин пришел к нам в совершенно прохудившихся, мокрых сапогах. Хотя у Леонида, носившего в ту пору военный костюм, была всего одна пара обуви, и та на ногах, он не задумываясь разулся, и, таким образом, Бухарин мог отправиться домой. На другой день Леониду не в чем было пойти на службу, и, покуда Гриша Беленький, «телохранитель» Ленина, не добыл ему сапоги, он разгуливал в носках по дому.

Сложно было у нас тогда вообще с одеждой. Так как шинель, которую я привезла из армии, окончательно порвалась, да и зимой в ней было холодно, Леонид отдал мне свою моржовую огромную куртку и шапку и остался без верхнего платья. Кто-то из друзей добыл ордер и в каком-то складе на Дмитровке получил для него суконное пальто, которое и в перешитом виде отличалось редким уродством.

Леонид засиживался на работе допоздна, но никогда не носил портфеля и повторял, что хороший организатор тот, кто не тащит бумаг домой и умеет не только трудиться сам, но, главное, привлекает к делу и приохочивает к нему других.

Старенький, некогда, вероятно, блистательный, отчаянно пыхтящий и постоянно портившийся «роллс-ройс» приезжал по утрам, чтобы отвезти Леонида в Наркомат, причем по пути забирал еще несколько ответственных работников. По всем другим делам Леонид и, конечно же, все мы ходили пешком или пользовались трамваями, всегда битком набитыми народом. Во время нэпа появилось много извозчиков и отличных саней. Это было моей слабостью, весьма разорительной при крайне небольшом заработке Леонида, содержавшего меня, учившуюся в те годы, нашу дочь, старушку мать, сестру и брата. Но зато как весело и легко жилось нам всем душевно!

Свобода, младшая сестра жизни, основа счастья, давала нам бесчисленные возможности духовных наслаждений. Лекции, театры, музыка, дружба и взаимодоверие переполняли душу, воодушевляли. А будущее? Оно казалось безоблачным, как наши желания.

Не знаю, что думал и чувствовал Леонид. Начиная с 1924 года мы виделись мало. Он ездил во главе делегации в Европу, затем на несколько месяцев в Америку, а когда вернулся, я заявила, что не хочу, как о том и было договорено между нами, скрывать от него ничего, прошу развода и выхожу замуж за его друга Сокольникова. Разрыв никогда не проходит безболезненно. Развод и новый брак — трагедия для всех троих.

После развода мы много лет не видались вовсе. Мужчина менее женщины привык быть оставленным, и, как бы ни был он сердечно широк, ему трудно примириться, преодолеть сознание нанесенного оскорбления, неловкости перед другими.

Может быть, будь я взрослее, опытнее, не ушла бы от Леонида. Он стоил большой любви и верности. Как никто другой, знал он жизнь и людей, а это делало его неуязвимым и мудрым. Но, юная и неопытная, я искала большей утонченности, усложненности чувств и мыслей.

Мне в жизни чрезвычайно повезло, и цена, которую я заплатила, не умаляет счастья познания двух поразительных, истинно необычайных личностей. Оба любили меня так, как только могли, во всю силу своих больших сердец. В минувшие годы на краю могилы, вырытой мне судьбой за то, что они появились на моем пути, я говорила себе: эти безупречные коммунисты ни в чем не виноваты и без размышлений отдали бы свои жизни за меня и мое благополучие. Как же могу я судить их или проклинать рок, одаривший меня, пусть ненадолго, но щедро. Кто мог знать, как сложится жизнь каждого из нас? Раз не было вины, нет ответственности за нее.

И острая боль за двух мучеников, двух чудесных романтиков революции, погибших от злодейской руки, охватывает меня. Я присоединяю к скорбному списку третьего — того, кому обязана жизнью, моего несчастного, тоже убитого безвинно, отца — и говорю моим детям, потомкам, друзьям:

— Эти люди, которых я знала, за которых отвечала, ненавидели насилие, любили людей и погибли за идею добра. Помните о них и чтите их имена!

Публикация З. Л. СЕРЕБРЯКОВОЙ

КЕМ БЫЛИ МЫ В СТРАНЕ ДАЛЕКОЙ?

15 февраля ограниченный контингент советских войск (ОКСВ) покинул Афганистан. Так была поставлена точка в девятилетней драматичной истории нашего военного присутствия в соседней стране. Только время, история способны во всем масштабе выявить, какой ценой досталась победа нового политического мышления советского руководства, сумевшего найти единственно правильный выход из «афганского тупика».

Но анализ причин, повлекших за собой «поход за Амударью», необходимо начинать уже сейчас. На основании какой информации принималось решение о вводе войск? Интернациональный долг — какое содержание мы вкладываем в это понятие? Эти и другие вопросы редакция журнала «Родина» предложила обсудить за «круглым столом». В разговоре приняли участие Лев Борисович Серебров — генерал-майор, старший инспектор Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Раис Абдулхакович Тузмухамедов — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права АН СССР, Владимир Владимирович Басов — заведующий сектором МГИМО, кандидат исторических наук, Виктор Николаевич Спольников — старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, Владимир Николаевич Снегирав — кандидат исторических наук, редактор отдела газеты «Правда», Вадим Сергеевич Окулов — корреспондент газеты «Правда». Каждый из них долгое время провел в Афганистане, хорошо знает проблемы, связанные с ситуацией в этой стране.

Вел заседание главный редактор журнала «Родина» Юрий Александрович Совцов.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Ведущий: Спасибо, что вы нашли время и пришли в редакцию обсудить тему, без которой трудно себе представить журнал с названием «Родина».

Военный конфликт в Афганистане, увы, стал одним этапом и нашей жизни. Необходимо понять, какими были эти девять лет, ибо, не поняв времени, в котором живешь, не поймешь и себя. Начнем сначала и попробуем разобраться, для чего, во имя чего было принято решение о вводе советских войск в соседнюю страну, с которой у нас во все времена были хорошие, более того, дружеские отношения...

В. Басов: В самом начале разговора хотел бы обозначить его границы. Наверное, мы сегодня должны вести речь в первую очередь об **итогах прямого военного присутствия СССР в этой стране.** Ограниченный контингент советских войск выведен с афганской территории. У этого процесса есть начало и есть конец, так что он в известной степени может уже рассматриваться как исторический. Многие другие аспекты афганской трагедии еще не стали историей, борьба внутри этой страны и вокруг нее продолжается. Поэтому дать им объективную оценку уже сегодня, видимо, не представляется возможным.

В. Снегирев: Сейчас довольно часто слышишь призывы назвать виновников, сообщить конкретные фамилии тех, кто несет политическую и моральную ответственность за наше прямое участие в войне в Афганистане. Поразмыслив, я пришел к выводу, что так вопрос ставить нецелесообразно. Мы же не ищем конкретных виновников в нашем удручающем экономическом положении, не составляем списков тех, кто нанес ущерб природе. Это абсурдно, и это отнюдь не будет способствовать выяснению истины. Известно, что в то время, когда принималось решение о вводе войск, Генеральным секретарем был Л. Брежнев, министром обороны Д. Устинов, министром иностранных дел А. Громыко... По-видимому, эти люди и принимали политическое решение. Я говорю «по-видимому», так как не располагаю точной информацией. Но утверждать, что виновны именно они и только они, я бы не стал. Не хочу никого оправдывать, просто проблема, как мне представляется, гораздо сложнее. Во-первых, решение было принято на основании определенной информации. Кто ее предоставлял? Была ли она точной? В последнем я сомневаюсь. Во-вторых, решение принималось в полном соответствии с господствовавшими тогда внешнеполитическими доктринами, принятыми у нас тогда ортодоксальными представлениями о мире и нашем месте в этом мире. Нельзя судить о событиях десятилетней давности только с позиций сегодняшнего дня, их надо рассматривать в контексте времени.

Время застоя, атмосфера благодушия и безответственности и нежелание всерьез вникать в собственные трудности — это породило афганскую трагедию. Мы жили в «театре абсурда», когда черное спокойно выдавалось за белое, когда войну можно было назвать миром, вмешательство — помощью. На скамье подсудимых должны находиться ложь, попрание идеалов. Было бы слишком просто назвать виноватых и обо всем забыть. Если мы хотим сделать для себя серьезные выводы, необходимо анализировать явления во всей их полноте.

В. Спольников: Я с вами в принципе согласен, но хотел бы кое-что добавить. В тот период, когда принималось решение о вводе войск в Афганистан, международная обстановка характеризовалась большими сложностями. С одной стороны, проводившаяся политика разрядки давала свои положительные плоды, благотворно сказывалась на международных отношениях. Но с другой — и это мое личное мнение,— мы, видимо, злоупотребили плодами этой политики, попытавшись односторонне использовать их в своих интересах — для упрочения политических и военных возможностей. Мне приходилось слышать от некоторых товарищей, прежде всего военных, что в тот период мы чуть ли не всех «надули», что политика разрядки дала нам выгодную возможность для развертывания своей военной мощи, что благодаря этой политике возникли, как тогда казалось, выгодные для нас ситуации в Анголе, Эфиопии, в других регионах. Однако этот период достаточно быстро закончился. Американцы, со своей стороны, принялись наращивать свои военно-политические усилия. Именно тогда началось развертывание американских военно-морских сил в Индийском океане, были созданы «силы быстрого реагирования», именно тогда З. Бжезинский начал очерчивать вокруг Советского Союза свои знаменитые «дуги безопасности». Военно-политическая обстановка в тот период значительно обострилась, любой конфликт в непосредственной близи от наших границ, видимо, представлялся крайне опасным. Поэтому и реакция нашего руководства на выступление контрреволюционных сил в Афганистане носила больше эмоциональный, чем взвешенный и основанный на точном анализе политической ситуации характер, что и привело к принятию злополучного решения о вводе советских войск в Афганистан.

К этому следует добавить, что сам механизм принятия подобных решений у нас не отработан. Скажем, в США известно, кто именно имеет право принять решение начать те или иные локальные военные операции, кто должен рассматривать и давать согласие на ведение крупномасштабных акций. У нас пока ничего этого нет, подобные решения принимались в узком кругу «в рабочем порядке». Как уже говорилось, решение о вводе войск в Афганистан было принято несколькими высшими руководителями страны. Остальные были поставлены перед свершившимся фактом. Даже тогдашний посол Советского Союза в Афганистане, насколько я слышал, узнал о вводе войск уже после его начала.

В. Басов: Давайте учтем и то, что рассмотрение этой непростой проблемы сопряжено с целым рядом обстоятельств, заранее ограничивающих полноту ее анализа участниками нашего «круглого стола». Одни из них — отсутствие специальных научных трудов (во всяком случае, открытых) по Апрельской революции в советской афганистике. Без них сложно ответить на вопрос о том, какова была реальная расстановка сил в этой стране накануне ввода ОКСВ, насколько велика была угроза ее суверенитету извне, как складывалась динамика внешних факторов, наконец, какой характер в целом имела революция. Другая сложность... Как бы сформулировать ее поточнее? Уверен, каждый из здесь присутствующих не может оперировать всей информацией, которой он располагает. И дело тут, как я понимаю, не в секретности. Афганские события — повторю — еще не история, это острейшие вопросы политической борьбы нашего государства. И отношение к ним каждого из специалистов еще будет формироваться, на это надо время.

Р. Тузмухамедов: Хотелось бы рассмотреть вопрос шире, коль скоро мы говорим именно об уроках Афганистана для нас, для нашей страны. Раз мы ставим целью создание правового государства, значит, нам не избежать темы персональной ответственности. Правовое государство предполагает, что все решения принимаются ответственно людьми, облеченными таким правом народом, от имени народа и в его интересах. Здесь этого не было и в помине. Из последних публикаций следует, что даже не все члены Политбюро знали о предполагаемом вводе войск, им сообщили только на следующий день. Вопрос об ответственности для меня важен в принципе, исторически. Кто несет ответственность? Тот, естественно, кто принимает решение. Но и тот, кто это решение готовит. Я не знаком с бывшим послом СССР в Афганистане товарищем А. М. Пузановым. Но как юрист я должен задать себе вопрос: ответствен ли человек, который обязан объективно, полно и вовремя информировать свое правительство? Да, ответствен. Может ли быть без «активной» вины ответствен? Да, ибо должностное упущение тоже наказуемо. Судя по разговорам знающих людей (я работал в Афганистане в 1981—1983 годах), наш посол вообще не ожидал переворота 1978 года и последующего поворота событий. Выходит, человек не владел ситуацией? А она обернулась гибелью почти 15 тысяч наших солдат!

Ведущий: Имея перед глазами непростой опыт нашего присутствия в Афганистане, нельзя не задуматься, а как мы его учитываем сегодня, сделаны ли выводы? Мое мнение — нет, не сделаны! Иначе и не повторилась бы (пусть и в несравнимо меньших масштабах) ситуация в Грузии, когда опять же на основе непроверенных, искаженных данных было келейно принято решение, обернувшееся человеческими жертвами. Чаще всего руководители того или иного ранга действуют в роли пожарных — бросаются заливать огонь вместо того, чтобы подумать о мерах, исключающих пожар. Можно ли — а если можно, то как — избавиться нам наконец от спонтанных волюнтаристических решений в политике?

Р. Тузмухамедов: Высоко оценивая перестройку, которая активно проводится в Министерстве иностранных дел СССР, хотел бы еще раз сказать об ответственности наших представителей за границей. Перестройка требует принятия Закона о внешней политике и о внешнеполитической службе. И в нем вопрос об ответственности руководителей наших зарубежных представительств перед народом должен найти надлежащее место. Это один из уроков афганской кампании.

Л. Серебров: Для нас, военных, афганские события, возможно, были не такими неожиданными. Их приближение мы почувствовали с начала Апрельской революции. С марта 1979 года стало понятно: что-то предстоит серьезное. Начали развертывать отдельные части, потом — проводить крупные учения. Мы чувствовали, что граница накаляется. Появились первые погибшие — наши торговые представители, другие советские люди, которых зверски убивали.

Думаю, что решение о вводе войск в Афганистан не было простым. Оно принималось долго. Был такой момент, когда мы развернулись, подошли к границе и... не перешли ее. Это было весной 79-го года.

Нисколько не оправдывая тех, кто решение принял (уверен, что можно и нужно было без этого обойтись), хотел бы сказать, что не только политикам, но и нам, военным, не хватало информации об этой стране. Даже за месяц до ввода войск мы

очень плохо знали Афганистан. И войдя туда, мы недостаточно представляли себе эту страну. Ошибочность решения родилась на ошибочной информации.

В. Окулов: Соглашаясь с тем, что наше военное вмешательство в Афганистане, как проблема в целом,— это следствие эпохи застоя, я не думаю, что нужно уводить людей, принявших решение о нем, от персональной ответственности. Речь идет не только и, может быть, не столько о юридической ответственности, сколько об ответственности нравственной. Тех, кто подписывал решения «верхов»,— за недостаточную компетентность, стремление непременно присоединиться к господствующему мнению, интерпретировать информацию так, чтобы она понравилась руководству. «Верхов» же — за заскорузлость стратегического мышления, его догматизм, за высокомерное пренебрежение даже зачатками механизма коллективного, конституционного принятия решений, затрагивающих судьбы тысяч и тысяч людей. Это наш нравственный долг — назвать имена, прояснить обстоятельства. Я считаю, что мы должны это сделать, потому что слишком серьезны последствия.

Ведущий: Здесь действительно возникает проблема достоверности информации. Чтобы упрекать политиков в ошибке, необходимо знать, насколько достоверны были сведения — основа для принятия решения.

В. Басов: К сожалению, некоторые аспекты нашего «афганского опыта» иногда становятся предметом поверхностно-конъюнктурного рассмотрения на страницах советской печати. Авторы публикаций такого рода в ряде случаев стремятся к политическим сенсациям, а не к поиску истины, часто упрощают и даже примитивизируют афганские события; из сложной, противоречивой ситуации 1978 года и последующих лет Апрельской революции создается одноплоскостное изображение, сводящееся как к нашим субъективным просчетам, так и к ошибкам НДПА. Этот путь чреват опасностью увести нас в сторону только поиска «стрелочников», а не переосмысления некоторых концептуальных основ внешней политики СССР в духе нового политического мышления. При этом, конечно, не должна сниматься с повестки дня и проблема персональной ответственности тех или иных работников высшего звена руководства СССР за грубые просчеты и за бездеятельность в сфере внешней политики.

Когда речь идет об анализе предпосылок и причин ввода ОКСВ в Афганистан, не следует забывать и традиции советско-афганской дружбы, иметь в виду особое значение Афганистана для интересов национальной безопасности СССР, а также навязывавшуюся нам в то время противником логику силового противоборства и т. д. Не само по себе это решение было плохим (хотя оно таким и являлось), а вся система наших взглядов на мир (в рамках которой и стало возможным такое решение) нуждалась в серьезной корректировке.

В. Спольников: Я думаю, что те, кто непосредственно принимал решение о вводе войск, были действительно убеждены, что существует реальная угроза в том или ином виде для наших южных границ. Если поговорить с этими людьми сейчас, они скажут: да, мы были убеждены в этом.

Р. Тузмухамедов: Афганская кампания как в капле воды выявила суть нашего застоя, стиля руководства, уходящего корнями в сталинщину. На начальных этапах проявилось полное игнорирование воли народа — и не только советского. Основной урок для нашей не только внешней, но и внутренней политики — поставить в центр интересы человека, учитывая, что такие же люди живут и за нашими государственными границами.

Л. Серебров: Да ведь никто и не планировал начинать войну, мы не собирались втягиваться в затяжные действия. Рассуждали, что через небольшой срок уйдем.

В. Спольников: Здесь еще следует иметь в виду, что моменту ввода войск в Афганистан предшествовали тревожные события. Вспомним, что это был период, когда к власти в стране пришел Хафизулла Амин. Вернувшийся в сентябре 1979 года с Кубы тогдашний руководитель НДПА и ДРА Н. М. Тараки был умерщвлен Х. Амином. Контрреволюция стояла уже у ворот Кабула...

В. Басов: Мы все больше погружались в военную конфронтацию с оппозицией и ее международными союзниками, и политической воли, чтобы приостановить процесс, в верхних эшелонах нашей страны тогда, увы, не было. Но и потом, когда у нас произошло обновление руководителей страны, проведение линии на вывод ОКСВ оказалось исключительно трудным делом. Эту фазу пребывания наших войск в Афганистане также необходимо рассмотреть тщательно и научно. ОКСВ выведен, но поддержка и помощь СССР афганскому народу продолжают оставаться важнейшим фактором устойчивости его правительства. Это важно учесть в плане оценки итогов пребывания наших военных на афганской земле. То, что афганская армия продолжает удерживать позиции, свидетельствует о многом. Во всяком случае, опыт совместной с ОКСВ борьбы за суверенитет Афганистана для афганских патриотов не прошел даром.

В. Окулов: Горячая заинтересованность наших афганских друзей в военной поддержке — фактор, который воздействовал на наши решения на всем протяжении афганской эпопеи, вплоть до дней вывода войск. И, боюсь, воздействует сейчас.

В. Снегирев: Мы сегодня многое пересматриваем в своей жизни, пытаемся извлекать уроки, сделать какие-то выводы на будущее. Вот один из них. Мы — в Афганистане. Ситуация тяжелая. Проходят годы, и легче она не становится. В орбиту конфликта вовлекаются все новые силы, возникают новые факторы. Афганистан и все с ним связанное надолго становится важным слагаемым мировой политики в целом. Тяжелейший конфликт. Сложная, местами просто тупиковая ситуация. И что же? Многие годы в стране так и не было создано полномочного, межведомственного рабочего органа, который бы занимался Афганистаном. С одной стороны, вроде бы многие люди занимались проблемой. Есть специалисты в ЦК КПСС, в КГБ, в Министерстве обороны, в других ведомствах. Но каждое из них действует само по себе, исходя из собственного понимания ситуации и обстановки. Каждое по-своему оценивает расстановку сил, имеет собственные симпатии и антипатии. И получается недопустимое: разброд, неразбериха, распыление сил. Только буквально в последние годы наметились какие-то сдвиги в сторону координации, осмысленности, стал формироваться единый центр, появились элементы единого подхода.

В. Спольников: Согласен, большой ущерб нашим действиям нанесла ведомственность, ее проявления на всех уровнях. Надо сказать, что неоднократно ставился перед Москвой вопрос о создании единого центра по руководству всеми советниками независимо от ведомственной принадлежности. Увы, никто не хотел брать на себя всю полноту ответственности. Это уже в наше время первый заместитель министра иностранных дел и Посол Советского Союза в ДРА Ю. Воронцов возглавил всю работу советских представителей в Кабуле. В первые же годы этого не было. Например, до сих пор не могу забыть, как один из советских представителей накануне XXVI съезда КПСС предложил афганской стороне увеличить численный состав НДПА на несколько тысяч человек! Ознаменуем, мол, таким успехом XXVI съезд!

Ведущий: Раис Абдулхакович, у меня вопрос к вам. Принято ли у нас, чтобы руководители — партийные, государственные, военные, — прежде чем остановиться на каком-либо внешнеполитическом решении, советовались с экспертами, учеными? Есть же, действует сеть академических институтов, ведомственных...

Р. Тузмухамедов: Вопрос законный. У нас действительно много титулованных, остепененных людей, применительно к нашему разговору, скажем, называющих себя «афганистами». Другое дело, что часто экспертный уровень этого отряда ученых оставляет желать лучшего. Уже вернувшись из Афганистана, мне доводилось выступать по ряду защит — докторских и кандидатских. И пришлось сделать вывод: афганистики у нас практически не было, хотя, знаю, была она до революции и в первые годы после революции. Складывалась парадоксальная ситуация: те, кто непосредственно занимался Афганистаном,— практики, часто знали о ситуации куда больше, чем ученые. Будучи партийным советником, я узнал этих людей, диву давался безграмотности некоторых, скоропалительности предложений. Надеюсь, хоть сейчас дело исправится. Правда, для этого надо заниматься «полевыми работами» — чаще бывать в стране, жить в народе.

Что же касается системы... У нас, например, в Институте государства и права вам немало могли бы рассказать случаев, когда к мнению ученых прислушиваются далеко не всегда или когда законопроекты готовились «наверху» вообще без их участия.

Коль мы говорим о демократии, обязательно надо продумать создание специального, постоянно действующего органа при Верховном Совете, может быть, это будет комиссия, где бы прорабатывались вопросы внешней политики. И при этих комиссиях обязательно должны быть постоянные экспертные группы. Тогда помощь политическим деятелям наука могла бы оказывать конкретно. Один из уроков афганской кампании — повышение роли науки при принятии важных для страны политических решений.

В. Спольников: При выработке политики США по Афганистану в 1984 году эксперт комитета сената США по иностранным делам Дж. Б. Ритч по поручению председателя этого комитета — сенатора-демократа Ч. Перси и влиятельного члена этого комитета сенатора К. Пелла совершил во главе группы экспертов поездку в Пакистан (с нелегальным переходом на территорию Афганистана), после чего представил комитету подробнейший доклад об обстановке в рядах афганской вооруженной оппозиции, а также предложения о политике администрации США в отношении афганской проблемы в целом. 8 апреля 1984 года этот доклад уже от имени сенатского комитета лег в основу рекомендаций конгресса США президенту Рейгану. И хотя рекомендации не являются для президента обязательными, он максимально их использовал при выработке политической линии в афганских делах. Я говорю это для того, чтобы показать: пора, видимо, и нам учесть печальные уроки, которые преподносит неосведомленность. Мне кажется, нам нужны регулярные научные командировки независимых в своих оценках от ведомств специалистов, создание аналитических групп, комиссий по различным внешнеполитическим проблемам и регионам, имеющих возможность на местах изучить обстановку. С другой стороны, результаты деятельности таких экспертов и групп должны серьезно изучаться при принятии решений.

Р. Тузмухамедов: Был у меня такой случай в Кундузе. Среди пленных встретил узбека, 28 лет, отца пятерых детей. Он рассказал легенду, как попал в банду. Но стоило мне заинтересоваться и на родном языке спросить его, какого он рода, кто у него аксакал, где земли и стада рода... Человек изменился в лице, он был готов все рассказать о себе, помочь, чем умеет. Оказывается, у нас не было даже списка родов. Скольких бед можно было избежать! Еще один урок для нас — необходимо создавать страноведческую науку, опирающуюся на реальные знания.

В. Спольников: Продолжая тему, не могу не сказать, что, столкнувшись с афганской вооруженной оппозицией, мы видели в ней прежде всего «душманов», врагов, что угодно, но не конкретные политические фундаменталистские и традиционалистские партии и организации — каждую со своей программой, социальным и национально-этническим составом, со своими особенностями, противоречиями и т. д. Глубокое знание противника, к сожалению, отсутствовало. Пользовались, например, справкой с перечнем оппозиционных организаций, где, в частности, говорилось, что Хекматиар является лидером Исламской партии Афганистана, сторонником реформаторства в исламе. Какого реформаторства? Этого никто не знал. Уже после возвращения из Афганистана, придя на работу в Институт востоковедения АН СССР, увидел монографии и другие материалы по Афганистану, которые, несомненно, могли бы помочь практическим работникам в стране, но, к сожалению, изданные тиражом 250 экземпляров, знакомые только специалистам-востоковедам.

В. Снегирев: Среди афганских проблем тема гласности — одна из важнейших. Что происходило в Афганистане? Чем занимаются там наши

войска? Каковы потери? Долгое время советские люди не имели возможности услышать ответы на эти и другие вопросы, которые возникали у них в связи с Афганистаном. Наша пропаганда, описывая афганские события, использовала только две краски — черную и белую, многое недоговаривала, о многом попросту умалчивала. Информационным вакуумом немедленно воспользовалась противная сторона. Западные радиостанции, вещающие на нашу страну, обрушили на советскую аудиторию огром-

ное количество радиопередач, в которых по-своему трактовали события в Афганистане. Как правило, это была тенденциозная информация, основанная на отработанных стереотипах: «советская оккупация», «зверства советских военнослужащих», «экспансионизм СССР», «нарушение прав человека» и так далее. А слушали такие передачи, как вы знаете, у нас многие люди. И у них формировалось совершенно определенное мнение о нашем присутствии в Афганистане.

Для меня загадка: почему мы так скудно, так преступно неуклюже освещали афганскую ситуацию? За Амударьей шла самая настоящая война. Гробы привозили и в украинские деревни, и в среднеазиатские кишлаки, и в сибирские города. Люди знали, что наши ребята гибнут, а почему, при каких обстоятельствах — неизвестно. Что там происходит? Доходило до смешного: показывали по телевидению Героя Советского Союза и объявляли, что он получил свою Звезду за доблесть на учениях. Разве это способствовало доверию к власти? Нет, напротив, порождало «двойную мораль», переадресовывало людей к западным источникам информации.

Однажды я направил на визу маршалу С. Ахромееву очерк о наших медсестрах в Афганистане, девчонках, которые добровольно туда поехали и проявили там настоящий героизм. Так он ответил, что это публиковать не надо. «Почему?» — «Ну, не надо, и все!» Вот такая необъяснимая позиция.

Признаться честно, раньше где-то в глубине души я думал: может, за всей этой таинственностью что-то есть, возможно, радение о каких-то высших государственных интересах. Но сейчас окончательно ясно: просто-напросто не доверяли собственному народу. Это было звено все той же порочной цепи... Может быть, сами маршалы понимали всю бесперспективность, порочность военного решения и потому окружали Афганистан плотной завесой секретности? Но тогда почему они с такой готовностью получали Золотые Звезды Героев за необъявленную войну? За какие такие стратегические победы? Назовите хоть одну из них!

В. Окулов: Другой пример. В августе 1984 года мы с моим коллегой — правдистом П. Студеникиным были на боевых действиях наших войск, чистивших от зенитных ракет моджахедов «зеленку» близ Баграмского аэродрома. Там героически воевали две наши роты. Написали материал, получаю газету в Кабуле — мать честная! — в очерке упомянута лишь одна советская фамилия, все исковеркано, придуманы какие-то афганские комбаты — дело представлено так, будто воевали подразделения афганских вооруженных сил. Славно поработала наша военная цензура, которая, естественно, действовала в соответствии с установками... Был тогда норматив: в одном материале можно было упомянуть об одном убитом и одном раненом. Вот потому наши журналисты были вынуждены, не желая врать, затрагивать лишь «периферийные области» жизни в Афганистане наших войск.

Л. Серебров: Владимир Николаевич, вот вы завели интересный разговор о том, что у нас не было единого центра. Должен сказать, в конце концов в Кабуле вынуждены были сами создать такой центр. И во многом благодаря этому центру мы обязаны тому, что войска не остались в Афганистане. Ведь вполне серьезно разрабатывался вопрос о том, чтобы оставить какую-то часть, уступая просьбам руководства Афганистана. И вопрос решался как бы не до 20 января. Вот почему мы и молчали о выводе войск, и я сам просил журналистов ничего не писать о начавшемся заключительном этапе вывода войск, потому что может все измениться.

Ведущий: Оказавшись в Афганистане, я, не знаю почему, ожидал увидеть там что-то похожее на атмосферу Великой Отечественной. Как же далеки были мои «гражданские» представления от действительности! Нет «переднего края», нет «тыла», ночные операции, рейды, заставы... Все это напоминало скорее партизанские действия. Лев Борисович, как сами военные относились к этой «странной войне»?

Л. Серебров: Мы никогда не принимали решения захватить Афганистан, оккупировать страну. Речь не шла, как я уже говорил, о втягивании в войну. Но, увы, мы старались перестроить афганскую армию на свой манер, не учитывая национальных особенностей, пытались создать бытовые условия, соответствующие нашей армии. Совершенно отбросили ислам как средство в воспитании людей. Внедрили систему политработы по нашему образцу...

Тем не менее советники строили армию, вооружали ее, обучали людей, занимались формированием дивизий, полков, бригад.

Ну, и, наконец, советники принимали участие во всех боевых действиях с афганцами вместе.

В. Спольников: Наши советники действительно оказали афганским друзьям большую практическую помощь. Этого нельзя отрицать. Но эта

помощь в той форме, в которой она оказывалась, имела и свои теневые стороны. Во-первых, аппарат вырос до непомерных размеров. В итоге наши советники во многих областях практически подменяли своих афганских друзей, зачастую выполняя за них прямые обязанности. Это привело к появлению иждивенчества, отсутствия инициативы, нежелания брать на себя ответственность при принятии решений. Между афганскими руководителями имело место как бы даже соревнование: каждый хотел иметь советника выше рангом, званием. Во-вторых, наши советники не всегда отличались компетентностью. Более того, афганцы с нашей помощью научились быстро составлять неосуществимые планы и не отражающие действительности отчеты. Если по этим отчетам подсчитать, сколько было уничтожено в боях противника, то эти цифры в несколько раз превысят действительное коли-

чество всей вооруженной оппозиции. Отчеты по экономическому развитию страны до сих пор показывают ежегодный прирост урожаев, экономических показателей — и все это в разрушенной стране!

Недавно в Институте востоковедения АН СССР состоялась беседа с одним из американских ученых — специалистов по Афганистану. И вот он задал вопрос: как понять, что советские военачальники, не одержав окончательной военной победы в вооруженной борьбе против афганской

оппозиции, получали повышение по службе и многочисленные высокие государственные награды? Почти все наши высшие военачальники за тот или иной срок пребывания в Афганистане стали или Героями Советского Союза, или получили полководческие ордена, причем такие, которые по статуту могли вручаться только в период Великой Отечественной войны. Так, известны случаи награждения орденом Суворова и орденом Кутузова.

В. Окулов: Большинство наших советников были самоотверженными, знающими, порядочными людьми. Несколько человек погибло в пламени афганской войны. Но, бывало, советниками и по партийной и по экономической линии приезжали люди невежественные не только в вопросах востоковедения, но и недостаточно компетентные в своей профессиональной области. Такие рассматривали афганскую командировку лишь как способ заработать «приличные» деньги на последующую жизнь «за горами».

Афганцы все примечали и прекрасно видели разницу между теми и другими.

Скажем, блестящим, по моему убеждению, был советником Министерства просвещения Евгений Петрович Белозерцев. Этот человек создал прогрессивную концепцию развития народного образования в Афганистане, приемлемую для реальных условий страны, и вместе со своими советскими и афганскими коллегами энергично ее реализовывал. И что же? На смену Белозерцеву приезжает человек, который полгода не может запомнить, как зовут его афганского министра! Однако свое в Афганистане «отсидел».

И на партийной работе случалось: приезжал наш ответственный сотрудник горкома или обкома, обладающий всем комплексом застойных черт отечественного партбюрократа, и брался давать советы. Нередко худшее, чем обладали сами, мы переносили и на афганскую почву.

Р. Тузмухамедов: Я бы хотел поставить вопрос об интернациональном долге. Вот передо мной газета «Комсомольская правда», где приведены слова родителей вернувшихся из Афганистана сыновей. Или погибших там. Узбечка Искандерова Джамиля, которая потеряла там единственного сына: «Я часто спрашиваю себя: что же это за долг был такой? Перед кем?»

Кто решил, что это интернациональный долг? Это может сделать только народ, но у него не спросили. Максимум речь шла и идет сейчас о том, что наши солдаты добросовестно выполняли свой **воинский** долг. Правда, возникает тогда вопрос: а как быть с долгом по присяге, приказами, направленными на выполнение антиконституционного политического решения?

Л. Серебров: Как было объяснить солдату: зачем он в Афганистане? «Интернациональный долг» — это понятие приобрело там совершенно конкретные очертания. Мы ничего у афганцев не брали, кроме воды, которую, кстати, тоже сами добывали. Наоборот, делились всем, что у нас было. Помогали строить, разминировали огромное количество дорог. То есть вели себя действительно как интернационалисты. За что погибали наши люди? За то, что хотели помочь братскому народу, попавшему в беду. Другого объяснения нет.

Р. Тузмухамедов: И почему мы тогда ушли? Мы выполнили свой интернациональный долг? Наверное, нет. Не умиротворили, не обеспечили национальное примирение. Нам нужно было уходить. И Женевские соглашения — великое достижение нашей внешней политики, образец дипломатии нового типа. 7 апреля 1988 года в Ташкенте на встрече М. С. Горбачева с Наджибуллой решилась судьба этих соглашений. Но выполнили ли мы объявленные вначале цели ввода армии? И стал ли народ Афганистана в массе своей ближе к нам, стал ли любить нас больше?

Думаю, эти вопросы требуют дополнительного осмысления.

В. Окулов: Несомненно, мы смогли уйти не только потому, что поняли: нет военного — может быть только политическое решение афганской проблемы. Можно считать, что это понимание было сформулировано со сменой советского руководства в 1985 году. Но ведь три долгих года прошло с той поры, прежде чем первые наши солдаты перешли мост близ Термеза.

Зачем эти годы были нужны? Уйти

наша страна также руководствовалась не только государственными интересами. Учитывались и общечеловеческие ценности, линия на деидеологизацию межгосударственных отношений. Термин «интернациональный» уже закреплен и в общественном сознании, и во многих правовых документах. Считаю, отказываться от него не следует.

Ведущий: Раис Абдулхакович, а каковы были правовые основания нашего присутствия в Афганистане?

но быть вооружвнное нападение. Поскольку такового против нас не было и не было угрозы, выходит, мы не могли ссылаться на статью 51 Устава ООН. Еще одно обстоятельство для того, чтобы статья 51 вступила в силу, в связи, допустим, с нападением на Афганистан, у нас должен был быть военно-политический союзный договор с Афганистаном, а у нас и его не было. А Договор 1978 года — совсем иного характера соглашение. Далее, согласно статье 51, мы обязаны были безотлагательно уведомить

оказалось несравненно труднее, чем войти. Нужно было время для создания политических, международно-правовых условий вывода войск. Такие условия были созданы Женевскими соглашениями по Афганистану, а внутри этой страны — перестройкой государственной политики на рельсы национального компромисса.

Все, что зависело от нас, мы на этом пути сделали. И в этом смысле выполнили нами самими взятый на себя долг перед прогрессивными силами Афганистана.

В. Басов: Как назвать миссию ОКСВ: «интернациональной», «союзной» или какой-либо другой? Вопрос не праздный. Если понимать под словом «интернациональный» наш международный долг, то нужды в пересмотре термина, мне думается, нет. Часто в истории своих отношений СССР и Афганистан исходили не из конкретного государственного интереса, а из более широкого — общенационального. Кстати, выводя ОКСВ,

Р. Тузмухвмедов: Здесь можно говорить о национальном праве и праве международном. С точки зрения нашей Конституции, оснований для ввода войск не было, так как не было соответствующего правового механизма, который оговаривает принятие политических решений, связанных с этим вопросом, как и вообще с внешней политикой. Да к тому же государственной важности решение принималось неконституционным органом.

Теперь что касается международного права. Аргументы, которые тогда выдвигались,— ссылка на статью 51 Устава ООН о праве на индивидуальную и коллективную самооборону, а также ссылка на статью 4 Договора 1978 года. У нас, юристов-международников, первый вызвал недоумение. Потому что для приведения в действие военного механизма, согласно этой статье Устава ООН, допускающей право на «индивидуальную и коллективную самооборону», долж-

Совет Безопасности. Но вместо нас это сумели сделать другие.

Статья 4 нашего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенного в 1978 году, предусматривала разного рода консультации. Конечно, итогом консультаций могут быть любые меры. В принципе статья 4 не запрещала военной помощи с правовой точки зрения. Но последующее развитие событий, которые и мы сами сегодня наконец-то называем войной, уже вышли за рамки допустимого этой статьей.

«Правовые сложности» особенно понятны нам сейчас, когда мы активно боремся за возвращение пленных, поиск пропавших без вести. Каков их статус? Ведь военнопленные по конвенции 1949 года — они должны были официально воевать. А юридически войны не было, ее не объявляли...

Говорят, в 1980 году было заключено советско-афганское соглашение о статусе наших войск. Но оно не было опубликовано, в научно-право-

вом обороте его нет, и ссылаться на него не могу...

Серьезный урок афгвнской кампании — особенно после декларирования примата международного права — тщательная международно-правовая экспертиза наших внешнеполитических акций на стадии принятия решений. Мы же нередко превращаем его постфактум в пропагандистское средство прикрытия.

В. Спольников: В наших средствах массовой информации и в отдельных высказываниях писателей

Л. Серебров: Мне кажется, что очень емко эту мысль выразил товарищ Масуд, член Политбюро НДПА, секретарь ЦК.

Буквально в последние дни нашего пребывания он сказал мне так:

— Как бы ни сложились исторические судьбы Афганистана, мы никогда не будем такими, какими были девять лет назад. Пути вспять, к патриархальщине, к феодализму, нет. Мы знаем, какими мы должны быть. И в этом величайшая заслуга Совет-

туация без опоры на наши штыки? И вы знаете, практически все мои опасения оказались напрасными. Во-первых, афганцы, за редким исключением, действительно сохранили добрые чувства к Советскому Союзу. Я слышал это и в Кабуле, и в Джелалабаде, и от полуграмотных духанщиков, и от министров... А другим приятным открытием было то, что существующий режим практически на всех уровнях справляется с ситуацией не хуже (а в ряде случаев даже лучше), чем прежде. И это, заметьте, при том,

афганские события подаются с каким-то надрывом, проводится мысль, что наши ребята стали жертвами никому не нужной войны, затеянной по капризу руководства, и т. д. Конечно, потери тяжелы и невосполнимы, весь народ разделяет скорбь родных погибших. Но такие понятия, как воинская доблесть, остаются незыблемыми. Защита интересов нашей Родины остается основной задачей армии и народа. Международная обстановка еще не настолько разрядилась, чтобы мы могли морально демобилизовать свои вооруженные силы, удариться в пацифизм. Нельзя забывать, что школу афганской войны прошли более чем полмиллиона наших воинов, которые сейчас включились в активную работу по осуществлению целей перестройки. Надо сделать все, чтобы ребята, прошедшие Афганистан, как можно быстрее нашли себя, свое место в перестройка, надо использовать их потенциал для патриотического воспитания всей молодежи.

ского Союза, который нам оказывал помощь.

Не только член Политбюро, простые афганцы хранят добрую память о советском человеке. Я в этом глубоко убежден. Когда Кабул голодал, в январе особенно, мы раздавали хлеб на улицах. Наши самолеты его доставляли, а в 11 точках работали группы советских солдат, которые занимались раздачей хлеба и керосина. Афганцы говорили: «Нам никто никогда ничего не давал. Вы первые, которые даете, и мы не можем этого не оценить». Наверное, этим тоже многое сказано.

Ведущий: Ваш прогноз на дальнейшее развитие событий в Афганистане?

В. Снегирев: Хочу поделиться впечатлениями от последней командировки в Афганистан, состоявшейся уже после вывода наших войск. Надо сказать, с тревожным настроением я летел в Кабул в конце марта: как там встретят на этот раз, какова си-

что военное давление оппозиции резко усилилось, а наших войск не стало. Не буду здесь заниматься предсказаниями, ситуация по-прежнему непростая и на ее развитие влияет множество факторов, однако одно могу сказать с абсолютной уверенностью: Кабул не хочет Гульбеддина Хекматиара, жителей столицы пугает перспектива стать заложниками исламских фундаменталистов.

И еще одно наблюдение, привезенное из последней командировки. Афганцы, я бы сказал, очень въедливо читают все, что мы сегодня пишем о них, об их ошибках и проблемах. Поспешные, некомпетентные оценки, публикации с расчетом на сенсацию вызывают у них естественную обиду. «Как же так? — спрашивали они. — Вот в статье товарища В. жестоко критикуются наши руководители, а ведь этот товарищ сам много лет был не последним человеком в Афганистане и несет равную ответственность за все то, что здесь происходи-

ло». Анализируя афганскую проблематику, надо проявлять и мудрость в суждениях, и точность в оценках.

Л. Серебров: 15 мая мы ушли из Джелалабада, из Гардеза, из Газни. И сразу же с Запада услышали предсказание: через 10 — 20 дней эти населенные пункты падут. Не пали. Более того, никаких серьезных военных действий оппозиция не смогла предпринять.

Р. Тузмухамедов: Оппозиция, конечно, сейчас разрознена, трудно

ожидать от нее, чтобы она своими отдельными отрядами могла штурмовать крупные города, не имея средств связи, системы управления, не имея, наконец, опыта руководства такими масштабными боевыми действиями. Но постепенно, мне кажется, этот опыт будет набираться. Тут деконструктивную роль играет Пакистан, американцы, Саудовская Аравия...

Короче, идет перегруппировка сил, не только вооруженная, но и политическая борьба на всех уровнях — внутри оппозиции, в рамках страны, вокруг нее в регионе, в глобальном масштабе.

В. Спольников: Что касается прогнозов дальнейшего развития событий в Афганистане, то я здесь менее оптимистичен. Да, мы являемся свидетелями того, что республика Афганистан после вывода наших войск самостоятельно и довольно успешно решает задачи обороны таких городов, как Джелалабад и Кандагар, готов к отпору противнику Кабул. Но все же, как мне кажется, наметившееся длительное противостояние город — деревня не может продолжаться до бесконечности. Кабул весьма уязвим с точки зрения снабжения продовольствием. Дорога Кабул — Термез находится под постоянной угрозой отрядов Ахмад Шаха Масуда. Снабжение города с более чем миллионным населением по воздуху в течение сколько-нибудь продолжительного времени — это не более чем иллюзия. Выглядит проблематичным пополнение армии в связи с окончанием срока службы солдат за счет кабульского населения. И главное: не просматривается перспектива на будущее — каков же может быть исход подобного противостояния? Глухая оборона не может привести к победе. Нужен какой-то перелом в настроениях масс, но он пока не просматривается. Нужен перелом в позиции полевых командиров, их готовность идти на компромисс с Кабулом, но и этого пока не видно. В этой ситуации время играет на оппозицию, которая, несмотря на свою разобщенность, противоречия, отсутствие средств управления войсками и вообще отсутствие военной структуры, способной решать такие задачи, как штурм городов, их удержание, управление и снабжение, с помощью своих пакистанских и иных покровителей преодолевает свои трудности.

Надежды исключительно на противоречия в стане оппозиции не имеют долгосрочной перспективы: они с трудом, но все же преодолеваются, по крайней мере на период решающей схватки с кабульским правительством. Судя по ситуации, такую схватку следует ожидать летом 1989 года.

В. Окулов: Прогнозы для Афганистана — дело чрезвычайно сложное.

При любом течении событий ясно, что Афганистан уже не тот, что был при Дауде. За минувшее десятилетие наработан большой политический опыт, и массы афганцев, в силу неграмотности в подавляющем большинстве своем далекие от политики, гораздо лучше понимают теперь, кто есть кто и что есть что.

Ведущий: Думаю, участники «круглого стола» согласятся, что наша беседа отнюдь не охватила все проблемы, связанные с драматическими событиями в Афганистане. Предстоит еще и еще раз возвращаться к этому периоду нашей жизни, чтобы постепенно, шаг за шагом, осмыслить его итоги, извлечь необходимые уроки. Суть этой работы — в создании механизма юридических, политических гарантий, способных предотвратить просчеты. Журнал «Родина» в той или иной форме примет участие в дальнейшем обсуждении различных аспектов афганской темы. Надеемся, читатели помогут нам в этом. Мы ждем отклика специалистов, ученых, военных, всех, кому не дает покоя эта неутихающая боль — Афганистан.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЭМИГРАНТЫ: НЕ ПОНИМАЮ, НЕ ПРИЕМЛЮ!

Олег ТРУСОВ, заведующий отделом института «Белспецпроект-реставрация»

Я всегда выступал за самые широкие права человека, в том числе свободу выезда за границу. Но мое отношение к эмигрантам, как и раньше, однозначно отрицательное.

Я ведь не говорю, что нужно задерживать тех, кто хочет или считает необходимым уехать,— пусть едут, для этого непременно должны иметься возможности. Я просто считаю (и всегда считал), что истинный патриот ни при каких условиях не променяет свою страну на чужую. Более того, я не понимаю даже тех, кто расстается с так называемой «малой родиной» — своей республикой, городом. Вот недавно слушал, как жаловался молодой белорус, что трудно, мол, ему теперь в Эстонии, чувствует себя чуть ли не человеком второго сорта. Но ведь назад в Белоруссию и не думает ехать. И подозреваю, не случайно: на той же Могилевщине или Гомельщине, как ни крути, а жизнь-то посложнее, победнее, а после Чернобыльской аварии и поопаснее! Вот парень и «мучается» в Эстонии, кстати, не проявляя уважения и к новой своей родине — не знает культуры эстонского народа, не выучил его языка. Нет, не могу ему посочувствоввть.

Не вызывают у меня жалости и те, что пишут слезные письма из-за границы (было время, когда их часто публиковали в прессе), живописуют, как им там трудно — квартиры дорогие, еда дорогая, работы по специальности не найти... Переезд в другую страну в поисках материальных благ, которых пока мало дома, я вообще считаю отвратительным явлением. Как правило, это люди не самой высокой нравственности.

Я историк и знаю, что тысячи белорусов когда-то уехали в США, Канаду, Австралию именно в поисках лучшей доли. Но разве можно сравнивать «экономических» эмигрантов последних десятилетий с прежними? Наши прадеды и деды уезжали от настоящей нищеты и голода, а потом, между прочим, очень многие и назад вернулись. Ведь уезжали не навсегда, этого в их планах не было.

А многие нынешние эмигранты, убежден, гораздо лучше меня или вас были обеспечены, практически никогда и ни в чем не нуждались. Но им хотелось еще большего. И поскорее. Такой позиции никогда не приму!

Если иметь в виду писателей, художников, артистов, например, А. Тарковского,— это совсем иное. Его насильно сделали эмигрантом, сам он этого не хотел. И отчаянно страдал в разлуке. Может, потому так рано и из жизни ушел. Мучительная тоска по Родине очевидна во всех его последних лентах, снятых за рубежом. Что-то подобное произошло и с Любимовым...

Но другое дело добровольный отъезд, пусть даже мотивированный необходимостью «свободного творчества». Как хотите, но не верю я в абсолютную искренность таких заявлений: истинный художник вряд ли создаст что-то великое, оторвавшись от своих корней. Это подтверждают сами судьбы уехавших от нас: большинство свои лучшие произведения создали дома. Да и жили здесь, несмотря на все сложности и цензуру, намного честнее и цельнее, хоть и терпели гонения, но не писали в угоду кому-то. А за рубежом пришлось — хотя бы на первых порах, чтобы обеспечить себе «свободу», которая для многих затем оказалась попросту ненужной,— талант, не питаемый соками Родины, уходил...

Иногда говорят, что для эмигрантов складывается безвыходная ситуация, почти как бывало в 30-е годы, когда речь шла уже о выборе между жизнью и смертью. И опять, на мой взгляд, в какой-то степени сказывается наше общее заблуждение. Я имею в виду «безвыходность ситуации». Давайте зададимся вопросами: отчего у одних было право такого выбора, а у других нет? Не означает ли это, что эмигрировавшие в те годы тоже были на особом, несколько лучшем, чем другие, положении?

Или почему, несмотря на имевшуюся у него возможность, не уехал Михаил Булгаков? Почему вернулись Алексей Толстой и Максим Горький, которые, уверен, прекрасно осознавали, что происходило в то время в нашей стране? Почему здесь остались П. Флоренский, В. Вернадский, И. Павлов?

Ведь ответ, по-моему, элементарен: они были истинными патриотами, они действительно любили свою страну и свой народ, они никогда не смогли бы сострадать им издалека, а должны были и сами пройти весь этот долгий путь.

И если вспомнить историю, великие души так поступали всегда. Никто из русских писателей прошлого века не остался за границей, не уехал навсегда в Европу. Жили там, иногда подолгу, но затем возвращались в Россию со всем ее горем и страданиями — самодержавием, крепостничеством, нищетой.

Мне кажется, что нынче этот урок в какой-то мере нами позабыт. Хотя я склонен объяснять подобное не столько плохой памятью, сколько отсутствием интеллигентности, низкой духовной культурой. Что, впрочем, взаимосвязано... Вы посмотрите, как часто мы стали обращаться за советом и рекомендацией к зарубежным специалистам, с каким вниманием выслушиваем поучения некоторых наших бывших соотечественников, почему-то считая, что именно «оттуда» виднее, как и куда нам идти дальше. И при этом умиляемся собственной «толерантностью» (слово и то чужое используем!), хотя на самом деле теряем таким образом гордость и достоинство. Ибо раньше твердили, что зарубежные товары лучше отечественных, а теперь уверены, что «там» и идеи получше наших.

Поймите меня правильно. Я не против зарубежного опыта. Я против преувеличенного преклонения перед чужими успехами и чужими пороками. Я за то, чтобы мы наконец-то научились видеть и слышать собственных — тех, кто и родился среди нас, и с нами жил, страдал, мечтал, жертвовал; тех, кто даже в самые тяжкие минуты не допускал мысли об эмиграции, поскольку знали: нельзя человеку расставаться с Родиной, а покидать ее в черные дни и вовсе преступно.

Массовые выезды из СССР последних лет я считаю признаком нашего духовного и душевного обнищания. Ибо только нищий духом сдаст мать в богадельню, только нищий духом покинет мать-Родину. Кстати, вы заметили, как редко стало употребляться это прекрасное словосочетание — мать-Родина? И не знаю, как вам, а мне от этого больно...

Сергей ТРУБЕЦКОЙ:

"Я ВЕРЮ В СИЛУ РАЗУМНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА"

Того, кто захочет сегодня перелистать пожелтевшие страницы сочинений С. Н. Трубецкого, может удивить перекличка с самыми свежими газетными статьями. Демократия, гласность, государство и общество, народное образование, суды присяжных, местное самоуправление, бюрократия, национальный вопрос... Но если не листать, а читать внимательно, можно убедиться: сегодня происходит не повторение старого, а продолжение борьбы за свободное общество, прерывавшейся историческими катастрофами. Неуклонность, с которой восстанавливаются связи времен, обнадеживает. Повторение пройденного может хотя бы отчасти возместить недостаток политического и морального опыта, который сейчас остро ощущается.

Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905) — одна из самых значительных фигур русского освободительного движения начала века. Отмеренные ему 43 года пришлись на промежуток между «Положениями 19 февраля» и «Манифестом 17 октября» — время, невероятно насыщенное политическими реформами, моральными и теоретическими исканиями. Эпоха безжалостно вовлекала С. Н. Трубецкого в сферу политики, и он, воспитанный в атмосфере «дворянского гнезда», где существовал культ музыки и литературы, с юности захваченный древней философией, решил, что уходить от этого вызова истории безнравственно.

Род Трубецких велся от литовских князей Гедиминовичей, известных с XIV века. Род этот дал России многих крупных военачальников и государственных деятелей. Среди предков Трубецких — Дмитрий Донской. Дважды по крайней мере история едва не вручила Трубецким судьбу России: сначала боярину Дмитрию Тимофеевичу, затем декабристу Сергею Петровичу... Но семья С. Н. Трубецкого необычна даже на этом фоне. Его отец, Николай Петрович, оставил о себе память как один из основателей Московского музыкального общества. Брат, Евгений Николаевич, был (как и сам Сергей Николаевич) выдающимся русским философом. Николай Сергеевич, сын С. Н. Трубецкого,— крупнейший лингвист нашего века, основатель фонологии.

Окончив историко-филологический факультет Московского университета, Сергей Николаевич с 1888 года как приват-доцент читал лекции по древней философии, вместе с друзьями — Л. Лопатиным и Вл. Соловьевым — основал «московский кружок» философов, а с 1889 года вместе с Н. Я. Гротом руководил первым философским журналом России («Вопросы философии и психологии»). Большую просветительскую деятельность развернул С. Н. Трубецкой и в редакции энциклопедии Брокгауза —Ефрона. Фундаментальные исследования «Метафизика в Древней Греции» (1889) и «Учение о логосе в его истории» (1900) сделали Сергея Николаевича родоначальником русской историко-философской науки.

С конца 90-х годов С. Н. Трубецкой активно включается в политическую жизнь. Еще на заре «эпохи реформ» К. Аксаков писал: «Истина, действующая свободно, всегда довольно сильна, чтобы защитить себя и разбить в прах всякую ложь. А если истина не в силах сама защитить себя, то ее ничто защитить не может». Свобода мысли, слова и совести становится в пореформенные годы не только моральной ценностью, но и политическим лозунгом. Идеология, главным аргументом которой является государственный аппарат насилия, должна уступить место свободной борьбе точек зрения — к этому призыву либеральной интеллигенции всецело присоединяется философ, знавший о таинствах свободы не только из повседневности, но и из опыта древних мудрецов. Круг его деятельности довольно широк: земское движение, публицистика (в этом жанре им были созданы блестящие образцы точного политического анализа, например, статья «На рубеже»), попытка основать собственную газету. Успех был редок, но, как писал С. Н. Трубецкой своему учителю и предшественнику Б. Н. Чичерину, «каждый шаг в направлении к гласности имеет для меня великое значение». В гласности и привлечении общественных сил к организованному участию в управлении страной Сергей Николаевич видел единственную возможность предотвратить эксцессы политического экстремизма, из каких бы источников он ни исходил. Публикуемые письма дают отточенные формулировки этих идей.

Вершина политической деятельности С. Н. Трубецкого приходится на 6 июня 1905 года. В качестве главы земско-городской депутации он произнес в этот день перед царем знаменитую речь, в которой призвал Николая II сотрудничать с общественностью в управлении отечеством. «Первый выборный ходатай от русской земли перед царем» — так поняли миссию Сергея Николаевича и, несмотря на тщетность затеи, по достоинству оценили его решимость в русском обществе.

В последние месяцы своей жизни С. Н. Трубецкой много сил отдавал борьбе за автономию университета. Обстоятельства сделали его преемником традиции университетского либерализма, традиции Грановского и Чичерина. Сергей Николаевич рассматривал университет как идеальную форму общества, своего рода утопическое братство людей науки. После ряда драматических попыток стабилизировать обстановку в университете, С. Н. Трубецкой подал царю проект реформ, и это, к удивлению многих, достигло цели. 27 августа 1905 года университет был наделен автономией, 2 сентября Трубецкой стал его первым выборным ректором. Однако академические свободы привлекли на этот островок либерализма людей извне: волна революции захлестнула университет. 29 сентября С. Н. Трубецкой, вызванный в Петербург к министру, после шестичасового обсуждения ситуации потерял в его кабинете сознание и вечером того же дня скончался от кровоизлияния в мозг.

Похороны С. Н. Трубецкого вылились в грандиозную политическую демонстрацию. За гробом шла 50-тысячная процессия. Его смерть переживалась как национальная трагедия, как потеря политического лидера, способного возглавить Государственную думу, духовного вождя молодежи, народного заступника. Многие помнили, что на руках этого человека умер Вл. Соловьев, как бы передавая ему эстафету русской философии. П. Новгородцев писал, что с именем Сергея Николаевича «связана была вера русского народа в превозмогающую силу правды и возможность общего примирения». После смерти Трубецкого в речах политиков зазвучал мотив, который, казалось бы, нельзя было тогда рационально обосновать: мирный путь революции уже невозможен...

Предлагаемые вниманию читателя письма, публиковавшиеся в первом томе Собрания сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого (М., 1907), дают представление о Трубецком-публицисте. Для выступления Сергей Николаевич выбрал достойного оппонента. Князь Д. Н. Цертелев (1852—1911), сын знаменитого фольклориста, был заметным публицистом, критиком, поэтом. Его перу принадлежит неплохая книга о Шопенгауэре. При всем этом политическая позиция Цертелева — упрямое нежелание барина видеть в свободе слова и социальной активности народа что-либо, кроме выходок распоясавшейся черни.

Об обстоятельствах публикации мы узнаем со слов сестры С. Н. Трубецкого, Ольги: «Летом 1899 года С[ергей] Н[иколаевич] в ряде статей, помещенных в «Петербургских ведомостях» под видом писем к Ухтомскому и Цертелеву, ратует за свободу печати. «Петербургские ведомости» читались «в сферах», а иногда даже самим государем, благодаря чему они подвергались меньшим цензурным стеснениям... При полном безгласии печати статьи С[ергея] Н[иколаевича] произвели своего рода сенсацию в Москве и Петербурге. Они читались нарасхват».*

Стоит обратить внимание на «аксиологию» философа, систему его политических ценностей. Трубецкой принадлежал к немногочисленной, но блестящей плеяде «юридической» школы русской философии, которая настойчиво убеждала общество, что создание правового государства и развитие правосознания не должны отставать от решения содержательных проблем русской жизни, что «пустые формы» демократии на деле важнее «злобы дня». Эти мыслители хорошо усвоили урок Вл. Соловьева: государство существует не для того, чтобы создать рай на земле, а для того, чтобы предотвратить ад на земле.
В четких формулах писем Трубецкого проступает идеал демократически организованной общественности, которая может стать гарантом свободы и обезопасить страну. Одна из бед несвободного общества, хорошо прочувствованная Трубецким,— фатальная взаимосвязь власти и оппозиции, порождающих друг в друге свое подобие (пусть иногда негативное). И царь, и террористы одинаково пренебрегали законом и моралью, то есть «формальностями», которые на самом деле были жизненно важны.
В стране, которую, по словам публицистов, всегда сверху хотели заморозить, а снизу — поджечь, необходима была спасительная «середина». Залогом ее создания Трубецкой считал осознанное проведение границ между «народом», «обществом» и «государством». Эти и многие другие уроки С. Н. Трубецкого — политика-гуманиста — нам еще предстоит усвоить.

Александр ДОБРОХОТОВ,
кандидат философских наук

* О. Трубецкая. Князь Сергей Николаевич Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953, с. 31—32.

Три письма князю Д. Н. Цертелеву

ОТВЕТ КНЯЗЮ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

Многоуважаемый князь.

Письмо ваше несколько меня удивило. Вы находите вместе со мною, что современная русская печать напоминает «страшную картину» развалин едомских. Но вместе с тем вы, по-видимому, находите мерзость запустения неизбежным и нормальным состоянием печати вообще,— указывая, что то же самое наблюдается в других странах и прежде всего во Франции, где печать также представляет картину полного одичания, несмотря на отсутствие не только цензурного произвола, но и всяких стеснений или ограничений. Я думал, что из этого вы хотите вывести то заключение, что обе крайности — цензурного произвола и полной разнузданности уличной печати — соприкасаются и ведут к уродливым уклонениям. На самом деле, однако, я в вашем письме никакого заключения не нашел...

Я — не поклонник французской уличной печати, но я прекрасно знаю, что стал бы делать, если бы я был французским публицистом. Я уверен, во-первых, что никто во Франции или в иной европейской стране, за исключением разве Турции, не помешал бы мне высказать печатно мои мнения и обсуждать в печати вопросы, касающиеся самых жизненных интересов общества,— каковы вопросы о церкви, о местном самоуправлении, о школе, о высшем образовании. И если бы я находил, что большинство публицистов проповедуют вещи по моему убеждению безнравственные и пагубные для моего отечества, я считал бы долгом бороться с ними по мере сил, а не мириться с тем, что печать есть и должна быть орудием обмана. Честному и добросовестному французскому публицисту открыта возможность борьбы и защиты.

Далее, я думаю, что, несмотря на все одичание французской печати, в ней слышатся разумные человеческие голоса, которые своей внутренней силой и правдой превозмогают подавляющее большинство звериных воплей. Как ни возмутительна оргия французской печати в деле Дрейфуса*, голос правды, по-видимому, берет верх. Благодаря французской печати были вскрыты уже не раз величайшие политические злоупотребления, величайшие хищения и преступления, имевшие громадное общественное значение и которые бы иначе оставались безнаказанными. Каков бы ни был упадок французской печати, уже одно это есть заслуга. Гласность возможна лишь там, где есть печать, и печать есть условие современного гражданского правопорядка и общественной жизни не только во Франции, но во всех европейских странах, где она функционирует более правильно, чем во Франции.

Печать есть чисто общественная сила, и, отнимая у нее общественное значение, мы лишаем ее смысла. Это — сила большая, но безразличная сама по себе, поскольку она может служить и добру, и злу: с неизбежным злом можно мириться, когда есть добро, которое его покрывает. Но когда общественное значение печати упраздняется, когда печать обращается в монополию «зверей пустыни», то в ней не может быть ни добра, ни толка. Шакалы и коршуны существуют всюду, но нигде из них не делают заповедную дичь, и нигде печать не обращается в беловежскую пущу для привилегированных животных.

Положим, я лично — не охотник и нисколько не желаю тратить заряды на стрельбу по негодной дичи. Но, как человек порядка, я дорожу правом высказывать свое мнение в печати, дорожу им для себя лично, а еще более

* А. Дрейфус — офицер Французского генерального штаба, обвиненный в 1894 году в шпионаже. Процесс по делу Дрейфуса всколыхнул всю Европу и привел к политическому кризису во Франции. Сфабрикованное бездоказательное обвинение, спровоцированная волна антисемитизма (Дрейфус был евреем), политиканские спекуляции на этом процессе — все это вызвало мощный протест европейской (в частности, русской) общественности. В 1906 году Дрейфус был реабилитирован. (*Здесь и далее примечания А. Доброхотова.*)

для других русских благомыслящих людей, пользующихся общим заслуженным уважением и голос которых много значительнее моего голоса. Стеснения печати имели бы весь свой смысл, если бы они действительно могли оградить ее от сикофантов и растлителей общественного мнения.

Но раз эти стеснения создают им исключительное положение и мешают пользоваться печатью для выраженья разумного человеческого слова и добросовестных убеждений, ясно, что они нецелесообразны.

Вы понимаете, князь, что я говорю не только о принципе, а о целом ряде конкретных вопросов, по которым всякие литературные опричники могут говорить, что хотят,— когда люди порядка и чести, люди, действительно преданные Престолу и Отечеству, погружены в молчание.

Вы говорите, что упразднение стеснений не сделало бы людей... из диких и домашних животных, с чем я совершенно согласен. Но если вы думаете, что «ограничение цензурного произвола не дало бы возможности слышать в печати человеческие голоса вместо звериной какофонии», то смею вас уверить, что вы ошибаетесь. Вы говорите, что «никакой Демосфен не в силах перекричать ни дикой кошки, ни домашнего осла, когда они находят публику, желающую их слушать». Но, во-первых, я полагаю, что наряду с любителями звериной какофонии у нас существует довольно значительная публика, которая была бы не прочь послушать и Демосфена, или даже, если Демосфена не найдется, так просто хороший и здравый человеческий голос. А во-вторых, я думаю, что разумному человеку нет надобности надсаживаться и кричать, чтобы покрыть голоса ослов и кошек; это значило бы прибегать к приемам нечеловеческим, в которых животные всегда будут иметь преимущество. Сила человеческого слова должна быть в разуме, а не в крике.

Я верю в силу разумного человеческого слова. Оно никогда не заглохнет и не умрет; оно судит и светит, и суд его в конце концов всегда оправдается, и приговоры его сбудутся. Пагубно и опасно презирать это слово. Его сила — не в том, что его говорят многие, а в том, наоборот, что его могут сказать и очень немногие: в конце концов его услышат все... И сколько бы ни кричали звери, крик их обратится в ничто, а слово оправдает себя поздно или рано и покроет звериные голоса. Поэтому сами по себе эти голоса меня нисколько не тревожат. Меня страшит презрение к человеческому слову.

Вы не верите в силу этого слова — отчасти, может быть, по опыту, как бывший редактор «Московских Ведомостей», а главным образом как мыслитель-пессимист, во многом склоняющийся к философии бессознательного. Но позвольте мне сказать вам, что и опыт ваш недостаточен для обобщения, и теория, из которой вы, по-видимому, исходите, сомнительная сама по себе, едва ли правильно вами толкуется: она нигде не учит нас возводить животную бессознательную силу в нечто нормальное; наоборот, она призывает нас бороться с нею посредством зрячего, сознательного разума. Есть люди, которые склонны относиться к деятелям нашей воинствующей и вместе торжествующей печати с некоторым снисхождением за то, что они, проповедуя всеобщее опустошение, высоко развевают белое знамя и, ругаясь над правдой, кричат «не имамы царя токмо кесаря!»*. В моих глазах это только отягчающее обстоятельство. Да и вы, князь, едва ли впадете в ошибку Пилата: лучше меня вы знаете, какую цену имеют эти клики в устах этих людей; лучше меня вы знаете, что знамя для них безразлично: сегодня оно белое, завтра — такое же красное, как и вчера.

Вы спрашиваете меня: что сделать для того, чтобы поднять уровень нашей печати, чтобы заставить ее служить общему благу? Заставлять нельзя и не нужно: надо не мешать. Прежде всего не устраняйте от печати честных людей, хотя бы мнения их и расходились с вашими. Не создавайте монополии для мнений и убеждений,— в особенности для тех, которыми вы дорожите,— иначе их втопчут в грязь те презренные, продажные публицисты, которые начнут эксплуатировать их в свою пользу. Раз вы миритесь со злом, которое приносит наша печать, дайте ей возможность принести и все то добро, которое она может принести посредством обмена мнений, посредством гласности, посредством всестороннего освещения действительных жизненных интересов русского общества. Верьте, что это русское общество состоит не из одних зверей и любителей звериных песен и что среди публицистов наших есть немало «мужей совета»,— почтенных, честных и просвещенных людей, которые служат не интересам, не лицам, а принципам. Дайте им высказаться!

Кн. С. Н. Трубецкой.
1899 г. 3 мая.

* Евангелие от Иоанна, 19, 15: «Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря».

ВТОРОЙ ОТВЕТ КНЯЗЮ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

О свободе печати и возможных злоупотреблениях ею можно сказать много умных и хороших вещей; но в настоящее время академические рассуждения о сем предмете представляются едва ли своевременными. Недавно на столбцах «С.-Петербургских Ведомостей» мы читали письмо одного из многих тружеников провинциальной печати, который жаловался, что ему не позволят назвать по имени волостного писаря, обижающего сельскую учительницу, не позволят говорить о лавочниках, у которых губернаторы забирают провизию, и о неисправности почты, которая возит корреспонденцию со скоростью 40 верст в месяц. Согласитесь, что при таких условиях рано опасаться злоупотреблений свободою слова. Когда голодный просит хлеба, рано говорить о том, какие расстройства пищеварения бывают от трюфелей и заграничных паштетов. Вы говорите, что я ошибочно приписываю вам пессимистический взгляд на нашу печать. По вашему мнению ее можно поднять, но не посредством свободы, а посредством установления более строгой ответственности для редакторов и посредством учреждения особых дипломов для наших публицистов. Но, по-моему, первая мера, взятая в отдельности, поведет разве к усугублению сервилиума нашей печати; а вторая,— признаться, я ее не понял и жду, чтобы вы ее объяснили: какой будете вы устанавливать умственный и нравственный ценз для наших газетчиков, как будете вы свидетельствовать и дипломировать их добросовестность, какие такие дипломы вы будете им выдавать? Во всяком случае это проект оригинальный и на Западе еще неиспытанный! Нечто подобное существует в Китае, но для мандаринов, а не для публицистов. Повторяю, боюсь, что я вас не понял, и заранее извиняюсь, если я превратно толкую вашу мысль.

На Западе существует опыт — закономерная свобода печати, и об этом опыте нельзя говорить, как о чем-то неизведанном. Скажите на милость, какое худо вытекает из этой свободы в Англии или в Германии. Вы вдаетесь в рассуждения несколько отвлеченного свойства и доказываете, что нельзя предоставить каждому кричать по произволу: «держи», или «караул», что иногда лучше нападать на ближнего, чем кричать такие слова и т. д. Но почему я не могу кричать «держи» и «караул», когда на моих глазах дерут моего ближнего? — вот вопрос... В чем тут опасность общественная? Еще Катков говорил, что конституция русского гражданина состоит в праве и обязанности кричать «караул», а вы хотите лишить нас и этого права! Но каково бы ни было наше с вами мнение о пользе или вреде подобных криков, мы должны признать, что вся публицистика, ведущая свое начало от Каткова, есть лишь одно сплошное «караул» и «держи»: «караул» центр и окраины, «караул» и земство, и земская школа, «караул» и суд, «караул» университеты, «караул» русское общество. Хорошо это или дурно, мы только это и слышим, и едва ли свобода печати в этом виновата.

Всякую мысль нужно додумать до конца, и не надо останавливаться на полумыслях. Что такое печать, как не орган общественной мысли, общественного мнения? Поэтому если мы хотим правильно поставить вопрос о печати и договориться до чего-нибудь определенного, надо выяснить, как мы смотрим на общество вообще, на его значение и назначение в государстве, на его права и обязанности.

Каково отношение к обществу, с которым чаще всего приходится встречаться, как со стороны большинства бюрократов, так и со стороны публицистов, примыкающих к господствующим течениям? Презрение к обществу, подозрение к обществу, затаенная или явная вражда к русскому обществу... Есть ряд публицистов и бюрократов, которые в своем непонятном ослеплении видят в обществе не самый прочный из даров нормальной государственной жизни, а нечто не только излишнее, но даже вредное и подлежащее упразднению. Эта мысль в столь нелепой форме, понятно, никем не высказывается, ибо достаточно высказать ее, чтобы убедиться немедленно в ее абсурде: может ли государство признать себя врагом общества, или, наоборот, признать в обществе своего внутреннего врага? И, однако, эта безумная, нелепая вражда к обществу служит скрытым лозунгом для многих деятелей «наших дней»: они говорят, правда, что ненавидят не общество, а только его общественные учреждения; но что это, как не самый грубый и пошлый софизм?

Есть наивные люди, которые в самом деле думают, что государство может обойтись без общества и без службы общества, что наоборот, общество только служит ему помехой. С такой точки зрения задача патриота должна состоять в упорной и постоянной борьбе против общества, в стремлении к возможно большей дезорганизации, в разложении общества и в подавлении всякой его самостоятельности. Общество мерещится такому патриоту каким-то противогосударственным союзом и все проявления общественности кажутся ему преступными посягательствами, которые должны быть растоптаны в самом зачатке, разбиты о камень, подобно младенцам вавилонским. Нужно раздробить общество на его мельчайшие атомы, нужно обратить его в сумму отдельных бессвязных единиц — отдельных обывателей государства. С такой точки зрения независимая печать есть само по себе уже зло, потому что злом признается всякая самостоятельная общественная сила.

Я считаю такое воззрение революционным и разрушительным. И оно тем опаснее, чем оно искреннее и бессознательнее. Я не говорю о том глубоком вреде, какой приносит оно русскому обществу, о том, как оно развращает и унижает, парализует лучшие его силы. Проводимое с бессознательной последовательностью навязчивой идеи, это воззрение сеет общую вражду и смуту. Оно ссорит правительство с обществом, оно подрывает самые крепкие традиционные основы порядка и разрушает тот глубоко консервативный уклад русской общественной жизни, который оставался незыблем доселе, несмотря на все потрясения.

Постороннему наблюдателю, который прислушивается к современным толкам о земстве, земской школе, о суде, о высшем образовании, о печати, о всем, что касается жизненных интересов русского общества, кажется минутами, что он имеет дело с сознательными агитаторами и революционерами. Не может быть, чтоб люди, стремящиеся навязать государству противообщественные цели и тенденции, не сознавали, что они подкапываются под устои государственного порядка. Не может быть, чтобы люди, попирающие все, что дорого русскому обществу, что достигнуто с таким трудом и так поздно, не стремились сознательно сеять смуту, не может быть, чтобы все это было лишь ослеплением! А между тем, на самом деле, сколько тут ослепления! Должно ли существовать общество? Должно ли оно жить, развиваться, нести службу царю и государству? Казалось бы и вопроса быть не может, а между тем его приходится ставить совершенно серьезно и требовать на него такого ответа, который был бы в одно и то же время и разумным и честным. Когда нам говорят, что общество должно существовать, но с тем, чтобы не иметь возможности проявлять свою жизнь и выражать свое мнение; когда нам говорят, что оно должно развиваться, но с тем, чтобы все общественные учреждения упразднялись одно за другим; когда, наконец, нам говорят, что оно может служить лишь в качестве источника доходов казны или в качестве слепого пассивного орудия в руках чиновничества — то такой ответ нельзя назвать ни разумным, ни честным. Честнее было бы сказать, что общество подлежит упразднению. Но ни у кого не хватит духа высказать явный абсурд, не замаскировав его сетью лжи и софизмов. Современное государство,— каков бы ни был его политический строй,— нуждается в развитой общественности для того, чтобы справляться с бесконечно усложняющимися задачами культурной жизни. В наши дни одного стихийного патриотизма недостаточно и во время войны, а тем более во время мира. Недостаточны отдельные просвещенные деятели, отдельные образованные чиновники,— нужно развитое просвещенное общество. Оно составляет потребность современного государства, а там, где такая потребность не получает должного удовлетворения, государство идет к неизбежному упадку.

Перенося на бюрократию естественные функции общества, мы вызываем атрофию местной жизни и роняем значение самой бюрократии, которая все равно не в силах заменить собою общество.

Убивая общественную самостоятельность, мы обращаем в труп самый организм государства. Тормозя свободное развитие общественной мысли, мы развиваем нездоровое брожение умов. Разбивая общество на его атомы, обращая его в пыль, мы рискуем тем, что эта пыль при первой же грозе обратится в грязь, в которой потонет бюрократическая машина.

На каких простых, очевидных истинах приходится настаивать! Приходится убеждать и доказывать, что не развращение, не разложение общества, а, наоборот, его созидание, его организация составляет задачу истинного патриотизма и действительной политической мудрости. Недостаточно охранять государство: приходится, в наши дни, охранять и общество от безумных посягательств мнимых консерваторов.

Немножко широты во взгляде, немножко более политического смысла желали бы мы нашим публицистам-бюрократам! Если бы только поняли они, что государство не может стоять ни на развалинах общества, ни на песке пустыни! Если бы только сознали они ту глубокую, зиждущую и вместе охранительную силу, которая таится в обществе! Они не слушаются уроков истории и, вместо истории действительной,— создают себе, с легкостью канцелярских проектов — историю вымышленную. Они искажают элементарные понятия государственного права, извращают смысл простых, общепонятных слов в угоду вредным, противообщественным стремлениям. Другие делают еще хуже и, думая разрешить основные, общественные вопросы путем простого коммерческого расчета, мерят на целковый государственные и общественные интересы... Пора вспомнить, наконец, что не бюрократия создала крепкое, самодержавное русское царство, а народно-общественные силы; пора вспомнить, что царство это так крепко и прочно именно потому, что основание его так широко.

Нашим публицистам-бюрократам кажется, что пирамида государства российского будет стоять прочно только тогда, когда она перевернется окончательно и, вместо того, чтобы покоиться на своем естественном основании, утвердится на своей вершине, при помощи бесчисленных бюрократических подпорок. Неужели же это называется консерватизмом? Когда же, наконец, у наших слепорожденных откроются глаза, хотя бы настолько, чтобы иметь возможность сказать вместе с евангельским слепорожденным: «вижу человека яко древие ходяща!»*.

Кн. С. Н. ТРУБЕЦКОЙ.
Троицкое, 1899 г. 10 июня.

* Евангелие от Марка, 8,24: «Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья» (об исцелении Христом слепого).

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО?
(Ответ князю Д. Н. Цертелеву)

В третий раз вы обращаетесь ко мне печатно. Я чрезвычайно рад спорить именно с вами, так как более искреннего и почтенного защитника представляемого вами направления я не мог бы указать. Я надеюсь найти общую почву для спора с вами. Но, к сожалению, я вижу, что после каждого вашего письма я понимаю вас все меньше и меньше. На основании первого вашего письма я заключил, что вы просто не верите в значение и пользу печати и считаете настоящий упадок ее нормальным состоянием, оправдывающим все те меры, которые, по-моему, обусловливают ее одичание. Во втором письме вы заявляете, что я вас не понял и что вы — не сторонник цензурного произвола. С меня было бы достаточно,— но вы тут же стали говорить о необходимости установления умственного и нравственного ценза для наших газетчиков и спрашивали, почему от аптекаря, фельдшера или землемера требуются соответствующие дипломы, а от газетчика такого диплома не требуется. Отсюда я заключил,— как вижу, слишком поспешно,— что вы хотите установить диплом на звание публициста, точно так же, как из ваших сетований на безответственность фактических редакторов иных изданий, я заключил, что вы желаете установления для них действительной и сугубой ответственности. Но вот из третьего вашего письма я усматриваю, что вы отказываетесь от того и от другого. Чего же вы собственно хотите? Этого ни я не понимаю, да и никто из наших читателей не поймет, пока вы не выскажетесь определенно. Цензурный произвол вам не нравится, и упразднение его вам не нравится. Вы намекаете на какие-то особенные, вам известные средства; но после неудачных попыток я отказываюсь их угадывать. Приглашая меня к академическому спору, вам бы следовало высказать ваши положения столь же категорично, как я высказываю свои,— тем более, что с моими вы совершенно не согласны.

Я мог бы оставить за вами последнее слово в нашем споре, так как никаких новых возражений по поводу моих взглядов о печати вы мне не делаете,— неизвестно для чего уподобляя цензуру суконным панталонам, не имеющим к печати никакого отношения. Но вы обвиняете меня в злоупотреблении понятием об обществе и требуете от меня категорического ответа на вопрос, что я под обществом разумею.

Я высказал два положения, казавшиеся мне ясными и бесспорными. Во-первых то, что печать, как таковая, есть орган общественного мнения, а во-вторых то, что в некоторых весьма влиятельных литературных и нелитературных сферах у нас господствует подозрительное и враждебное отношение к русскому обществу и крупнейшим общественным учреждениям, и что этой же враждою и подозрением определяется отношение названных мною сфер к печати. Кажется — ясно, определенно, и вдобавок, верно? Но вы неожиданно спрашиваете меня, о каком таком обществе я говорю: об обществе Красного Креста, о Союзе писателей или обществе покровительства животным? Говоря о церкви, о государстве, об определенных союзах, мы имеем дело с ясными и определенными понятиями; но что такое «общество вообще»,— спрашиваете вы — «общество, не имеющее никаких определенных функций и целей», и где «те признаки, которыми оно отличается от государства, от народа и человечества?» По-вашему, только у социалистов есть определенное понятие об обществе, но у них оно есть лишь «государство, взятое с другого конца»(?).

С моей стороны, было бы слишком смело преподавать вам начатки государственного права; еще смелее было бы выступать со своим собственным социологическим учением. Ввиду этого, позвольте обратить вас к общим руководствам, например, к Л. Штейну Gesellschafts lehre, к Р. Молю или к «Курсу государственной науки» Б. Н. Чичерина, который посвящает весь II т. своего прекрасного труда учению об обществе в его отношениях к государству. Вы скажете, что названные ученые не вполне согласны между собою, а что новейшие социологи радикально расходятся с ними в своем учении об обществе. Но что же отсюда следует? Разве из этого, что юристы не столковались до сих пор в определении права, а моралисты в определении нравственности, следует, что права и нравственность не существуют? Разве из того, что юристы и экономисты радикально расходятся в своих учениях о собственности и государстве, следует, что понятия собственности и государства относятся к мнимым величинам? Точно так же из споров социологов о природе общества и его нормальном отношении к государству рискованно было бы заключать, что общества не существует. В особенности если мы оставим споры об идеальных нормах и обратимся к фактам, то едва ли нам трудно будет отличить гражданское общество от государства или от народа, который служит материалом как для государственного, так и для общественного союза.

Несомненно, что в оба союза входят одни и те же лица. Но, входя в состав государства, граждане не перестают состоять в многообразных частных отношениях между собою,— отношениях юридических, экономических, умственных и нравственных, совокупность которых и образует между ними общественную связь, отличную от государственной. Граждане составляют группы, объединенные частными или местными интересами, и вступают в частные союзы между собою,— причем такие местные группы и частные союзы, подчиняясь высшему целому государства, тем не менее отличаются от него, хотя и находятся с ним в живом и постоянном взаимодействии. Подчиняясь государству, гражданин остается свободным лицом и, по мере степени своей личной и гражданской свободы, вступает в сношения и союзы с другими лицами для своих частных целей или целей, хотя бы и общих, но отличных от целей чисто государственных. Совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти, и составляет общество данного государства, или «гражданское общество».

Что граница между публичным и частным правом может проводиться различным образом, что отношения между обществом и государством могут определяться различным образом и в теории и на практике,— об этом никто не спорит. Но все-таки,— как бы ни была ограничена свобода личная и общественная, как бы ни была слаба организация общественных союзов,— общество существует во всяком государстве. В социологию мы с вами вдаваться не будем и даже, если позволите, не станем искать каких-либо исчерпывающих определений, которые могут быть лишь результатом разработанного политического учения. Для наших целей достаточно и элементарного определения общества, в отличие от государства, как совокупности всех местных и частных союзов, в которые граждане вступают между собою в области хозяйственной, нравственной, религиозной (а там, где существует политическая свобода,— и в области политической).

И вот я утверждаю, что к совокупности всех этих частных союзов граждан между собою в области хозяйственной, умственной, нравственной и религиозной «наши бюрократы и публицисты, примыкающие к господствующим течениям», относятся с явным подозрением и враждою: они желали бы либо вовсе упразднить такие союзы, приписывая им чуждые им политические цели, либо же,— там, где это невозможно,— убить в них всякую частную и общественную инициативу и обратить их в казенные учреждения. Вы скажете, что это — абсурд, и я с вами согласен. Но это — факт, и его нетрудно доказать.

Начнем с области религиозной — с церкви, как «общества верующих», и обратимся к свидетельству судей, компетентность которых никто в этом деле отрицать не станет (я разумею славянофилов и И. С. Аксакова, который в течение всей своей деятельности обличал с такою горячностью стремления, направленные к обращению церкви в казенное учреждение; и он же, с неменьшею силою, боролся с нетерпимостью, требовавшей преследования всех религиозно-общественных союзов, стоящих вне государственной церкви). Переходя к области умственной и нравственной, мы не будем касаться общественного мнения и печати — об этом мы уже достаточно говорили, да и вы не отрицаете фактов. Можно было бы поговорить об ученых обществах,— напр. о юридическом, психологическом или других, не слишком специальных и затрагивающих широкий общественный интерес. Думаю, однако, что теперь, после «отдания» Пушкинского праздника *, нам не стоит об этом распространяться. В лучшем положении находятся общества спортивные и благотворительные,— в особенности те, которые имеют характер официальных учреждений (напр. Красный Крест) или же чрезвычайно узкие и ограниченные задачи (напр. общество покровительства животным). Но что широкий общественный почин в деле благотворительности возбуждает недоверие, подозрение и вражду, это мы видели не раз в голодные годы: вспомните хотя бы недавние возмутительные выходки иных газет, усматривавших чуть ли не революционную агитацию в деле общественного милосердия. Наконец, обращаюсь к хозяйственной сфере,— к сфере общественного самоуправления... До сих пор я ни слова не говорил о присутствующих: теперь позвольте упомянуть и о них, т. е. и о вас в числе ваших единомышленников и напомнить вам травлю на земские учреждения,— травлю, в которой и вы принимаете посильное участие, восставая не против отдельных недочетов и злоупотреблений, а против самого принципа общественного хозяйства.

Да что земство? Сами сословно-общественные учреждения, само дворянство испытывает общую участь, и те, кто всего громче требуют подачек для отдельных промотавшихся помещиков, не хотят слышать об упадке общественного значения дворянства, которому падение земства нанесло бы новый и тяжелый нравственный удар. Самый призрак уцелевшей дворянской организации возбуждает подозрение иных ревнителей,— как мы видели это еще недавно в весьма характерной газетной полемике по поводу последних орловских выборов.

Итак, мне кажется, я могу поддерживать мой тезис. Отношение к обществу со стороны большинства наших бюрократов и публицистов, к ним примыкающих, определено мною верно. И я полагаю, что справедлива и моя оценка этого отношения, которое нельзя не признать пагубным не только для общества, но и для государства, нуждающегося в просвещенном, организованном и жизнеспособном обществе, как источнике своих умственных и нравственных сил и своего богатства.

Надеюсь, я теперь исполнил ваши требования. В предыдущих моих письмах я сказал вам, чего я хочу для нашей печати, а в настоящем моем письме я ответил на ваш вопрос о том, что я разумею под обществом и какие противообщественные стремления я имею в виду. Вы замечаете довольно едко, что я сам уподобляюсь тому полупрозревшему слепому, который видел «человеки, яко древие ходяща». Вы находите предпочтительной полную слепоту, при которой не только отдельных «человек», даже и целого общества не видно... Но не умыться ли нам с вами в купели Силоамской **, чтобы поправить окончательно наше зрение и положить конец нашему спору?

Кн. С. ТРУБЕЦКОЙ.

Троицкое, 1899 г. 9 августа.

---

* В 1899 году исполнилось 100 лет со дня рождения А. С. Пушкина. С. Н. Трубецкой имеет в виду завершение связанных с этим торжеств.

** Евангелие от Иоанна, 9,7: «И сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам, что значит: «посланный». Он пошел и умылся, и пришел зрячим» (ср. Иовнн, 9,11).

ИЗ ЗАБВЕНИЯ

В КАНУН ОКТЯБРЯ

Между Пятым и Шестым съездами РСДРП(б) лежит один из самых драматических периодов в истории нашей страны и истории партии: жестокая реакция после поражения революции 1905 года, начало гигантской, не виданной досель по масштабам мировой войны, наконец, февральская революция в России, свергнувшая царизм. И если пятый съезд в 1907 году явился своеобразным заключительным аккордом первой русской революции, то шестой можно назвать смотром сил большевиков перед Октябрем. Обстановка, кстати, для РСДРП(б) в этот момент была, несмотря на объявленные Временным правительством демократические свободы, весьма и весьма непростой, партия вновь вынуждена была уйти в подполье.

«Напрасно большевики доказывали, что в их расчеты не входит пока свержение правительства; злобе их классовых врагов не было конца. Все наличные силы были брошены на выступившие массы, и, так как никто не думал ни о приступе к Зимнему дворцу, ни об осаде Таврического, то меньшевики и соц.-революционеры, когда движение масс улеглось, обрушили бесконечные репрессии на солдат, рабочих и прежде всего на партию: «Правда», «Солдатская Правда» (орган военной организации) и много других газет были закрыты, помещение редакции «Правды» разгромлено, целые полки и батальоны расформированы и отправлены на фронт, помещения некоторых районов разбиты, произведены массовые аресты — в особенности на фронте, и, наконец, 7 июля издано постановление об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева, а секретарь военной организации Н. И. Подвойский признан преступником, уклоняющимся от суда и следствия. Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Крыленко, Раскольников, Механошин и много военных работников оказались в тюрьме, и началось дело о восстании третьего июля и о шпионской деятельности Ленина, Зиновьева и других большевиков».

Так рассказывает о предсъездовской обстановке В. И. Невский в своей книге **«История РКП(б). Краткий очерк». Л., 1926.**

Как и остальные труды талантливого ученого-большевика, книга эта не так давно покинула спецхран Библиотеки имени В. И. Ленина и стала теперь общедоступной. Мы уже не раз обращались к работам Невского, и каждый раз, открывая его книги, остается только удивляться той свободе, с какой умел он рассказывать о вещах далеко не простых.

«В конце июля,— пишет он,— собрался шестой съезд партии. На съезде не было ни Ленина, ни Каменева, ни Зиновьева, ни многих других старых партийных работников: одни сидели в тюрьмах, другие скрывались. Ясно поэтому, что шестой съезд не мог достаточно всесторонне осветить положение и дать исчерпывающий ответ на многие жгучие вопросы дня. Реакция, наступившая после июльских дней, отразилась на этих решениях. По вопросу о войне съезд подтвердил апрельские решения партии; по вопросу о выборах в Учредительное Собрание резолюция категорически высказывалась против всяких соглашений с партиями, стоящими не на интернационалистической платформе; по вопросу о профессиональных союзах партия высказала свой взгляд на эти организации, как на боевые классовые организации пролетариата; по вопросу об объединении с другими партиями была принята точка зрения непримиримого отмежевывания большевиков от всяких мелкобуржуазных соглашательских социалистических партий.

Но на главном, основном вопросе порядка дня — вопросе о текущем моменте — отразилась реакция.

Съезд констатировал, что власть в стране находится в руках контрреволюционной буржуазии, что причиной этого факта является бессилие центрального учреждения Советов — ЦИК, выбранного на Всероссийском съезде.

«Советы переживают мучительную агонию,— говорится в резолюции,— разлагаясь вследствие того, что не взяли вовремя всей государственной власти в свои руки.

Лозунг передачи власти Советам был лозунгом мирного перехода власти в руки пролетариата и крестьянства, был лозунгом первого, мирного этапа революции; теперь революция вступила в новый, более бурный этап развития,— и переход власти в руки трудящихся рабочие могут осуществить только под руководством революционной соц.-демократии.

Это, конечно, не означало, что большевики кричали: «долой Советы, они разложились».

Это означало одно: еще более усиленную борьбу в Советах за влияние и завоевание их.

Несмотря на полулегальное существование партии, она теперь уже представляла огромную силу: в апреле партия имела около 80 тысяч человек в 78 организациях, а в августе организаций было 162 и в них около 200 тысяч членов партии».

Своеобразной иллюстрацией к книге В. Невского могут служить чрезвычайно интересные воспоминания Ф. Ф. Раскольникова **«Кронштадт и Питер в 1917 году». М.— Л., 1925.** Сегодня фамилия автора широко известна, и статьям о жизни и деятельности его отводят немало места на страницах всевозможных периодических изданий. Но, пожалуй, основной упор в этих статьях делается на последний период жизни Ф. Раскольникова, когда он, будучи советским послом в Болгарии, не выполнил приказа вернуться в Москву, а эмигрировал в Париж, где опубликовал открытое письмо И. В. Сталину. Книга же, которую мы предлагаем,— свидетельство очевидца и активнейшего участника событий 1917 года, одного из самых авторитетных людей в среде революционных матросов, человека большого личного мужества. Когда Временное правительство открыло судебное преследование против большевиков, объявив о том, что они «германские шпионы», Ф. Раскольников поднял вопрос о том, что он — большевик — должен пойти и сдаться Временному правительству с тем, чтобы на процессе разбить клеветническое обвинение. Он настоял на этом своем предложении и осуществил его. Находясь в тюрьме «Кресты», пересылал на волю письма, разоблачающие фальшивые обвинения против РСДРП(б).

Вот небольшой отрывок из его письма, написанного в тюрьме:

«...Источником, якобы «уличающим» товарища Ленина в служении германскому империализму, является документ, носящий вычурное название: «Донесение начальника контрразведывательного отдела при генеральном штабе о партии Ленина».

Этот с позволения сказать «важный» документ представляет нечто совершенно невообразимое.

На основании агентурных контрразведочных данных здесь приведен список «германских агентов», членов «партии Ленина».

В этом замечательном списке значатся следующие имена: Георгий Зиновьев, Павел Луначарский, Николай Ленин, Виктор Чернов, Марк Натансон и др.

Этот список, приобщенный к делу, прямо шедевр. Контрразведка, пришедшая на помощь г. Александрову, вместе с ним занявшаяся инсценировкой политических процессов, взявшая на себя моральное убийство видных революционеров, настолько не справилась со своей задачей, что даже не сумела точно выяснить имена подлежащих убийственному скомпрометированию политических деятелей.

Известно, что т. Зиновьев никогда не звался Георгием; его настоящее имя Евсей Аронович, а партийное — Григорий, т. Луначарского зовут Анатолием Васильевичем. Правильно названы своими именами Чернов и Натансон. Но они, насколько известно, никогда не состояли в «партии Ленина». И, разумеется, всякому ясно, как день, что никто из перечисленных деятелей никогда не был «германским агентом».

Вот как неподражаемо работает поглощающая так много народных средств «республиканская» контрразведка.

Вот какие безграмотные, насквозь фантастические, сумбурные документы выдвигаются в качестве «несокрушимых» улик».

УРОКИ

ПАРАДЖАНОВА

Фильмы Сергея Иосифовича Параджанова вошли в сокровищницу мирового искусства. Два наиболее значительных из них — кинофантазия по мотивам произведений классика украинской литературы М. Коцюбинского «Тени забытых предков» (1965) и «Цвет граната» (1969), воссоздающий биографию народного поэта Саят-Нова, писавшего на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. В 1984 году выходит «Легенда о Сурамской крепости» (сценарий Нико Гигашвили по повести Даниэла Чонкадзе «Сурамская крепость») — первая картина, снятая С. Параджановым после пятнадцатилетнего перерыва и ставшая за три года лауреатом пяти международных кинофестивалей. В прошлом году на студии «Грузия-фильм» им закончены съемки фильма «Демон» (по поэме М. Ю. Лермонтова).

Однако С. Параджанов не только великолепный режиссер, он еще и самобытный, неповторимый художник. Сегодня мы знакомим читателей с этой малоизвестной стороной его творчества.

Сергею Параджанову сейчас 61 год*. С возрастом он обрел внешность барда и эпического сказителя. Наверное, рассказчиков, подобных Параджанову, теперь не сыскать. Он обладает величайшим даром импровизации. И, конечно, он сам создатель, режиссер, и драматург, и художник, и актер своих устных новелл — он одновременно здесь с тобой и там в рассказе, он слышит кипение чайника на кухне и видит каждую мелочь в твоем костюме, видит, что камень в твоем перстне фальшивый, и знает, что ты ничего не понимаешь в фарфоре, потому что не обращаешь внимания на чашки, в которых подан чай. Рядом с тарелками Веджвуда и ложками Фаберже, рядом с изысканным старинным хрусталем он может поставить блюдца дешевого ширпотреба, которые только в этом окружении вдруг обретают неожиданное очарование. Но потом ты замечаешь, что перед тобой диалог времен, ты замечаешь культурную дистанцию в отношении к предмету и начинаешь понимать разницу между подлинной и фальшивой вещью. Это один из уроков Параджанова...

Многим Параджанов открыл глаза на красоту народного искусства — на вышивку, ковры, хурджины, на искусство гончара и медную посуду. Он восхищается всем этим и ненавидит ширпотребные подделки под искусство.

— Я могу понять только истинно народное искусство. Когда армянская крестьянка вяжет или ткет ковер, то это проявление ее поэтичности, ее генов. А когда тот же орнамент создает машина по стандартной, заданной схеме, то такая работа для меня не существует. То, что сделано в Сардарапате, где собрано истинное народное искусство, меня восхищает: это родник армянского искусства. Надо собирать и собирать, еще многое можно найти, потому что сегодня что может быть страшнее магазинов подарков, из которых увозят подделки наши славянские друзья, наивно полагая, будто это и есть армянское искусство? Это пошлость, эшелоны безвкусицы, выдаваемой за искусство. Как-то в Доме народного творчества я видел удивительную куклу «Ануш», сделанную какой-то женщиной, и посмотрите на кукол из шифона, картона и тюля, которые продаются в сувенирных магазинах, на этих Торосов, Погосов или Кикосов — как они отвратительны! Этим мы лишаем ребенка и молодое поколение связи с истинным родником искусства, с истинным народным творчеством, которое, вероятно, вот так и вырождается. Надо создавать все условия для настоящего народного творчества. Надо в народе искать истину...

* «Сейчас...» — это в 1985 году, когда писалась статья Михаила Вартанова «Снова с Параджановым», фрагменты которой мы здесь приводим. Полностью работа М. Вартанова опубликована в журнале «Литературная Армения» (№ 5, 1988).

Я помню Параджанова в трудные времена, когда, перетирая полотенцем чашки, он напевал песню Высоцкого «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...». В это время вынужденных простоев, невозможности снимать он создал удивительный мир графики, коллажей, кукол и написал более двадцати сценариев и либретто. В прошлом году в тбилисском Доме кино состоялась персональная выставка Параджанова-художника, которая стала настоящим праздником. Работы, представленные на выставке, не хобби режиссера, а выражение тех страстей, которые его волнуют,— рисунок ли это, гравюра или — чаще всего — коллаж, фотография, композиция, реставрационные работы (к примеру, шляпы, посвященные разным эпохам), куклы-символы и куклы, представляющие конкретных людей. И неспроста он считает эту выставку своим самым главным фильмом.

Фото Александра ТАМБУЛИДИСА

ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ

СО ДРЕВНОСТЕЙ ПОКРОВ СНЯЛА ЕГО РУКА

Восемнадцатый век собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутренние сцепления.
Ф. Энгельс

Это было как эпидемия: в России увлеклись историей. Пробужденная реформами Петра I к активной деятельности страна стремилась опереться на свой исторический опыт, найти в прошлом объяснение настоящему. «Историческая наука создавалась не только ее корифеями, но и тысячами различных людей — историками и неисториками, писателями и учеными, лицами гражданского, военного и духовного звания, переводчиками и издателями...» — справедливо писал в своем исследовании по русской историографии XVIII века С. Л. Пештич. В Москве и Петербурге работали над историческими сочинениями, не чужда была занятиям историей императрица Екатерина II. Издавал ежемесячник «Древняя Российская Вивлиофика» Н. И. Новиков. Шел бурный процесс собирания и осмысления документов в государственных архивах и частных коллекциях; в журнале «Российский Магазин» появилось объявление: «Любезные соотчичи! позвольте воззвать вас к открытию многих сокрытых источников, нужных к познанию России, драгоценного отечества нашего: потрудитесь ко благодарности современников и потомства извлечь из тьмы, а может быть, и от гибели сохранить многие бумаги, относящиеся к гистории церковной, гражданской, естественной...»

В доме церемониймейстера двора ее импервторского величества, позже обер-прокурора св. Синода графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина собираются любители отечественной истории, читают, комментируют, переводят на современный язык древние документы, рукописи, готовят их к публикации. Богатейшее собрание рукописей, принадлежащее главе кружкв, известно любителям истории и служит неисчерпаемым источником в их занятиях.

Постоянным участником собраний и исторических опытов этого общества был член и прокурор военной коллегии генерал-майор Иван Никитич Болтин (1735—1792). Все свободное от службы время он посвящает путешествиям и занятиям историей и заслуженно пользуется среди современников авторитетом знающего и высокообразованного историка.

Своими глубокими и разносторонними знаниями Болтин был обязан исключительно самому себе. Он рос и воспитывался, как мы сказали бы сегодня, в неблагополучной семье. Его отец Никита Борисович, представитель древнего боярского рода, служивший прежде стольником при Петре I, умер, когда сыну было три года. Мать Дарья Алексеевна вышла замуж за Ивана Егоровича Кроткова, ведшего беспутную жизнь, предававшегося оргиям и привлекавшего к ним своего пасынка. Рассказывали, что однажды, спасаясь от долгов, его отчим притворился мертвым и выехал из Петербурга в гробу. Но «природные склонности боролись в молодом Болтине с силой развратного примера и победили ее. Урывками от пьяных бесед предавался он, наедине и втихомолку, трезвому пьянству Муз...».

Болтин шестнадцати лет вступил в конногвардейский полк, где его товарищем стал Г. А. Потемкин, что во многом определило дальнейшую судьбу нашего героя. Выйдя в отставку, он служит на васильковской таможне, сопровождает князя Потемкина Таврического в Крым, исправляя по приказаниям его разные поручения, затем в чине генерал-майора звнимает пост прокурора Военной коллегии, которую возглавлял удачливый полковой товарищ.

В кружке ученых — любителей отечественной истории, сложившемся вокруг А. И. Мусина-Пушкина, Болтин принимает участие в издании и комментировании «Правды Русской, или Законов великих князей...», «Книги Большому Чертежу, или Древней кврты Российского Государства». В последний год своей жизни Болтин помогает Мусину-Пушкину в переводе «Словв о полку Игореве» и дает ряд толкований древнеславянских слов и гвографических названий, встречающихся в «Слове». Авторитет исторических знаний Болтина был чрезвычайно велик, и Екатерина II в своих исторических сочинениях обращается к его помощи, советам, архиву. К слову сказать, оставшиеся после Болтина бумаги были приобретены Екатериной II и переданы Мусину-Пушкину. К сожалению, они разделили судьбу знаменитого собрания: сгорели в огне московского пожара 1812 года.

Познания Болтина ушли бы вместе с ним, не воплотились бы в труд, ставленный потомству, если бы не случай.

Во Франции в 1783 году начала выходить «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история древней и новой России». Ее автором был Николай-Гавриил Леклерк (1726—1798). Он дважды побывал в России, где в качестве врача К. Г. Разумовского, а позже цесаревича Павла провел в общей сложности около десяти лет. Человек просвещенный, участвовавший под руководством Дидро в издании Энциклопедии, Леклерк живо интересовался страной, в которую его занесла судьба. Он знакомил соотечественников с творчеством Ломоносова и Хераскова, перевел комедию Екатерины II «О, время». Кроме своих обязанностей врача, он занимал в России и другие должности: был профессором и советником Академии художеств, директором наук сухопутного кадетского корпуса, инспектором Павловской больницы в Москве. В 1765 году его избирают почетным членом Академии наук. Вернувшись на родину, Леклерк приступил к созданию своей «Истории», в которой впервые перед европейским читателем предстала полная картина русской истории с древнейших времен до XVIII века. В предисловии он сообщал, что, кроме собственных наблюдений, в основу работы он положил сведения, сообщенные ему И. Бецким, Г. Тепловым, М. Собакиным, а также подробные конспекты, предоставленные князем М. Щербатовым. Да, читатель получил полную картину жизни древней и новой России с ее бытом, нравами и рвлигией, с деспотизмом ее самодержавия и бесправием крепостных. Русское правительство усмотрело в работе Леклерка клевету. Сначала Екатерина II сама принялась за «Записки касательно русской истории для юношествв», полагвя, что «это выйдет противоядие негодникам, уничижающим Российскую историю, каковы Леклерк и учитель Левек (также автор исторического сочинения.— И. Т.); оба — скоты, и скоты скучные и гнусные». Впрочем, требовались не только эмоции, но и солидные знания, дабы уличить Леклерка в тех ошибках, которые были допущены в его работе, и дать отповедь «клеветнику». На эту роль императрица призвала Болтина. В нем Леклерк обрел самого внимательного читателя. Страница за страницей, строка за строкой его труд подвергается тщательному анализу, критике. Порой две-три фрвзы французского историка вызыввют ответ на нескольких страницах. И в результате родились не заметки оппонентв, а историческое исследование, в котором сочеталась непосредственная реакция неравнодушного читателя с глубочайшими познаниями ученого. Написанные умно, темпераментно, яростно-беспощадно, порой убийственно иронично, «Примечания...» Болтина бичуют «ложь и клевету, с коими Сочинитель злословит вообще Россию, пристрастие, с коим переиначивает он дела наиболее известные». Разошлась книга мгновенно, и автор гордился «всвобщим одобрением».

Изданные в 1789 году «Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка», прввда, в отрывочной форме, также дают полную картину русской истории, осознвнную в своем развитии. Пытаясь оправдать существо-

вание крепостного права, он первым из историков делает попытку объяснить его социально-исторические корни.

Труд Болтина был высоко оценен современниками. Но не всеми. М. Щербатов справедливо часть критики перенес на себя. Он опубликовал «Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории к одному его приятелю на некоторые сокрытые и явные охуления, учиненные его Истории от господина Генерал-Майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России, Г. Леклерка», в котором соглашается с критическими замечаниями в адрес француза, но выставляет ряд аргументов в свою защиту. Это письмо не осталось без ответа. Болтин пишет и издает «Ответ на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории», в заключение которого говорит, что «это суть цветочки, а ягоды я приберег для переду». Вся эта ученая перепалка происходила в 1789 году, а «ягоды» появились, когда ее участников уже не было в живых. В 1793—1794 годах вышли в свет два тома «Критических примечаний на историю князя Щербатова», в которых Болтин уже известным приемом страницу за страницей критикует, исправляет историю Щербатова, указывая на недостаток в источниках, на неправильности их толкования, ибо «редкое бытие или проишествие представлено автором в существенном его виде, или с желаемою точностию и ясностию».

В этой работе оттачивается мастерство писателя и формируется кредо историка.

Николай Михайлович Карамзин в работе над «Историей Государства Российского» целиком следует методике Болтина. Но, как отметил В. Ключевский, «Карамзин своим блестящим трудом закрыл его (Болтина.— И. Т.) от глаз читающей публики». И он же передал будущим историкам его заветы.

Ирина ТРОСНИКОВА

Болтин старается уяснить
целый ход Русской Истории,
как Русской Истории,
не похожей ни на какие другие,
и показать живую связь
между прошедшим и настоящим.
С. М. Соловьев

Успехи, достигнутые предшественниками,
избавили его от необходимости
начинать дело сначала;
их ошибки указывали ему,
чего не следовало повторять;
его личный ум и образование
давали ему средства угадать,
что следовало делать дальше,
в каком направлении продолжать дело.
В. О. Ключевский

Это был ум точный, положительный,
не склонный к фантазии,
ум по преимуществу критический;
для него нет вопроса о необходимости
какого-нибудь другого просвещения,
кроме европейского, и он желает,
чтобы этого просвещения
было как можно больше в России.
А. Н. Пыпин

Иван БОЛТИН

ЕЩЕ ОДНО СЛОВО О ВЕЩЕСТВАХ ИСТОРИЧЕСКИХ

Не должно жаловаться на припасы, что они худы и недостаточны к составлению Российской истории: они суть такого ж рода из каковых зделана история французская, англинская, ишпанская и другие, с тем еще преимуществом, что Российския летописи достаточнее суть всех сказанных. Недостает поныне у нас полной хорошей истории, не по недостатку к тому припасов, но по недостатку искуснаго художника, которой бы умел те припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить. Требуется к сему особливое искусство, дар, остроумие, обильность воображения, тонкость разсуждения и точность определения. Скажу я на случай сей побасенку обносящуюся между нашей черни.

Бедного, но добраго крестьянина жена, часто докучала мужу своему, чтоб достал ей пшеничной муки на пироги. Муж всегда отговаривался, что купить муки не начто, а взаймы, по бедности его, никто ему не верит. Жена неоднократно слыша такие от мужа отговорки, осердясь ему сказала: так украдь, если никто тебе взаймы не дает; только я неотменно хочу чтоб на праздник имела у себя пшеничные пироги на столе. И сего зделать, отвечал муж, не могу, за тем, что украсть грешно, а сверх того и опасно; ибо увидя у меня пшеничные пироги, и ведая, что я пшеницы своей не имею, ни у кого ея не покупал и не заимовал, всяк узнает что ее украл. Вранье, сказала жена, съестное украсть не грех; а что касается до опасности, в том я тебе порука, что не последует никакой, ибо я из пшеничной муки такие испеку пироги, что они видом и вкусом хуже ржаных будут. На что ж, ответствовал муж, напрасно мне трудиться, когда ни пользы ни удовольствия обоим нам не будет.

Г. Леклерк очень похож на сию лакомую крестьянку, относительно к истории его о России; достал себе много хороших припасов из разных мест и разными способами, и в стяжании их труд по нес немалой; а из всего того, многими трудами снисканного и на счет совести похищеннаго, вышло творение весьма подобное, и по виду и по вкусу тем пирогам, кои сказанная крестьянка испечи хотела.

ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ НА ИСТОРИЮ ДРЕВНИЯ И НЫНЕШНИЯ РОССИИ Г. ЛЕКЛЕРКА»

Леклерк. Прежде прихода Рурикова в Россию, последовавшаго в 862 году, Русские не имели других ремесел кроме тех, коими могли исполнять первоначальные их потребности. Земледелие их было без начал и шалаши были домами.

Болтин. Прежде прихода Рурикова были уже у Русских города; жили они в обществе, имели правление, промыслы, торговлю, с соседними народами сообщение, и проч. Новгородцы, следуя древним летописям, многие веки до Рурика управлялися сами собою: под владением их были все поморския страны, Лифляндия, Курляндия, Ижора; города Псков, Белозеро, Каргополь, Двина с их уездами, Зыряня и проч.

Л. Рурик привел с собою великое число Варяг... Они стали быть вскоре первыми учителями Русских. Они подали им первые понятия о мореплавании.

Б. Рурик пришедши в Новгород, по прозбе и приглашению новгородцев, имел с собою некоторое число Вельмож Варяжских, а может быть и малое число войска для охранения своего; великого ж числа войск ввести с собою Рурику было неприлично, предосудительно и не нужно, а для Новгородцев, впустить оное, было бы опасно и глупо.

Варяги не просвещеннее были Русских, они живучи в соседстве с ними, общия и одинакия имели с ними познания...

Касательно мореплавания: Россияне задолго прежде приходу Рурикова, ездя по Балтийскому морю к разным пристаням, торговали. Шведские древности свидетельствуют, что Россияне около Мелера озера воюя, знатные добычи получили, и при Штокзунде не были остановлены связанными железною цепию перекладами; ради чего Биргер Ярл, Правитель Королевства, замок на оном море укрепил, из которого потом сделался Стокголм.

Л. История Российская, в продолжении двух столетий (разумея время владычества Татар над Россиею), представляет области без законов, самодержавие без начальников, Государей без подданных.

Б. Хотя Государство и разделено было на многие уделы, но каждое княжество имело законы, или сообразные законам великаго княжения, или особенные; о чем говорил я довольно в примечаниях моих на древнюю историю.

Начальников, по несчастию, было больше нежель было нужно и потребно, и сих излишество главнейшим было несчастием для России; мало было из них мудрых и великих, но таковых везде и во все времена бывает недостаточно.

Подданных Государи имели больше, нежели уменья ими управлять и человеколюбия их беречь. Сие было причиною тех междоусобий, кои непрестанно, и до впадения Татар и в продолжение владычества их, внутренность России терзали, и больше ей язв причинили, нежель все иноплеменныя войны, впадения и кровопролитные завоевания татарские.

Л. Люди в России привязаны к земле: когда покупают землю, ценят каждаго человека в 40 рублей; а когда покупают человека в рекрута, ценят от 200 до 300 рублей.

Б. Люди в России в сем смысле, не привязаны к земле, ни земля к людям, хотя как те так и другие, суть крепостные; в следствие чего помещик или Владелец имеет власть продать и людей без земли, и землю без людей, или совокупно обоя. Властен также Помещик перевести крестьян на другое место, взять из них к себе во двор, и тогда они остаются уже без земли. Покупая деревню, то есть людей с землею, всякая мужеского полу душа написанная в перепись, считается в равной цене: малолетные, престарелые, больные и увечные, равно

как средовечные (среднего возраста — И. Т.) и здоровые; а в рекрута покупается человек средовечной, указной меры, здоровой, статной, без всякого увечья и безобразия. Сказано уже, что во ста душах считается средовечных треть; из сей трети надобно выключить еще треть, кои в рекруты не годятся; например, один мал ростом, другой сутуловат, третий кривоног, четвертый близорук, у пятого двух передних зубов нет, или редки волосы на голове, и проч.—

Л. Народ Руской не желая продолжати бытие свое и размножать род свой, не женится иначе как по принуждению господина своего. Он отвращается от произведения на свет детей, ведан, что они также будут несчастливы, как и отец их.

Б. Ложь и клевета ужасная! Руские крестьяне детей за богатство считают: по деревням редко найдешь в двадцать лет неженатаго. Каждой отец старается, сколь можно ранее, женить сына своего, для того что прибудет в дом работница, и следственно в работе и в домашнем присмотре будет приспорье. Напротив дочерей гораздо позже выдают замуж, по сказанной же причине, то есть, не желая из дома отпустить работницу; и для того крестьянские браки обыкновенно бывают в противность браков городских, то есть жена старее несколькими годами мужа: обыкновение сие почти во всей России ведется...

Л. Нет нравственности между народом Русским: мужчины, женщины и дети спят смешанно, без всякого устыдения. Оба пола вдаются с молодых лет в распутность, за недостатком работы и упражнении.

Б. Правда, что во крестьянстве мужчины и женщины, женатые и холостые, то есть вся семья или живущие в одном доме, спят в одной избе, понеже не у всякого крестьянина бывает две избы, а особливо в местах степных; однакож отнюдь не сподвал и без разбору, а каждой особливо и в приличном месте. Устыдение между ними больше хранится нежели между живущих по городам: редко весьма случается в деревнях, чтоб девка обрюхатела...

Праздность приписываемая автором нашим крестьянам, доказывает совершенное незнание его того что он писал, и в чем он хотел показать себя сведущим. Напротив, наши крестьяне столько работою заняты, что дня празднаго не имеют. В доказательство чего расскажу я о порядке и о качестве их работ, постепенно продолжаемых чрез весь год, начиная с весны. Как только снег сойдет, принимается крестьянин за земледелие. Надобно ему, по крайней мере, три десятины, а в иных местах, где довольно земли, до четырех и до пяти унавозить, вспахать, посеять; а по созрении хлеба, сжать, свозить с поля и складсть в одонья; накосить на зиму сена, которого требуется немалое количество, в разсуждении здешния долговременные зимы; словом, все полевые работы окончать в пять или в шесть месяцев, кои в теплых странах чрез весь год почти исподволь исправляются. Летними работами до того крестьянин, чрез все лето, занят бывает, что едва ему три или четыре часа в сутках остается на сон и отдохновение; а что

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

такое праздник или воскресенье он и не ведает, кроме самых знаменитых дней, какова есть Пасха, Троицын день и тому подобные...

Л. По разделении земель, имена Дворян переменились и взялися от земель, полученных ими во владение...

Б. Господин Леклерк расказывает о Дворянстве Французском, а я буду расказывать о дворянстве Руском; что он обещал, то я выполню.

В саму древность не имели Россы прозвищ, а назывались токмо именами. данными от родителей их во младенчестве. После, для различия, стали прилагать к именам прозвищи, которые брали или от свойств душевных, или от способностей и качеств телесных, или от природных какихлибо недостатков, или от особенных каких приключений и случаев относительных к особе прозываемого. По времени сделалися прозвании столь общими, что каждой захотел иметь особенное; и многие, за неимением прозвища, превратили в них имена отечественные; стали прозываться или по имени отца, деда, пращура своего, или по имени области, города, государства, в коем кто родился; другие по имени ремесла, промысла, в коем отец его упражнялся, или чиностояния, звания, из коего он вышел.

Князья удельные, и некоторые роды произшедшие от них, прозывалися по именам тех княжеств, коих они были владельцами; Дворяня ж вообще по имени деревень, волостей обладаемых ими, никогда не прозывалися; но напротив деревни от прозвищ владельцов многие наименованы, то есть те, кои сами они вновь завели и построили на землях от Государей им пожалованных. Некоторые из выезжих сохранили прежние свои прозвания, с коими в Россию приехали; другим даны новые, или прежние переделаны по свойству языка; а по тем прозваниям своим и названия деревням своим дали. Многие из таковых сел и деревень, по прозвищам древних своих владельцов названные, перешли после в другие роды, по купле или по приданству; однакож древнего названия своего не теряют, в память первоначальнаго своего владельца и построителя. Нельзя дать тем селам названий новых, понеже в жалованных грамотах, крепостях и переписных книгах известны они под прежними названиями. Нельзя и владельцам принять прозваний по именам деревень обладаемых ими, чтоб не приклепаться к чужому роду и не учиниться самозванцем.

Л. Русские не могли достигнуть до Константинополя иначе как по преодолении трудов внцших и вещественнейших каковы были Геркулесовы и сквозь многие препятствия и несказанные страхи.

Б. Автор представляет то неудобо возможным, трудным, опасным и превосходящих обыкновенные человеческие силы, что в самой вещи отнюдь не есть таковым. От Киева спуститься легкими судами, каковы были у Олега, вмещавшие в себе не более 40 человек, вниз до Черного моря, ни малейшего препятствия не предстоит, разумея в полую воду. В случае ж маловодья или в меженную пору надлежало те лодки перетащить чрез один только порог, называемый Ненасытец, а чрез прочие, во всякое время таковые суда проходить могут и по ныне. В перетаскивании толь легких судов и чрез толь небольшое расстояние великие трудности не предвидятся. Опасности ж от народов по берегам живущих такое многолюдное войско и иметь не могло; тем паче, что не все войско помещено было на судах, но и по берегам, для взаимных помощи и защищения, шло его не мало. В Несторе именно описано, что Олег пошел к Царю граду на конях и на кораблях...

Ответствую: полою водою, которая стоит там не менее двух месяцев, проходят чрез пороги нарочито величины суда с грузом без большой опасности. Не в другое, без сумнения, время флот Олегов и отправлен был, в рассуждении намеренного плавания и времени к совершению оного потребного. К препровождению судов чрез пороги не сила потребна, а искусный лоцман, который умел управлять между каменьев судно быстротою вод стремительно несомое. Когда ж по неосторожности или по неискусству управляющего приразится барка к камню или набежит на оный, тогда ни руки, ни рычаги не сильны будут спасти ее от разбития. Удивляюся странному воображению их. Как можно перетаскивать чрез каменья барки посреди быстрого течения воды в порогах? Какая человеческая сила может противостоять стремлению низливающихся с крутой покатости ярых волн; да и как могут в такой быстроте стоять люди коим ту барку рычагами на камни поднимать должно? Дело недостаточное, чудное и неслыханное.

Л. Неизвестны жены и наложницы Святославовы, кроме монахини греческие, плененные им... которую отдал он потом Ярополку, старшему своему сыну; а от него перешла она ко Владимиру. Наследство странного рода!

Б. Если б и в самой вещи Ярополк понял в жену матчиху свою, не было б в том ни малого удивления, понеже Ярополк был язычник; когда и между христиан подобное в старину выживалося. Французские короли первого поколения по нескольку жен вдруг имели и на ближних сродницах были женаты. Клотер I женился на вдовствующей жене брата своего родного, имел вдруг три жены, из коих две были сестры родные; он же понял за себя жену после сына братня. Шилперик I на двух сестрах родных женат был. Дагоберт I имел три жены вдруг. У Пепина были две жены вдруг же. Карл Великий имел девять жен. В сем и частные люди подражали Государям своим, посягая на матчихах своих и проч. Но оставя древние примеры, представим не очень древний: Дианна де Поатьер была наложницею у Франциска I-го, а после у сына его Генриха II, что известно всему свету. Однако ж Монахиня Греческая женою Святославлею никогда не бывала, а пленена только им и отдана Ярополку. Нестор именно так пишет: «У Ярополка жена Грекиня бе, и бяше была черницею; бе бо привел ю отец его Святослав, и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея». Владимир по убиению брата своего Ярополка, взял жену его Грекиню в наложницы себе. И так по уточнении прибавленного Леклерком из своей головы, странного рода наследство само по себе исчезнет.

ИЗ «КРИТИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ НА ИСТОРИЮ КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА»

Б. Всякую историю вновь зделать, а особливо зделать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человеку, скольбы век его ни был долог, достичь до исполнения намерения таковаго, при всех дарованиях и способностях к тому потребных. Ибо прежде нежели начато будет здание Истории, надлежит потребныя к тому припасы приискать, разобрать, очистить, образовать, а для сего требуется несравненно более трудов и времени нежель на совершение целого здания. Сочинитель предисловия к Несторовой Летописи основательно и благоразумно судит о способах, каковые необходимо долженствуют употреблены быть для сочинения нашея Истории: **первоначальной труд**, по мнению его, долженствует состоять в том, чтоб рассмотреть Летописи, сличить их между собою, исправить погрешности учиненныя переписчиками, и привесть их в тот вид, в каковом оне от сочинителей их были изданы. **Второй труд**, в объяснении исправленных уже Летописей, сиречь в истолковании слов вышедших из употребления, дабы можно было понимать точный смысл ими сказуемаго. **Третий труд**, в собрании известий относительных до Географии; ибо История с Географиею столь тесно связаны, что не зная одной, писать о другой никак не можно. После сих трех трудов из домашняго источника почерпнутых, следует еще не меньше важный, состоящий в собрании известий из чужестранных Историков и Летописцев, не только соседних нам государств, но и самых отдаленных. Обмысливши все сие должно будет согласиться, что приуготовление к Истории не меньше есть важно и трудно, сколь и самое ея сочинение. Сии самые способы употребляли все Историки к достижению цели своего намерения. Достопамятный наш Татищев тем же путем шествие свое начал; не принялся он писать Истории прежде нежели Летописи исправит и объяснит, и для Географии нужные сведения соберет; но занят будучи многими государственными делами, не успел великого сего предприятия окончить. М. Щербатов, устраняясь сего труднаго пути, избрал для себя другой несравненно легчайший, то есть начал писать Историю, не заботясь ни мало о предварительном снабдении себя сказанными способами...

БИБЛИОГРАФИЯ

Болтин И. Н. Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка. Т. 1—2. Спб., 1789.

Болтин И. Н. Критические примечания на историю князя Щербатова. Т. 1—2. Спб., 1793—1794.

Сухомлиноа М. И. История Российской Академии. Вып. 5. Спб., 1880. (Биография И. Н. Болтина).

Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983.

НИКОГДА ИЛИ НАВСЕГДА...

Анатолий ДНЕПРОВ, композитор

У нас на эстраде часто шутят по поводу привилегированного положения в стране иностранцев и унижения в этой связи собственных граждан. Поверьте мне на слово, эти унижения многократно возрастают для тех, кто стал эмигрантом и, стало быть, отчасти иностранцем и вдруг восстановил себя в первоначальном состоянии советского гражданина.

Подобострастие к иностранному продолжает пролитывать нас в равной мере повсюду — что в ресторанах, что на телевидении, что в Министерстве культуры. Вспомните недавние приезды к нам Бориса Рубашкина и Вилли Токарева. Телевидение и музыкальная общественность спешили к ним наперегонки, с пониманием того, что обладатели западногерманского и американского паспортов не будут их долго ждать — нужно поторопиться.

Мне могут сказать: тобой движет зависть! Ей-богу, нет. Но очень часто я кожей чувствую плохо скрытое презрение и злобу. Вот, мол, тип: попал на землю обетованную и зачем-то вернулся, да еще с советским паспортом. Теперь хочет петь, организовывать концерты, словом, морочит нам головы.

Я уехал из Советского Союза в 1979 году, как раз в то время, когда меня основательно «причесывали» в нашей музыкальной прессе. Но это не было главной причиной. В Америке жил мой тесть Павел Леонидов, уехавший на несколько лет раньше. Он много печатался, в частности в эмигрантской газете «Новое русское слово», писал очень резко, и в то время его часто называли одним из идеологов правой, антисоветски настроенной части эмиграции. Он болел, звал к себе дочь. Я думал: нужно бы поехать к нему на год и вернуться. Но тогда об этом не могло быть и речи. Можно было лишь так: никогда или навсегда...

Почему вернулся? У меня нет внешних причин говорить о любви к Родине, потому что у меня не было и внешних причин бежать из Америки: преступления, долгов, семейной драмы... Как и большинство эмигрантов из СССР, осевших в Нью-Йорке русскоязычную колонию на Брайтон-Бич, я устроился вполне приемлемо. Как очень многие, я испытывал чувство ностальгии, но и с этим можно жить. Говорят, что Родина — это мать, что чувство к ней сродни сыновнему. Думаю, что и это лозунг. Каждый знает, что отношения человека с матерью часто складываются очень непросто, иногда мучительно. Достаточно вспомнить об отношении к своим матерям Тургенева или Салтыкова-Щедрина. Обращаюсь к школьным биографиям классиков просто потому, что они знакомы всем.

Тоска по любимым и привычным местам, пейзажу, друзьям — все это ностальгия. Родина — не просто кусок земли, где ты родился, это единственным образом единственное место, где человек может быть самим собой, реализовать себя, быть по-настоящему понятым и услышанным.

Я никого не хочу попытаться уверить, что среди мотивов современной эмиграции нет самых простых, которые недавно называли корыстными. Постоянное давление дефицита, желание иметь свой дом, машину и т.п. подталкивают к отъезду многих. Но главное, на мой взгляд,— нестерпимое для людей инициативных и творческих положение вечного детсадовца или солдата, которым по-отечески или по-командирски повелевают с рождения и до могилы. Невозможность самостоятельно распорядиться своей судьбой, силами, талантом, страшный частокол запретов. Слава богу, это понемногу меняется.

Здесь не «Музыкальный ринг», и я не собираюсь спорить с газетными оценками своего творчества, чаще всего отрицательными. Но вот что может быть интересно для читателя в связи с темой эмиграции.

У нас в обществе сложилась очевидная корпоративность. Выход за ее пределы немедленно наказывается. Когда ругают мои песни, как правило, вспоминают, что в Америке я, как и Вилли Токарев, прежде чем начать зарабатывать пением, был таксистом. Да, был. На обложках книг молодых писателей у нас часто пишут: у него богатый жизненный опыт, он был лесорубом, работал в геологической партии, учительствовал в сельской школе... Для американца это означает примерно, что человек тридцать лет и три года сидел сиднем на одном месте. Там люди, перепробовавшие десятки занятий, прежде чем найти себя и остановиться на своем деле,— не исключение, а правило.

Сотни тысяч американцев в каждый данный момент живут за пределами своей страны. Они просто путешествуют по свету, зарабатывая на жизнь случайной работой, пытаются разбогатеть за границей, иногда, движимые высокими целями, помогают самым бедным странам развивающегося мира, исполняют личные обеты, работая в лепрозориях,— словом, по тысяче причин. Никто не считает их эмигрантами, и само понятие эмиграции в Соединенных Штатах в этом смысле не существует. Люди делают выбор, где и сколько им жить. Потом возвращаются домой. Я уверен, что как только подобная свобода выбора появится у нас, не будет никакой эмиграции, и подавляющее большинство людей, которые тоже по тысяче причин захотят поехать в другие страны, обязательно вернутся.

И в заключение о теме, которую и в эпоху гласности стараются не замечать. Недавно я был на гастролях в Тбилиси, грузины принимали мои песни хорошо, но рецензия в газете «Вечерний Тбилиси» была желчной, и речь в ней меньше всего шла о музыке. Вот небольшая цитата: «Отвечая на вопрос типа «откуда вы родом?», артисту как будто доставляло особое удовольствие в самоуничижительном тоне намекать на свое национальное происхождение. Возник вопрос, почему возможно предположение, что слово «еврей» может послужить поводом для улыбки, а тем более стать детонатором смеха?!»

Автору кажется, что такого предположения возникнуть не может и слово «еврей» не порождает никаких посторонних аллюзий, как, скажем, слово «город». Это просто лицемерие. В повести В. Войновича «Путем взаимной переписки» человек (кстати, русского) называют «малацем». А он спросил: «Что таков маланец?» — «Еврей»,— ответили ему.— «А почему ж маланец?» — «Ну, сказать человеку «еврей» неудобно».

Вот эта ситуация ближе к нашей действительности. Что касается меня, то в Тбилиси, отвечая на вопрос: «Вы еврей?», я ответил, что я китаец. Возможно, шутка была неудачной, но я просто хотел напомнить старый анекдот. А если серьезно, то сам вопрос о национальности абсолютно невозможен в Америке и назойливо часто звучит у нас, указывая на неблагополучие. И это тоже одна из причин эмиграции. Когда он будет невозможен у нас (я имею в виду — с тем богатым подтекстом и содержанием, какие он несет сегодня), эмиграция опять-таки потеряет один из мотивов.

Словом, давайте избавляться от зависти, шовинизма. Давайте становиться богаче, культурнее и свободнее. Тогда у нас будут темы поинтереснее, чем эмигранты и эмиграция.

И в наш космический век об Океании известно меньше, чем о других районах планеты. Трудно и вспомнить, когда встречалась корреспонденция советского журналиста из тех краев. Слишком далека Океания с ее тысячами островов и атоллов от обжитых человечеством перекрестков, да и не «делает новостей», которые оно предпочитает поглощать за завтраком.

Олег СКАЛКИН

Фото автора

Даже главные страны Океании месяцами не попадают на страницы газет. А большинство там составляют страны некрупные, иногда такие «малышки», что с их появлением на карте мира в самостоятельном качестве словарь международного общения обогатился неологизмом «мини-государство». Тувалу, например, занимает девять коралловых островков, которые возвышаются над индиговыми волнами на чуть большую высоту, чем рост кокосовых пальм. Даже самый большой — Фунафути — едва способен принимать самые маленькие из пассажирских самолетов в мире. Общая площадь Тувалу не превышает 26 квадратных километров, живет там около восьми тысяч человек. На бесплодном островке для людей это борьба за существование. А что мы знаем о Тувалу?

Или о его ближайшем соседе Науру — государстве на острове размером в 21,5 квадратного километра. Это, пожалуй, единственная в мире страна, правительство которой сейчас ищет подходящее место, куда бы можно было переселить молодую республику с восьмью тысячами ее жителей. Родной остров скоро перестанет быть местом, пригодным для

Один из островов Французской Полинезии Бора-Бора.

ОСТРОВА, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ВРЕМЯ

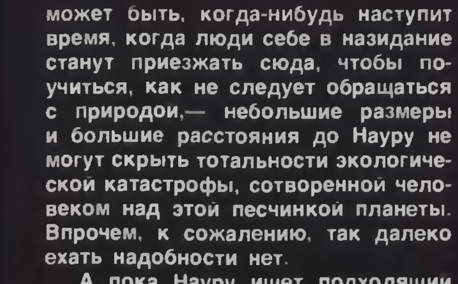

человеческого обитания. Вернее, от него почти ничего не останется. Весь Науру состоит из гуано, покоящегося на коралловом основании. С конца прошлого века иностранные компании добывают фосфориты, снабжая австралийских и новозеландских фермеров этим непревзойденным из удобрений. К тому времени, когда остров стал независимым, от него мало что осталось в самом буквальном смысле слова.

Чтобы добраться до фосфоритов, сдирался плодоносный слой земли. На месте разработок оставались уродливые известковые каверны, благодаря которым ландшафт Науру сравнивают с лунным пейзажем. И,

Улица в Нумеа — административном центре Новой Каледонии.

может быть, когда-нибудь наступит время, когда люди себе в назидание станут приезжать сюда, чтобы поучиться, как не следует обращаться с природой,— небольшие размеры и большие расстояния до Науру не могут скрыть тотальности экологической катастрофы, сотворенной человеком над этой песчинкой планеты. Впрочем, к сожалению, так далеко ехать надобности нет.

А пока Науру ищет подходящий островок. Объявления на этот счет я сам читал в австралийских газетах.

Так выглядят традиционные деньги из ракушек, которые до сих пор имеют хождение на Соломоновых островах.

Вулкан Ясур на острове Танна в Республике Вануату.

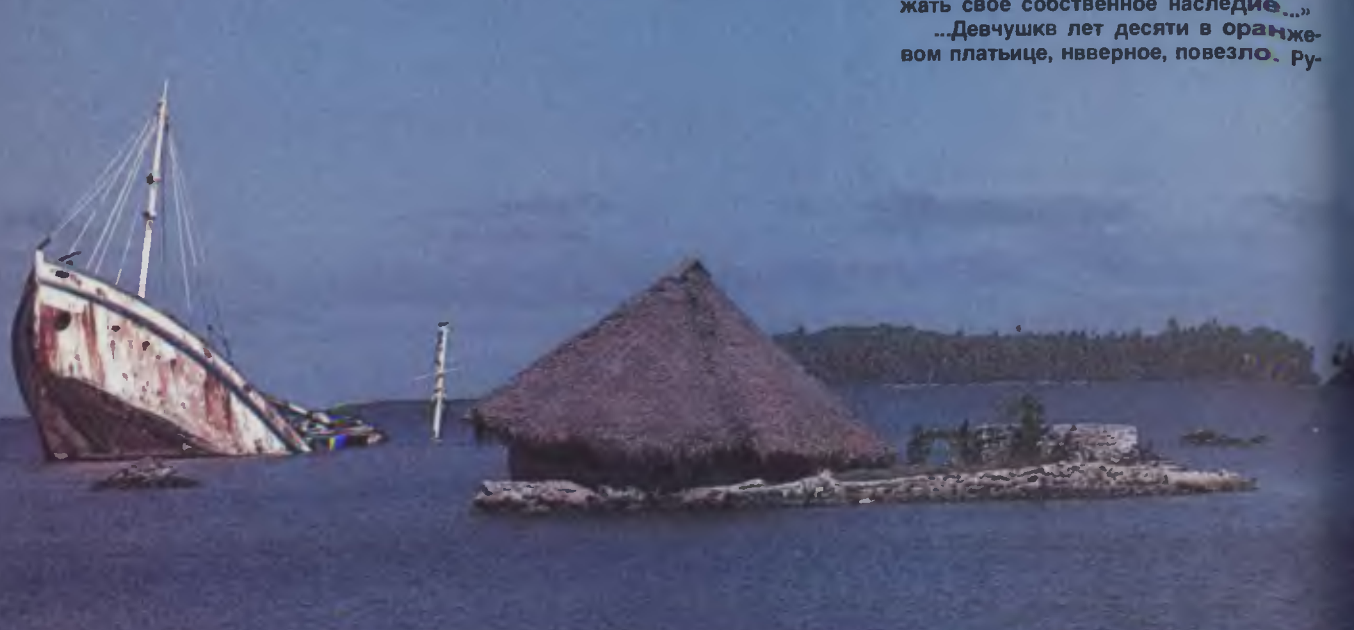
Этот сельский пейзаж снят в километре от Таравы, главного города государства Кирибата.

Церемония приношения даров почетным гостям в Суве, столице государства Фиджи.

Представляя читателям журнала небольшой фоторассказ об Океании, нет возможности увлекаться подробностями. Но вспомнить следует об огромном вкладе наших знаменитых соотечественников в ее открытие и освоение. Во имя науки, во славу земли русской первопроходческие путешествия по Тихому океану совершили И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, О. Е. Коцебу, В. М. Головнин, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев и другие. Об этих плаваниях напоминают названия многих островов и других мест на Тихом океане. И если верить справочнику «Саут пасифик хэндбук», государ-

После тайфуна.

ство острова Кука обязано своим названием русскому капитану Крузенштерну.

Важные сведения по антропологии и этнографии населения Новой Гвинеи и других островов Океании были получены русским ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем, который трижды приезжал на остров, провел на нем в общей сложности два с половиной года. Его гуманную миссию на диком берегу северо-востока Новой Гвинеи, входящем теперь в независимое государство Папуа — Новая Гвинея, помнят по сей день. Выходят марки с изображением русского, которого папуасы называли «человеком с Луны». В Сиднее создано историческое общество Миклухи-Маклая. Сто с лишним лет назад, в эпоху покорения «угрюмых племен» Тихого океана завоевателями из Европы и Америки, он не уставал доказывать, что папуасы и другие народы Океании отстали в своем развитии в результате исторических причин, но по своим способностям стоят не ниже европейцев...

Сейчас эта истина уже не требует доказательств. Но какая-то наследственная односторонность сквозит в сообщениях, поступающих из Гвинеи на международный рынок информации. Нередко они перекликаются с рекламой иных туристических агентств, которые приглашают клиентуру в Папуа — Новую Гвинею, чтобы вернуться в каменный век. В одной из последних телеграмм из Порта-Морсби, дошедших до Европы, говорилось о сотнях вооруженных луками и стрелами соплеменников, ворвавшихся на улицы столицы с жаждой отомстить за смерть товарища от руки человека из другого племени. Пусть сообщение агентства Рейтер против факта не грешит: межплеменные стычки являются закоренелой проблемой развивающейся страны. Но ведь распря, о которой сообщил корреспондент, закончилась не пиршеством каннибалов, а депутацией в Национальный парламент.

От полюса до полюса проходит по Тихому океану международная граница времени. Большинство из стран Океании сгруппировалось поблизости от этой магической линии между вчера и сегодня. Газета «Фиджи таймс» в этой связи афиширует, что ежедневно печатается первой в мире. «Тонга кроникл» в эпиграфе сообщает о факте географического положения королевства: «Место, где начинается время». А любая из газет Западного Самоа могла бы претендовать на то, что первой в мире печатает последние новости суток. Если судить не географически, а исторически, то все молодые государства южной части Тихого океана переживают пору утверждения и развития, они дождались, добились, что их время пришло.

Запали в память слова популярной деятельницы королевства Тонга Папилоа Фолиаке, говорившей мне о важности развивать в народе чувство национального достоинства и патриотизма, любви к своей стране, к ее древней и неповторимой культуре. «Мы хотим показать,— говорила она,— что предки оставили нам содержательную культуру. Мы сегодня многое берем от Запада. Но это не должно служить причиной не уважать свое собственное наследие...»

...Девчушке лет десяти в оранжевом платьице, наверное, повезло. Ручей, впадающий в залив чуть ли не в центре города Апия, принес три кокосовых ореха — огромных, красивых, сверкающих. Девочка деловито причалила их один за другим к берегу. Села на черных глыбах вулканического камня, стала чистить. Мозжила неподатливую волокнистую кожуру плода. Помогая себе зубками, сдирала тугие плети, пока не очистила орех до скорлупы. Потом обмыла голые шары и понесла добычу к домику у воды неподалеку. Не роскошь кокос на Западном Самоа, да и не блажь — пища.

Песня, танец, неповторимые наряды из цветов и листьев — непременные атрибуты празднеств у всех народов Океании.

С ДУМОЙ О РОССИИ

Владимир ПЕЧЕРИН *

«Почтеннейший Печерин... и этот грех лежит на Николае!» Вот что сказал Герцен, услышавши в первый раз обо мне в Лондоне. Я стараюсь теперь размотать запутанные нити разнообразных причин, побудивших меня принять католичество или лучше сказать искать убежища от бури под кровом католического монастыря.

Одною из этих причин был непомерный страх России или скорее страх от Николая. Важнейшие поступки моей жизни были внушены естественным инстинктом самосохранения. Я бежал из России, как бегут из зачумленного города. Тут нечего рассуждать — чума никого не щадит — особенно людей слабого сложения. А я предчувствовал, предвидел, я был уверен, что если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером я бы непременно сделался подлейшим верноподданным чиновником или попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал не оглядываясь, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство.

Может быть, мне возразят, что все ж таки впоследствии я сам добровольно принял на себя новые вериги (слова Герцена): тут нет никакого противоречия. Вериги, добровольно на себя взятые, могут также добровольно быть и сложены. Человек в полноте своей свободы может промотаться, спиться с кругу, но после с энергией той же свободной воли может протрезвиться и снова начать разумную жизнь. Это не то, что быть запертым в клетке и бесплодно биться о ее железные решетки.

...Среди мирной жизни, украшенной счастливым сочетанием религии, поэзии и любви, однажды в июне 1846 года на нашем крыльце, обвитом розами и козьим листом, послышался стук у двери. Какой-то слуга говорит: «Русский консул приехал из Лондона и желает видеть г. Печерина: угодно ли вам его принять?» Это просто меня ошеломило, я не в шутку перепугался и не без причины.

Несколько дней перед тем я получил письмо от Гагарина **, где он уведомлял меня, что русский консул в Марселе грозился при первом благоприятном случае схватить его и, посадивши на военный корабль, отправить в Россию. Гагарин умолял меня быть крайне осторожным, и если какой-нибудь русский корабль зайдет в нашу гавань, то вовсе не ходить туда, хотя бы из естественного желания повидаться с соотчичами.

Я побежал наверх к настоятелю, а он, разумеется, сказал, что должно принять консула. Через полчаса он явился. Мы с настоятелем сошли вниз, в приемную.

Г. Кремер, генеральный русский консул в Лондоне, раскланялся со всеми ухватками чиновника иностранной коллегии и с недоумением смотрел на нас, не зная, кто из нас двух Печерин. Я вывел его из сомнения, и он тотчас же изъявил желание остаться со мною наедине. Настоятель вышел. «Ну так мы станем теперь говорить по-русски»,— сказал он. «Нет, нет,— отвечал я,— я совсем позабыл говорить по-русски.» «Ну так очень хорошо,— отвечал он, пожимая плечами,— и так, я вам скажу по-французски, что у меня есть поручение к вам от правительства, мне поручено сделать вам запрос о ваших намерениях: намерены ли вы возвратиться в Россию?» Я отвечал с ужаснейшим азартом: «Сударь! Как можете вы предлагать мне этот вопрос, видя одежду, которую я ношу». Тут он сказал, что все собранные им у здешнего консула сведения обо мне очень для меня лестны, и наконец видя, что со мною нечего делать, он опять учтиво раскланялся.

Через несколько времени после этого тот же вестник стучится у двери и зовет меня к русскому консулу в Фальмуте ***, почтенному квакеру Альфреду Фоксу. «Приятель,— сказал мне Фокс,— я имею сообщить тебе очень неприятное известие: я получил вот эту бумагу из русского посольства, тебе должно ее прочесть и расписаться в получении оной». Я пробежал глазами. Это было официальное заявление об исключении меня из русского подданства за принятие католической веры.

Когда подумаешь, что в это самое время делалось в России — как наш царь Саул бесновался паче прежнего и не нашлось ни одного Давида, чтобы подыграть ему на гуслях и усмирить его бесом волнуемый дух — когда подумаешь об этом, то невольно поблагодаришь провидение за то, что оно укрыло меня от этих бурь в мирном убежище Фальмута.

Но мне самому становится смешно, когда припомню, что я делал в мае 1848-го, когда вся Европа всколыхалась после Февральской революции, а у нас в Москве славянофилы и западники проводили дни и ночи в бесплодных прениях — что же я тогда делал?

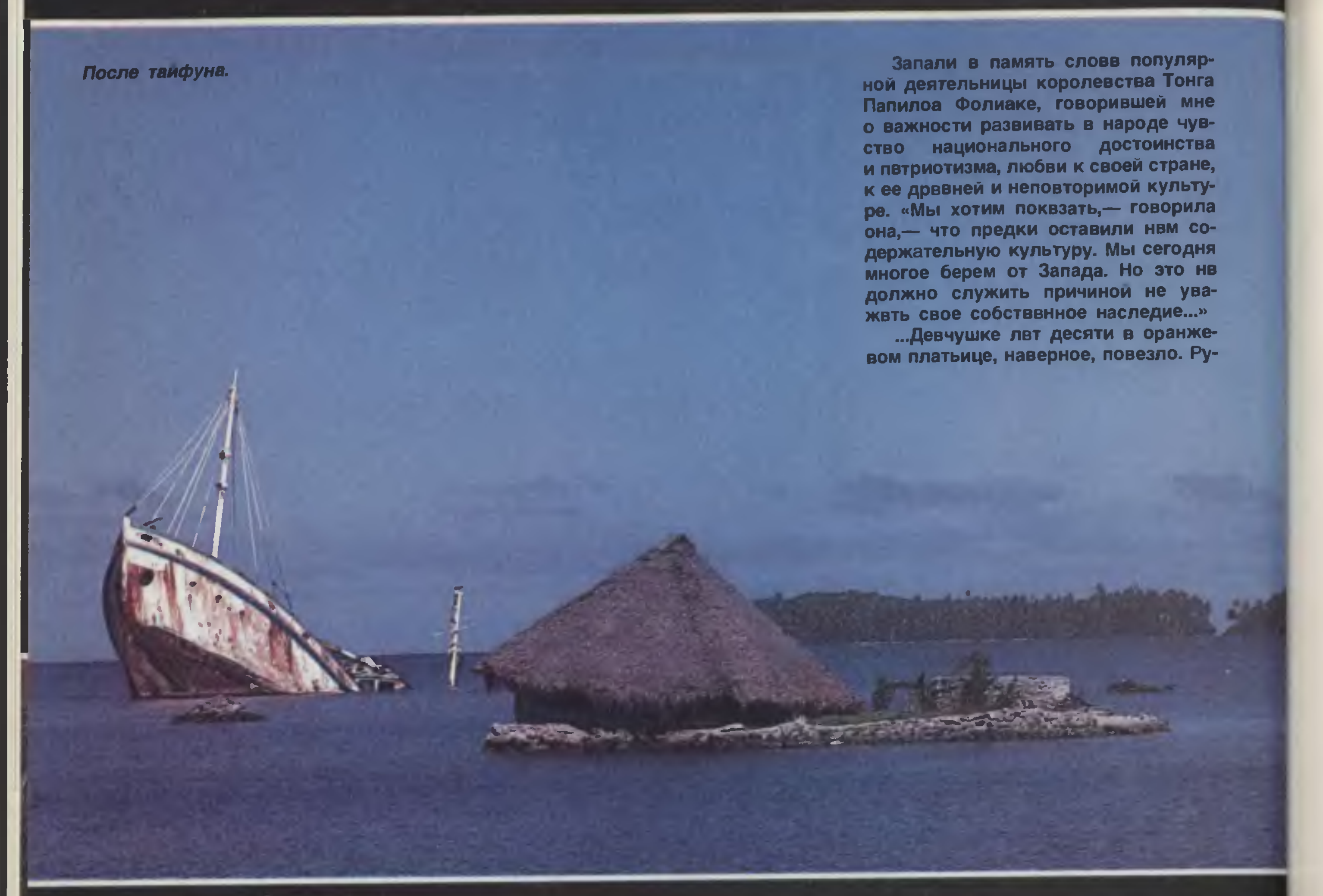
Я спокойно лежал на зеленой мураве на берегу моря, а вокруг меня паслось стадо овец — я был точь-в-точь Дон-Кихот, превратившийся в аркадского пастушка.

Пока жил Николай, мне никогда и в голову не приходило думать о России. Да о чем же было тут думать? Нельзя же думать без предмета. На нет и суда нет. Какой-то солдат привез мне из Крыма два листка петербургских газет. Кроме высочайших приказов по службе, тут было приторное — булгаринским слогом — описание какого-то публичного бала. Вот все, что можно было знать о России! Но лишь только воцарился Александр II, то вдруг от этой немой русской могилы повеял утренний ветерок светлого воскресенья. Что ищете живого с мертвыми? Русский народ воскрес! Да! Он воистину воскресе! Итак, обнимем же и облобызаем друг друга, да и поздороваемся красным яичком!

* Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — один из первых русских политических эмигрантов XIX века. Бежал из России в 1836 г. Был близок к А. Герцену и Н. Огареву, позже отошел от общественной деятельности, принял католичество, жил в монастыре. Предлагаемый читателям отрывок взят из его воспоминаний, опубликованных под названием «Замогильные записки».

** Гагарин Иван Сергеевич, князь (1814—1882), перешел в католицизм, жил в изгнании.

*** Фальмут — небольшой порт на южном побережье Англии, где находился монастырь, в котором жил Печерин.

После тайфуна.

Запали в память слова популярной деятельницы королевства Тонга Папилоа Фолиаке, говорившей мне о важности развивать в народе чувство национального достоинства и патриотизма, любви к своей стране, к ее древней и неповторимой культуре. «Мы хотим показать,— говорила она,— что предки оставили нам содержательную культуру. Мы сегодня многое берем от Запада. Но это не должно служить причиной не уважать свое собственное наследие...»

...Девчушке лет десяти в оранжевом платьице, наверное, повезло. Ру-

ство острова Кука обязано своим названием русскому капитану Крузенштерну.

Важные сведения по антропологии и этнографии населения Новой Гвинеи и других островов Океании были получены русским ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем, который трижды приезжал на остров, провел на нем в общей сложности два с половиной года. Его гуманную миссию на диком берегу северо-востока Новой Гвинеи, входящем теперь в независимое государство Папуа — Новая Гвинея, помнят по сей день. Выходят марки с изображением русского, которого папуасы называли «человеком с Луны». В Сиднее создано историческое общество Миклухи-Маклая. Сто с лишним лет назад, в эпоху покорения «угрюмых племен» Тихого океана завоевателями из Европы и Америки, он не уставал доказывать, что папуасы и другие народы Океании отстали в своем развитии в результате исторических причин, но по своим способностям стоят не ниже европейцев...

Сейчас эта истина уже не требует доказательств. Но какая-то наследственная односторонность сквозит в сообщениях, поступающих из Гвинеи на международный рынок информации. Нередко они перекликаются с рекламой иных туристических агентств, которые приглашают клиентуру в Папуа — Новую Гвинею, чтобы вернуться в каменный век. В одной из последних телеграмм из Порта-Морсби, дошедших до Европы, говорилось о сотнях вооруженных луками и стрелами соплеменников, ворвавшихся на улицы столицы с жаждой отомстить за смерть товарища от руки человека из другого племени. Пусть сообщение агентства Рейтер против факта не грешит: межплеменные стычки являются закоренелой проблемой развивающейся страны. Но ведь распря, о которой сообщил корреспондент, закончилась не пиршеством каннибалов, а депутацией в Национальный парламент.

От полюса до полюса проходит по Тихому океану международная граница времени. Большинство из стран Океании сгруппировалось поблизости от этой магической линии между вчера и сегодня. Газета «Фиджи таймс» в этой связи афиширует, что ежедневно печатается первой в мире. «Тонга кроникл» в эпиграфе сообщает о факте географического положения королевства: «Место, где начинается время». А любая из газет Западного Самоа могла бы претендовать на то, что первой в мире печатает последние новости суток. Если судить не географически, а исторически, то все молодые государства южной части Тихого океана переживают пору утверждения и развития, они дождались, добились, что их время пришло.

чей, впадающий в залив чуть ли не в центре города Апия, принес три кокосовых ореха — огромных, красивых, сверкающих. Девочка деловито причалила их один за другим к берегу. Села на черных глыбах вулканического камня, стала чистить. Мозжила неподатливую волокнистую кожуру плода. Помогая себе зубками, сдирала тугие плети, пока не очистила орех до скорлупы. Потом обмыла голые шары и понесла добычу к домику у воды неподалеку. Не роскошь кокос на Западном Самоа, да и не блажь — пища.

Песня, танец, неповторимые наряды из цветов и листьев — непременные атрибуты празднеств у всех народов Океании.

С ДУМОЙ О РОССИИ

Владимир ПЕЧЕРИН *

«Почтеннейший Печерин... и этот грех лежит на Николае!» Вот что сказал Герцен, услышавши в первый раз обо мне в Лондоне. Я стараюсь теперь размотать запутанные нити разнообразных причин, побудивших меня принять католичество или лучше сказать искать убежищ от бури под кровом католического монастыря.

Одною из этих причин был непомерный страх России или скорее страх от Николая. Важнейшие поступки моей жизни были внушены естественным инстинктом самосохранения. Я бежал из России, как бегут из зачумленного города. Тут нечего рассуждать — чума никого не щадит — особенно людей слабого сложения. А я предчувствовал, предвидел, я был уверен, что если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером я бы непременно сделался подлейшим верноподданным чиновником или попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал не оглядываясь, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство.

Может быть, мне возразят, что все ж таки впоследствии я сам добровольно принял на себя **новые вериги** (слова Герцена): тут нет никакого противоречия. Вериги, добровольно на себя взятые, могут также добровольно быть и сложены. Человек в полноте своей свободы может промотаться, спиться с кругу, но после с энергиею той же свободной воли может протрезвиться и снова начать разумную жизнь. Это не то, что быть запертым в клетке и бесплодно биться о ее железные решетки.

...Среди мирной жизни, украшенной счастливым сочетанием религии, поэзии и любви, однажды в июне 1846 года на нашем крыльце, обвитом розами и козьим листом, послышался стук у двери. Какой-то слуга говорит: «Русский консул приехал из Лондона и желает видеть г. Печерина: угодно ли вам его принять?» Это просто меня ошеломило, я не в шутку перепугался и не без причины.

Несколько дней перед тем я получил письмо от Гагарина **, где он уведомлял меня, что русский консул в Марселе грозился при первом благоприятном случае схватить его и, посадивши на военный корабль, отправить в Россию. Гагарин умолял меня быть крайне осторожным, и если какой-нибудь русский корабль зайдет в нашу гавань, то вовсе не ходить туда, хотя бы из естественного желания повидаться с соотчичами.

Я побежал наверх к настоятелю, а он, разумеется, сказал, что должно принять консула. Через полчаса он явился. Мы с настоятелем сошли вниз, в приемную.

Г. Кремер, генеральный русский консул в Лондоне, раскланялся со всеми ухватками чиновника иностранной коллегии и с недоумением смотрел на нас, не зная, кто из нас двух Печерин. Я вызвал его из сомнения, и он тотчас же изъявил желание остаться со мною наедине. Настоятель вышел. «Ну так мы станем теперь говорить по-русски»,— сказал он. «Нет, нет,— отвечал я,— я совсем позабыл говорить по-русски.» «Ну так очень хорошо,— отвечал он, пожимая плечами,— и так, я вам скажу по-французски, что у меня есть поручение к вам от правительства, мне поручено сделать вам запрос о ваших намерениях: намерены ли вы возвратиться в Россию?» Я отвечал с ужаснейшим азартом: «Сударь! Как можете вы предлагать мне этот вопрос, видя одежду, которую я ношу». Тут он сказал, что все собранные им у здешнего консула сведения обо мне очень для меня лестны, и наконец видя, что со мною нечего делать, он опять учтиво раскланялся.

Через несколько времени после этого тот же вестник стучится у двери и зовет меня к русскому консулу в Фальмут ***, почтенному квакеру Альфреду Фоксу. «Приятель,— сказал мне Фокс,— я имею сообщить тебе очень неприятное известие: я получил вот эту бумагу из русского посольства, тебе должно ее прочесть и расписаться в получении оной». Я пробежал глазами. Это было официальное заявление об исключении меня из русского подданства за принятие католической веры.

Когда подумаешь, что в это самое время делалось в России — как наш царь Саул беснoвался пуще прежнего и не нашлось ни одного Давида, чтобы подыграть ему на гуслях и усмирить его бесом волнуемый дух — когда подумаешь об этом, то невольно поблагодаришь провидение за то, что оно укрыло меня от этих бурь в мирном убежище Фальмута.

Но мне самому становится смешно, когда припомню, что я делал в мае 1848-го, когда вся Европа всколыхалась после Февральской революции, а у нас в Москве славянофилы и западники проводили дни и ночи в бесплодных прениях — что же я тогда делал?

Я спокойно лежал на зеленой мураве на берегу моря, а вокруг меня паслось стадо овец — я был точь-в-точь Дон-Кихот, превратившийся в аркадского пастушка.

Пока жил Николай, мне никогда и в голову не приходило думать о России. Да о чем же было тут думать? Нельзя же думать без предмета. На нет и суда нет. Какой-то солдат привез мне из Крыма два листка петербургских газет. Кроме высочайших приказов по службе, тут было приторное — булгаринским слогом — описание какого-то публичного бала. Вот все, что можно было знать о России! Но лишь только воцарился Александр II, то вдруг от этой немой русской могилы повеял утренний ветерок светлого воскресенья. Что ищете живого с мертвыми? Русский народ воскрес! Да! Он воистину воскресе! Итак, обнимем же и облобызаем друг друга, да и поздороваемся красным яичком!

* Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — один из первых русских политических эмигрантов XIX века. Бежал из России в 1836 г. Был близок к А. Герцену и Н. Огареву, позже отошел от общественной деятельности, принял католичество, жил в монастыре. Предлагаемый читателям отрывок взят из его воспоминаний, опубликованных под названием «Замогильные записки».

** Гагарин Иван Сергеевич, князь (1814—1882), перешел в католицизм, жил в изгнании.

*** Фальмут — небольшой порт на южном побережье Англии, где находился монастырь, в котором жил Печерин.

Музыкальная красота, «напояющая душу», обращенная ко всему доброму и разумному в человеке, вновь возвращается к нам, вновь звучат «забытые» произведения Рахманинова, Кастальского, Чеснокова, Гречанинова и других композиторов...

Наталья СЕРЕГИНА,
кандидат
искусствоведения

ПЕВЦЫ И ПРОРОКИ

Долгое время этот пласт искусства был изъят из культурного обихода нашей эпохи. И образовавшийся дефицит красоты, падение эстетических критериев, снижение нравственного идеала в музыке привели к уродливым явлениям в духовной жизни. Сейчас, похоже, историческая справедливость восстанавливается. И хочется верить, что скоро, очень скоро наступит счастливая пора, когда извлекут из архивов несчетные тысячи певческих рукописей, таящих прекрасные произведения хоровой музыки XI—XVIII веков. Отнюдь не только церковной.

До нас дошли сборнички лирических песнопений, предназначенных для «домашнего употребления» — за какой-нибудь долгой и однообразной ручной работой. Назывались они — стихи покаянные, или покаялны. Одна часть репертуара покаянных стихов складывалась из образцов древнего литургического действа, другая возникла в XV—XVII веках на народной почве. Покаялны обращены к душе человека, они — целая философия. Это философия личности, осознавшей свою ответственность перед жизнью, природой и мирозданием.

Главная мысль покаянных стихов в том, что только добрые дела, правда и любовь составляют смысл человеческой жизни:

Ничто не избавит нас
от огня негасимого —
ни отец, ни мать,
ни сродницы, ни любимые друзи,
ни богатство, ни сребро,
но только добрые дела
и праеда без зависти,
и любовь меж собою духовная.

Человек внутренний открывается в покаянных стихах — его одиночество и неприкаянность, боль души и тяга к сочувствию, к пониманию:

Кому собеседую,
кому открою внутренних моих
и вещанием покажу от дел моих
сердце мое измождалое?
Кто обымет и обяжет врачующе
лютость грехов моих?

Человек, могущвством своим уподоблявшийся богу и поэтому ответственный за все на земле, виден в покаянных стихах:

Человече, все воспринял ты от бога —
разум и смысл, ум и хитрость,
и вся тебе покорена суть
и на земле, и на водах, и по воздуху
на пищу вдана суть...
О, человече,
аще небеса и облацы достигнеши,
аще и земные преидеши концы и вся места,
аще и еленьские борзости притечеши,
а смертного часа никако не избежиши.

А как современно звучат слова о беззащитности природы перед лицом людей, об искажении прекрасного лика земли:

О, пустыня красная,
ты убо всем зверем яко тверда оградина
и мати ласкова
и всему роду птическому тихое виталище
и вогнездие твердое.
О, земле праведная!
Ты убо ничто же лукава сотвори пред богом.
Я же безумием своим исказил чистоту лица твоего.
От меня же, пустыня,
цаетцы твои червленые и багряновидные,
как от мороза ссохшася
и пежат долу поникше на земле праведней.

Мелодика покаянных песнопений, вышедших из литургической жанровой системы, при «обмирщении» меняла свой лик, впитывая интонации и формы народной песни. Напевы покаянных стихов просты и безыскусны, но как в силуэтах куполов древнерусских храмов просматриваются очертания воинских шлемов, так и в них слышатся энергия, мужественность и эпическая сила.

Философия («любомудрие») означала в Древней Руси мудрость, размышление, поиск знания, владение секретами сложения слов, красноречие. Философ был наставником в делах совести. Философами назывались и песнотворцы — «премудрые мужи», слагающие песнопения «велием любомудрием». Творческая энергия человека признавалась «богодухновенной», а сам ее носитель почитался как некий «орган», на котором играют божественные силы Вселенной, его голос был голос самой истины.

«Премудрость, которая поется»,— вот квинтэссенция певческого искусства, «запечатленная древним летописцем еще в 955 году: «Премудрость на исходищих поется, на путях же дерзновение водит, на краих же забральных проповедает, во вратех же градных дерзающе глаголет».

То, почему премудрость поется, ясно из всего вышесказанного. Но вот почему поется на исходищих, на путях, на краих забральных, во вратех градных?

Раскрывая значение этого положения, мы оказываемся в главном соединительном моменте двух культур — христианской и дохристианской. Для древних вера в чудодейственную силу песнопений, обращенных к небу, объясняла многие события военной и государственной жизни. Уже в одно из самых ранних летописных известий под 866 годом входит рассказ об осаде славянами Царьграда, закончившейся для них неудачей: разыгралась буря, и русские корабли отошли.

Причину этого летописец объясняет заступничеством за осажденных высшей силы: «Всю нощь молитву створиша... богородицы ризу с песнями изнесъше. И... буря въста с ветром, ...безбожных Руси корабли смяте». Но само заступничество было вызвано тем, что византийцы совершили певческий обряд, т. е. с песнопением обошли вкруг городских стен (вспомним мудрость, поющую «на краих забральных»).

А в 1111 году сами русские во главе с Владимиром одержали ряд крупных побед над печенегами. И летописец не забывает отметить, что пересилить их стало возможным благодаря песнопениям и молитвам: «И поидоша, возложивше надежю на бога и на пречистую матерь его, и на святыя ангелы его. И князь Владимир пристави попы своя, едучи пред полком, пети тропари и кондаки креста честного и канун святой богородицы».

Думается, что соединение в начальной летописи темы песнопений с динамикой военно-политических событий не случайно.

Однако было бы неверным утверждать, что такое отношение к песнотворчеству пришло на Русь вместе с христианством. В литературных памятниках встречаются указания на языческий обычай гадания перед битвой о ее исходе, который осуществляли специальные ворожеи («кобники»), обладающие не только даром предсказания, но и способные повлиять на исход битвы. Так, в войске князя Даниила Галицкого был Скомонд, «волхв и кобник нарочит», чем, как видно из Ипатьевской летописи, объяснялись многочисленные завоевания князя.

Та же Ипатьевская летопись сообщает о словутном певце Митусе из Перемышля, взятом в плен и приведенном к Даниилу Галицкому. Певец, однако, «не восхотеста служити князю». Тут речь идет не об увеселении князя, а о нежелании певца (прорицателя, пророка) призывать тайные силы природы для обеспечения победы князя-завоевателя.

Сам Димитрий Донской перед Куликовской битвой прислушивается к голосам птиц и зверей и, объясняя их значение, предсказывает одоление русскому войску. А воевода Дмитрий Боброк говорит, что знает еще одно гадание: по земле, которым он много прежних боев испытал,— и прикладывается ухом к земле.

Вспомним также, как перед Куликовской битвой Сергий Радонежский совершил литургию и предсказал князю Димитрию победу, напутствуя его: «Иди... и здрав... возвратишися. Токмо не малодушьствуй».

Пушкинский кудесник слушал Перуна. А кого слушал вещий Боян? В «Слове о полку Игореве» он назван внуком языческого бога Велеса («велесов внуче»), который считался покровителем искусств. В «Повести временных лет» Велес назван «скотьим богом». Известно, что ему приносили до трети военной добычи. Все это говорит о том, что Велес был покровителем не просто искусств и их служителей, а предсказателей-песнотворцев, которые гадали об исходе битвы по знакам и звукам природы, по звучанию музыкального инструмента. Этот образ предсказателя, возникший в глубокой древности, простирается до пушкинских строк о поэте-пророке, использующем все образы языческого вещания и одновременно слышащем «глас божий».

Но с приобщением славян к христианству языческие хитрости-мудрости переосмысливались. Ибо в христианстве только единому господу богу отводилось владение истинной мудростью, и, естественно, теперь он один стал вещать устами пророков. А поскольку бог мудр и всеблаг, то и сотворенный им мир разумен, добр и прекрасен. Человеку же остается лишь восхищаться его красотой и славить, хвалить, воспевать Творца.

Певческая похвала Творцу неба и земли действительно пронизывает сочинения славянских и древнерусских авторов X—XII веков. При всей своей каноничности, обязательности благословия для христианской этики ее наличие отражает реальную картину распространения и бытования певческого искусства в Древней Руси.

До нас дошли сведения о «дворе деместиков» — руководителей хоров и выдающихся певцов XI—XII веков. В Киеве был Стефан, в Новгороде — Кирик, а во Владимире — Лука. В Киево-Печерском монастыре обитал монах Григорий, «творец канонов» — больших певческих произведений.

Феодосий Печерский, посвятивший пению значительную часть своих «поучений», говорил: «Пение...— то бо съвесть сердце наша». Исходное значение этих слов в понятии «весть». Весть от бога к сердцу и от сердца к богу — высшей субстанции истины и мудрости. Это и весть через бога — от сердца к сердцу всех поющих в храме, объединяющая и возвышающая всех. В словах Феодосия еще есть мысль о вещем певце-прорицателе, слышащем весть небес.

И по словам Нестора, автора похвального слова Феодосию Печерскому, пение было пророчеством, «вещением» самого господа бога, а пение в церкви монахов — участие в звучании этого божественного «вещания»:

О, благое соединение,
еже боготца песньное вещание...
И вси единогласно друг другу вещающе!

Как видим, в самой терминологии христианского искусства сохранился старый языческий смысл, но сместились акценты, обобщилась и укрупнилась идея, содержащаяся в слове. Звучащее по-старому слово, попав в новый контекст, обрело полемический характер. Это — на первом этапе распространения христианства — отразило полемику новой веры (идеологии) со старой. Как утверждал Иларион, благодать человеколюбия божия пришла на смену языческому жертвоприношению:

Уже не на капище сътонино съграждаем,
но христовы церкви зиждем,
уже не закалаем бесом друг друга.

Переосмыслены были и сущность музыкальной игры и роль участвующих в ней музыкальных инструментов. В текстах церковных песнопений все инструменты стали олицетворять премудрость «божественного гласа», музыкальный же лад превратился в метафору лада человеческих отношений.

С другой стороны, те же музыкальные инструменты упоминаются в описаниях сцен, символизирующих разлад в жизни, действие каких-то бесовских сил. Так, в «Повести временных лет» под 1074 годом рассказывается о монахе Киево-Печерского монастыря Исаакии, затворившемся в пещере и изнурявшем себя аскетизмом. Однажды к нему явились бесы и ударили в сопели, гусли, бубны и начали все играть. И плясал Исаакий, пока остался чуть жив. И тогда бесы покинули его, «поругавшеся ему».

Здесь нет музыки, а есть тонко и точно выписанная Нестором партитура звукового хаоса. Бесовение — разлаженная звучность, с которой остался лишь ритм «хлопоте» от движения множества бесов.

Совсем иначе описывается реальная сцена инструментального музицирования, которую застал Феодосий Печерский, придя к князю для духовной беседы и услышав, как «многыя играюща пред ним: овы гусльная гласы испущающем, другыя же органьныя гласы поющем, и инем замарьныя писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князем».

Феодосий был выразителем духовного максимализма. Он утверждал: пиры и веселье проходят, богатства и власть рушатся, остается лишь душа — грешная, унылая, окаянная и оскверненная. Пиршественное веселье жизни, противопоставленное духовному совершенствованию человека, рассматривалось в христианстве как основная опасность развития пороков.

Правда, в «Повести временных лет» описываются щедрые пиры, устраиваемые Владимиром в большие церковные праздники в честь военных побед. С описания пиров, на которых «похваляются богатыри», начинаются многие былины. Однако княжеские ритуальные пиры — это одно, а повседневные трапезы с музыкантами и плясунами — совсем другое. И осуждаемое в них «музицирование», по-видимому, в жанровом отношении существенно отличалось от той высокой игры, которая была «ладной» и «сладкозвучной».

Хорошо известно, что осуждению народных музыкальных инструментов посвящены многие памятники средневековой христианской литературы. Гонения на скоморохов, запреты на инструментальную игру, на пение песен являлись обычным. Количество таких текстов настолько велико, что установившееся мнение о борьбе церкви с народным искусством представляется неоспоримым. Но все же хочется еще раз взглянуть на тексты, где осуждались «бесчинные» празднества, содержащие помимо музыкальной игры, еще многое другое: «Егда упиваетеся, тогда будите и играете, поете, пляшете, в сопели сопете, кощунаете, срамословите, кличите, сваритеся, празднословите, морве вам до колене, смеетеся, крадете бьетеся, деретеся».

Древняя Русь располагала годовым кругом календарных песен и праздников, эпическими жанрами, протяжной лирической песней, свадебной и погребальной обрядностью. В документах же, осуждающих народное творчество, встречаются в основном смеховые и скоморошьи действа. Так же порицались формы музыкального творчества, связанные с языческими службами, ворожбой, суевериями, заговорами и гаданиями. Но, судя по перечням прегрешений, в которых признавались миряне и священнослужители, все это было широко распространено вплоть до конца XVII века. Поэтому в борьбе смехового и церковного проявилось противостояние не фронтальное, а мировоззренческое, эстетическое — как система ценностных ориентиров внутри каждого человека.

Эстетические идеи осмысливались как квинтэссенция этических норм времени и включались в философские построения, объясняющие движение истории, перспективы развития мира, а нарушение равновесия между духовным и смеховым миром сулило апокалипсический исход. Ибо если начало мира — от бога, то конец его — от людей, умножения их пороков и греховных деяний, умножения вражды и пагубы природы.

Характерно, что тексты апокалипсических предсказаний и тексты повествований о сотворении мира зеркально противостоят друг другу и в перечислении всех природных благ, зарожденных и гибнущих, и в проведении музыкально-эстетических моментов. И если в «Шестодневе» это образ всеобщего пения, то в апокалипсисе — образ всеобщей скоморошьей игры и «вражиих песен», которые «всюду будут петы».

На этой шкале ценностей — от сотворения и славы мира до разрушения его человеком — расположена система координат искусства Древней Руси, эстетических и этических категорий.

Положения древнерусской эстетики об искусстве как премудрости, философском осмыслении жизни и поиске путей в будущее, об искусстве как пророчестве и песнотворце как пророке представляются основополагающими. Представления о высоком и серьезном предназначении искусства, зажигающего свет истины в душе человека, очищающего, воспитывающего и объединяющего доброго начала, являются основополагающими и сегодня.

К сожалению, ныне эти положения мы вынуждены доказывать заново. Причем все чаще от противного. Пренебрежение старыми истинами, забвение их оказывается потерей для настоящего. Чтобы не летели в нас камни из будущего, не надо бросать их в прошлое.

КОРЕННЫЕ И ПРИШЛЫЕ

Юрий МАКАРЦЕВ, обозреватель журнала «Родина»

«СОМНИТЕЛЬНАЯ» СТОЛИЦА ЧУКОТКИ

Накануне над городом висела снежная мгла, а теперь, когда я выглядывал из окна гостиницы на свет божий, приходилось жмуриться от яркого весеннего солнца. Нечто примечательное привлекло мое внимание: люди тащили из «Гастронома» полные сумки бутылок с фруктовым напитком «Дюшес»...

Маленькие провинциальные радости? Пожалуй, назвать «дырой» столицу Чукотского автономного округа с ее небольшим населением не повернется язык. В облике Анадыря, где дома стоят на сваях, а фасады «коробок» и «кубиков» играют цветовыми пятнами и штрихами, выдавая ностальгию архитекторов по раскрепощению их униженного ремесла, определенно есть какая-то изюминка, свой шарм. Здесь совершенно свободно на прилавке оленина, лососина, баранина, сливочное масло, молоко, картошка, сахар, соленья и печенья. В кинотеатре крутят те же ленты, что и в Москве. Наконец, о степени безнадежности провинции командированные судят по местной прессе. Тоже все нормально. Окружная газета «Советская Чукотка» у всех на устах. Не без «старания» печатного органа ушли в отставку мэр города и его зам. В дни моего пребывания в Анадыре газета предлагала трудящимся в возрасте до 50 лет блеснуть в конкурсе: занять вакантные должности в горисполкоме.

В одном только — сразу бросилось в глаза — столица Чукотки вызывала недоумение: ее граждане варили суп и кипятили чай из воды, перекачанной в их квартиры из лужи, точнее, из водохранилища, где растворился торф,— да, вот так, без всякой очистки. Поселившись в гостинице, я открыл в номере водопроводный кран: батюшки, лилась желтая, похожая на какао или пиво жидкость. Кто же ставит эксперимент на выживаемость северян?

Местные Советы, как известно, не любят ссориться с теми, от кого они зависят. А тут, в окрисполкоме, мне охотно предоставили документы, попросили силою печатного слова «достать» В. С. Семенова, начальника РЭУ «Магаданэнерго» в областном центре, а в Москве «потормошить» министра энергетики СССР А. И. Майорца. «По их вине,— говорилось в переданном мне письме депутатов Анадырского горсовета,— очистная станция до настоящего времени не введена в эксплуатацию».

Просьба, конечно, святая. Только «коммунальная история» показалась мне поначалу банально-стандартной — мало ли в стране населенных пунктов, где в домах у жителей течет ржавая вода, или течет с перерывами, или вообще не течет? Меня же интересовали «сугубо национальные» проблемы автономного округа. В Анадыре или в его окрестностях даже оленьей упряжки не увидишь. Административный центр, город чиновников, живет за счет тундры и «проедает» до 70 процентов выделяемых на развитие округа средств. Сомнительная, так сказать, в наше время хозрасчета столица.

Я купил билет до Провидения, оттуда до национального поселка — рукой подать. Пока же суд да дело, пока капризное по весне небо не принимало самолеты, заглянул в городской краеведческий музей.

— И вы за модной темой? Не уважаю «журналистов на день»...Они только дискредитируют советскую национальную политику — таким странным «заявлением для прессы» встретила меня в своей резиденции директор музея Наталья Павловна Отке.

Для начала, согласитесь, неплохо. С интересом приглядывался я к интеллигентной хозяйке кабинета, историку, которая, вскоре выяснилось, закончила один со мной университет — Московский. В определенном смысле сама Наталья Павловна являлась «воплощением» нашей действующей национальной политики. Центральная улица Анадыря носила имя Отке, ее отца — в послевоенные годы председателя Чукотского окрисполкома и депутата Верховного Совета СССР. Ныне этот пост в окрисполкоме заняла Надежда Павловна Отке, сестра Натальи Павловны. Разве скажешь после этого, что местных, коренных отодвигают от власти?

— Полагаю,— сказала Н. П. Отке-историк,— на национальной политике был поставлен крест в 1953 году, когда образовалась Магаданская область и нашим автономным округом стали командовать из Магадана... Вы, наверное, слышали,— привела она тут же пример,— в Узлене есть у нас косторезная мастерская. Там двенадцать мастеров — члены Союза художников СССР. Фонд мастерской удивительный, люди со всего света приезжают смотреть. Так вот, на этот фонд положил глаз Магадан,— продолжала Наталья Павловна.— Они, видите ли, решили открыть в Узлене филиал своего музея.

Да, с командованием у нас от Москвы до Чукотки поставлено как надо. С другой стороны, пересмотр статуса автономных округов, насколько знаю,— дело ближайшего будущего. Перед тем как отправиться в командировку, я основательно занялся чтением. Море публикаций. Редакции привлекли к дискуссии должностных лиц, специалистов, ученых, писателей — в том числе и людей — представителей коренных национальностей. Нарушили наконец «обет молчания» наши профильные институты.

Сквозное чтение полезно. Перед глазами вся картина: что было и есть на Севере. Картина же подчеркну, воссоздалась хотя и печальная, и тревожная, но вместе с тем и не такая уж обостренная, как, скажем, на западе страны или в южных наших республиках.

В зеркале публицистики Чукотка предстала «относительно спокойным национальным регионом». Верно, и тут земля стонет и плачет от натиска бесхозяйственности, покорителей Севера, и тут жизнеоснова малых народностей сильно подорвана, в национальной культуре целый перечень утрат и потерь. Однако многое еще — при известных условиях — спасаемо и излечимо. У специалистов, ученых масса предложений, как переменить к лучшему жизнь коренного населения округа численностью 15 тысяч человек — чукчей, эскимосов, эвенов, юкагиров, коряков. Программа, как мне показалось, убедительна, аргументирована — добавить вроде и нечего.

Состоятельность северной науки, кажется, подтверждали и мои первые впечатления, почерпнутые в округе. Дожидаясь авиарейса в Провидение, я успел навестить пригородный оленеводческий совхоз, носящий имя XXII съезда КПСС. Он буквально «прилип» к городу, езды на автобусе от центра Анадыря каких-нибудь 20 минут. Смотреть на центральной усадьбе было особенно нечего. Кроме мехпошивочной мастерской — туда я и отправился.

Работницы-чукчанки встретили журналиста с нескрываемым любопытством, хотя и не прервали работу — кто кроил, кто шил, кто мял руками оленьи шкуры,— тем не менее отвечали на мои вопросы откровенно и обстоятельно. Участницы этого импровизированного «круглого стола» (С. Плешкова, В. Ринтуви, Е. Рыхтытагина, Г. Нататынагиргина, Н. Вальдю, Л. Долганова) были кто помоложе, кто постарше, все имели за плечами десятилетку, а двое — незаконченное высшее. При этом всех на социальной лестнице роднило одно обстоятельство: женщины, в прошлом «интернатские дети», ныне сами имели детей, живших и учившихся в интернатах.

Эта система, разрушающая национальную семью и подрывающая ее нравственные корни, подвергнута острой общественной критике. «Первый раз увидела родного брата, когда он бриться начал»,— рассказала одна из работниц. Вырастая где-то на стороне, потому что родители в тундре оленей пасут, дети появляются в родительском доме образованными и цивилизованными, но чужими. Национальная еда матери и отца им невкусна, олений, зверобойный и рыбный промыслы, выделка шкур — эти занятия предков им неинтересны, родным языком не владеют или ленятся на нем общаться. Да и сами «интернатские матери», как они единодушно признались, в чукотском наречии не больно сильны. Г. Нататынагиргина, бригадир, женщина зрелых лет и чукчанка по национальности, посещает платные курсы чукотского языка при Анадырском педучилище. Почему? «Грамматику плохо знаю. Пишу в тундру — весь вечер на письмо уходит. А родители читают только по-чукотски».

На устах специалистов сегодня малокомплектные школы: пусть дети до определенного возраста учатся в тундре, живут в семье с родителями, постигают их образ жизни и национальные традиции. Словом, ничего нового, чтобы облагородить уже существующие предложения и идеи, мой «круглый стол» не открыл.

Завершилась, правда, наша неформальная встреча на неожиданной ноте: работницы стали жаловаться мне на какого-то А. Вольфсона, который в своей статье, напечатанной в центральной прессе, забрел не в ту степь — обидел чукчей. Об этом я и рассказал Наталье Павловне.

— На Вольфсона сердиться не стоит,— возразила она.— Он человек науки. А вот тут другой сочинитель

КОРЕННЫЕ И ПРИШЛЫЕ

Юрий МАКАРЦЕВ, обозреватель журнала «Родина»

«СОМНИТЕЛЬНАЯ» СТОЛИЦА ЧУКОТКИ

Накануне над городом висела снежная мгла, а теперь, когда я выглядывал из окна гостиницы на свет божий, приходилось жмуриться от яркого весеннего солнца. Нечто примечательное привлекло мое внимание: люди тащили из «Гастронома» полные сумки бутылок с фруктовым напитком «Дюшес»...

Маленькие провинциальные радости? Пожалуй, назвать «дырой» столицу Чукотского автономного округа с ее небольшим населением не повернется язык. В облике Анадыря, где дома стоят на сваях, а фасады «коробок» и «кубиков» играют цветовыми пятнами и штрихами, выдавая ностальгию архитекторов по раскрепощению их униженного ремесла, определенно есть какая-то изюминка, свой шарм. Здесь совершенно свободно на прилавке оленина, лососина, баранина, сливочное масло, молоко, картошка, сахар, соленья и печенья. В кинотеатре крутят те же ленты, что и в Москве. Наконец, о степени безнадежности провинции командированные судят по местной прессе. Тоже все нормально. Окружная газета «Советская Чукотка» у всех на устах. Не без «старания» печатного органа ушли в отставку мэр города и его зам. В дни моего пребывания в Анадыре газета предлагала трудящимся в возрасте до 50 лет блеснуть в конкурсе: занять вакантные должности в горисполкоме.

В одном только — сразу бросилось в глаза — столица Чукотки вызывала недоумение: ее граждане варили суп и кипятили чай из воды, перекачанной в их квартиры из лужи, точнее, из водохранилища, где растворился торф,— да, вот так, без всякой очистки. Поселившись в гостинице, я открыл в номере водопроводный кран: батюшки, лилась желтая, похожая на какао или пиво жидкость. Кто же ставит эксперимент на выживаемость северян?

Местные Советы, как известно, не любят ссориться с теми, от кого они зависят. А тут, в окрисполкоме, мне охотно предоставили документы, попросили силою печатного слова «достать» В. С. Семенова, начальника РЭУ «Магаданэнерго» в областном центре, а в Москве «потормошить» министра энергетики СССР А. И. Майорца. «По их вине,— говорилось в переданном мне письме депутатов Анадырского горсовета,— очистная станция до настоящего времени не введена в эксплуатацию».

Просьба, конечно, святая. Только «коммунальная история» показалась мне поначалу банально-стандартной — мало ли в стране населенных пунктов, где в домах у жителей течет ржавая вода, или течет с перерывами, или вообще не течет? Меня же интересовали «сугубо национальные» проблемы автономного округа. В Анадыре или в его окрестностях даже оленьей упряжки не увидишь. Административный центр, город чиновников, живет за счет тундры и «проедает» до 70 процентов выделяемых на развитие округа средств. Сомнительная, так сказать, в наше время хозрасчета столица.

Я купил билет до Провидения, оттуда до национального поселка — рукой подать. Пока же суд да дело, пока капризное по весне небо не принимало самолеты, заглянул в городской краеведческий музей.

— И вы за модной темой? Не уважаю «журналистов на день»...Они только дискредитируют советскую национальную политику — таким странным «заявлением для прессы» встретила меня в своей резиденции директор музея Наталья Павловна Отке.

Для начала, согласитесь, неплохо. С интересом приглядывался я к интеллигентной хозяйке кабинета, историку, которая, вскоре выяснилось, закончила один со мной университет — Московский. В определенном смысле сама Наталья Павловна являлась «воплощением» нашей действующей национальной политики. Центральная улица Анадыря носила имя Отке, ее отца — в послевоенные годы председателя Чукотского окрисполкома и депутата Верховного Совета СССР. Ныне этот пост в окрисполкоме заняла Надежда Павловна Отке, сестра Натальи Павловны. Разве скажешь после этого, что местных, коренных отодвигают от власти?

— Полагаю,— сказала Н. П. Отке-историк,— на национальной политике был поставлен крест в 1953 году, когда образовалась Магаданская область и нашим автономным округом стали командовать из Магадана... Вы, наверное, слышали,— привела она тут же пример,— в Узлене есть у нас косторезная мастерская. Там двенадцать мастеров — члены Союза художников СССР. Фонд мастерской удивительный, люди со всего света приезжают смотреть. Так вот, на этот фонд положил глаз Магадан,— продолжала Наталья Павловна.— Они, видите ли, решили открыть в Узлене филиал своего музея.

Да, с командованием у нас от Москвы до Чукотки поставлено как надо. С другой стороны, пересмотр статуса автономных округов, насколько знаю,— дело ближайшего будущего. Перед тем как отправиться в командировку, я основательно занялся чтением. Море публикаций. Редакции привлекли к дискуссии должностных лиц, специалистов, ученых, писателей — в том числе и людей — представителей коренных национальностей. Нарушили наконец «обет молчания» наши профильные институты.

Сквозное чтение полезно. Перед глазами вся картина: что было и есть на Севере. Картина же подчеркну, воссоздалась хотя и печальная, и тревожная, но вместе с тем и не такая уж обостренная, как, скажем, на западе страны или в южных наших республиках.

В зеркале публицистики Чукотка предстала «относительно спокойным национальным регионом». Верно, и тут земля стонет и плачет от натиска бесхозяйственности, покорителей Севера, и тут жизнеоснова малых народностей сильно подорвана, в национальной культуре целый перечень утрат и потерь. Однако многое еще — при известных условиях — спасаемо и излечимо. У специалистов, ученых масса предложений, как переменить к лучшему жизнь коренного населения округа численностью 15 тысяч человек — чукчей, эскимосов, эвенов, юкагиров, коряков. Программа, как мне показалось, убедительна, аргументирована — добавить вроде и нечего.

Состоятельность северной науки, кажется, подтверждали и мои первые впечатления, почерпнутые в округе. Дожидаясь авиарейса в Провидение, я успел навестить пригородный оленеводческий совхоз, носящий имя XXII съезда КПСС. Он буквально «прилип» к городу, езды на автобусе от центра Анадыря какихнибудь 20 минут. Смотреть на центральной усадьбе было особенно нечего. Кроме мехпошивочной мастерской — туда я и отправился.

Работницы-чукчанки встретили журналиста с нескрываемым любопытством, хотя и не прервали работу — кто кроил, кто шил, кто мял руками оленьи шкуры,— тем не менее отвечали на мои вопросы откровенно и обстоятельно. Участницы этого импровизированного «круглого стола» (С. Плешкова, В. Ринтуви, Е. Рыхтытагина, Г. Нататынагиргина, Н. Вальдю, Л. Долганова) были кто помоложе, кто постарше, все имели за плечами десятилетку, а двое — незаконченное высшее. При этом всех на социальной лестнице роднило одно обстоятельство: женщины, в прошлом «интернатские дети», ныне сами имели детей, живших и учившихся в интернатах.

Эта система, разрушающая национальную семью и подрывающая ее нравственные корни, подвергнута острой общественной критике. «Первый раз увидела родного брата, когда он бриться начал»,— рассказала одна из работниц. Вырастая где-то на стороне, потому что родители в тундре оленей пасут, дети появляются в родительском доме образованными и цивилизованными, но чужими. Национальная еда матери и отца им невкусна, олений, зверобойный и рыбный промыслы, выделка шкур — эти занятия предков им неинтересны, родным языком не владеют или ленятся на нем общаться. Да и сами «интернатские матери», как они единодушно признались, в чукотском наречии не больно сильны. Г. Нататынагиргина, бригадир, женщина зрелых лет и чукчанка по национальности, посещает платные курсы чукотского языка при Анадырском педучилище. Почему? «Грамматику плохо знаю. Пишу в тундру — весь вечер на письмо уходит. А родители читают только по-чукотски».

На устах специалистов сегодня малокомплектные школы: пусть дети до определенного возраста учатся в тундре, живут в семье с родителями, постигают их образ жизни и национальные традиции. Словом, ничего нового, чтобы облагородить уже существующие предложения и идеи, мой «круглый стол» не открыл.

Завершилась, правда, наша неформальная встреча на неожиданной ноте: работницы стали жаловаться мне на какого-то А. Вольфсона, который в своей статье, напечатанной в центральной прессе, забрел не в ту степь — обидел чукчей. Об этом я и рассказал Наталье Павловне.

— На Вольфсона сердиться не стоит,— возразила она.— Он человек науки. А вот тут другой сочинитель постарался...— Директор музея достала из ящика стола газету, протянула ее мне.

Автор не понравившейся Наталье Павловне статьи ссылался на писателя и этнографа В. Тан-Богораза, знатока чукчей и в 30-е годы председателя Ленинградского отделения Комитета Севера, который «предостерегал, что если цивилизация и дальше будет наступать на чукчей, то они просто исчезнут. Он имел в виду, что всей предшествующей историей своего существования эти народы не подготовлены к восприятию цивилизации в том объеме, в каком ее имеют «большие» нации».

Правильно это? Не знаю. Я читал дальше:

«Что поделаешь, так сложилась этническая история. Живший до самого последнего времени без техники национальный Север не создавал условий для формирования технического склада характера и ума. ... Зато по числу художественно одаренных на каждую тысячу жителей не многие нации могут сравниться с аборигенами Северо-Востока».

Сие оригинальное мышление в принципе не ново. Некогда негласно считалось, что, мол, не все дети способны к музыке, то же — к живописи, иностранным языкам. Местные люди — замечательные оленеводы, зверобои, им нет равных в искусстве изготовления национальной одежды. А вот чтобы у них проявился хозяйственный талант, для этого придется менять на Чукотке систему экономических взаимоотношений, и не иначе.

Нынешняя командно-административная система требует лжеизворотливости ума, местные в ней теряются, руководителями быть неспособны. Жизнь вроде бы не отрицает правоту этого очередного доброжелателя и «освободителя» народностей Севера. Управленцы в хозяйстве Чукотки на 97 процентов состоят из специалистов, прибывших в автономный округ из центральных районов страны. А вот почему так — в этом еще надо разобраться.

Национальное самосознание — материя сложная, тонкая, одним некорректным словом можно целый народ вывести из состояния равновесия. Но ведь и то правда, что новому мышлению на поприще межнациональных отношений мы только учимся. Школы-то нет. А время торопит. Перестраивать жизнь на Севере надо...

— Надо! — согласилась Наталья Павловна.— Все твердят, что лучше начинать с преподавания родного языка. Я же считаю, что нашу культуру не поднять, пока не вырастет культура всего советского народа. Русские и другие везут на Чукотку много нехорошего. Приезжие планируют остаться на три года, только живут на Чукотке по 15 лет и спят, заметьте, на раскладушке.

«Приезжие». Как интеллигентный человек, она смягчила понятие, которым обычно оперируют аборигены. Я это слышал собственными ушами, когда сидел на пленуме окружкома партии. В прениях выступала заместитель главного врача окружной больницы О. Д. Тумнэттувге. Говорила Ольга Дмитриевна без бумажки и несколько раз повторила с трибуны: «Коренные и пришлые...» Деление населения Чукотки на две категории удивило не только меня.

— Это почему же я — «пришлое население»? — высказала потом мне свою обиду секретарь райкома партии, женщина, работавшая в автономном округе много лет.— Здесь Россия, моя родина, хочу и живу.

...Билет на Провидение я сдал в кассу Аэрофлота. Национальную специфику Чукотки не стоило искать за тридевять земель от окружного центра. Она начиналась в Анадыре и предстала передо мною в сложном образе пробуждающегося национального самосознания местной интеллигенции.

СТОИТ ЛИ «ОПЛАКИВАТЬ» НАРОДНОСТИ СЕВЕРА?

— Да не писал я той статьи! — воскликнул А. Г. Вольфсон, когда я ему пересказал сцену в мастерской мехпошива и бурную реакцию читателей.— Кто-то воспользовался моими материалами, ничего в них не поняв, отдал в газету. В прессе вообще много спекуляций!

Александр Григорьевич Вольфсон и помог мне понять, откуда у местных людей скепсис к печати, пытающейся из самых лучших побуждений «раскрутить» национальный вопрос. На Чукотке он живет 33 года, врач по образованию, кандидат наук, руководит в Анадыре группой социально-экологического мониторинга — это подразделение магаданского Института биологических проблем Севера ДО АН СССР. Потом, когда я вернусь в Москву и побываю в Совмине РСФСР, мне откроются масштабы: к решению проблем народностей подключены мощные силы — 120 научных подразделений, более 600 ученых. Они создали уже концепцию социально-экономического развития северных территорий — долгосрочную, уходящую своими пунктами за временную черту следующего тысячелетия. Пробил-таки наконец звездный час северной науки?

— Да она же провинциальна! — считает Александр Григорьевич.— Уровень научных исследований — всего лишь уровень интуиции и знания предмета. У нас старательность принимается за одаренность. Что это за ученые, которые не в состоянии провести грань между социальными и национальными отношениями?!

Еще в 1978 году группа, возглавляемая А. Г. Вольфсоном, сформулировала основные проблемы коренного населения Чукотки — демографическую ситуацию тогда характеризовали высокая смертность, слабый естественный прирост населения. «Средняя продолжительность жизни,— гласил вывод группы,— сократилась у аборигенов-мужчин с 41,6 лет в 1962—1963 гг. до 37,8 лет в 1974—1975 гг. Показатели у женщин стабильны: 41,5—41,6 лет у чукчей. По данным 1978 года, показатель продолжительности жизни основной части коренного населения уменьшился у мужчин до 36 лет, у женщин — до 40,5 лет. Причины — сочетание различных факторов, среди которых ведущая роль принадлежала смертности от злоупотреблений алкоголем и от болезней органов дыхания... Система здравоохранения округа оказалась неэффективной...»

Чукотка переживала острый инфаркт. А. Г. Вольфсон писал в АН СССР, в правительство. Ответная реакция была в духе застойных времен: уймите демографа! Дело дошло до того, что ему стали предлагать квартиру в Магадане — только бы убрался из Анадыря. Подобный прессинг испытала на себе и Ольга Дмитриевна Тумнэттувге. А ведь когда-то ее чуть ли не носили на руках, называли гордостью автономного округа. Как же, первая чукчанка-врач, депутат, орденоносец, заместитель главного врача окружной больницы. Вдруг все переменилось: «националистка», «жалобщица».

— Чего я только не пережила! — вспоминает О. Д. Тумнэттувге.— Мне звонили: подумай, как бы чего не случилось с твоими ребятами. А дети тогда учились в Москве.

Когда у Чукотки был инфаркт, болела вся Россия. Бюрократия гордилась своей национальной политикой на местах. Для коренных оставляли определенное количество незаполненных социальных клеточек: в местные Советы избрать столько-то депутатов, столько-то чукчей, эскимосов и др., сажали в кресла руководителей подразделений областного, окружного, местного значения. «Интернациональная» номенклатура и принимала решения, которые привели к процессам угасания жизни Севера.

Ныне Москва торопит Анадырь: где ваши соображения по социально-культурному развитию народностей Чукотки? В центральной прессе вал предложений, похоже, в центре все давно известно, все решили. Местная интеллигенция ревниво относится к волне идей со стороны, к «экспорту перестройки», она мучительно ищет свое место духовного лидера в надвигающихся преобразованиях.

«Воспитатели! — бросает О. Д. Тумнэттувге, ставшая снова членом окружкома КПСС и теперь возглавляющая еще и совет коренной интеллигенции, иронический упрек «пришлому» населению.— Уже на пенсию пора уходить, а нас все воспитывают. Наши дети учатся, приезжают домой, а куда им устраиваться? Дети «воспитателей» тоже подросли и заняли соответствующие места. Мы хотим настоящей автономии!»

Ну, а кто — против? Раньше все легко раскладывалось по полкам: бюрократы, диктатура и монополия дорвавшихся до богатств Севера ведомств, спирт, завозившийся в национальные поселки прямо в бочках... Ныне, правда, тоже не до конца понятно, как благоустраивать тундру, лечить оленеводов?..

С кем бороться теперь коренным? Портрет «пришлого» населения стал несколько расплывчатым...

На это обращает внимание и А. Г. Вольфсон.

— Бывал я на заседании совета,— вспоминает он.— Их разъедает групповщина. Желая повысить авторитет коренной интеллигенции, они пытаются рассуждать о конфронтации с русскими. Чепуха это! Всякий порядочный русский человек понимает, что, допустим, жилье надо сначала дать чукче. У нас, хочу подчеркнуть,— продолжал ученый,— не национальная, а социальная разница в обеспечении жилплощадью. Нельзя жить вместе, друг другу не доверяя...

Постепенно прояснилось и то, что́ местный ученый понимал под «спекуляциями в прессе». Когда Чукотка в лице аборигенов спивалась, человеческий век был неестественно короток, никто из коллег А. Г. Вольфсона не мог или не хотел распорядиться его «кричащими от боли» научными исследованиями. Этнографическая и социальная наука жили своей тихой жизнью. Этнографы, рассказывали мне в Анадыре, периодически появлялись в национальных поселках. Чукчей, эскимосов изучали как подопытных. Уедут — и с концами.

Зато теперь они, уже ставшие кандидатами, докторами и академиками, стали желанными гостями в редакциях. Давая интервью, обличают направо и налево, твердят о запущенности жизни на Чукотке, оперируя, бывает, устаревшими данными, например, того же А. Г. Вольфсона.

— Надо ли оплакивать народности Севера? — риторически вопрошает Александр Григорьевич.— Время-то изменилось! Сократилась детская смертность — такая же практически сегодня по Федерации. А общая смертность стала даже ниже, чем по РСФСР. На Чукотке среди людей коренных национальностей большой естественный прирост населения. К 2000 году численность коренных, возможно, достигнет 20 тысяч человек.

Так непросто на «маленьком пятачке» Анадыря складывается национальный мыслительный процесс. Он течет по законам, в которых мы еще слабо разбираемся. Я ведь тоже, признаться, не могу объяснить, почему национальное самосознание в своих чувствах обращено больше к прошлому, чем вглядывается вперед. Что же там, в прошлом, мы еще не рассмотрели? Может быть, то, как складывался процесс становления местной интеллигенции? Помните слова Натальи Павловны Отке о том, что в 1953 году на национальной политике был поставлен крест?

Тогда из Анадыря забрали медучилище, школу торговых работников, сельскохозяйственное училище. В городе осталось только педучилище. Чукотка перестала производить свои кадры среднего звена.

Все за Чукотку решали в Магадане и в Москве, где опирались на постулаты «узкой одаренности» северных народностей. Для детей Севера придумали два варианта жизненного пути. После системы интернатов — в вуз: в ряде учебных заведений Москвы, Хабаровска, Магадана, Ленинграда и т. д. существовал льготный прием. Либо предлагался поиск жизненной удачи через СПТУ, где среди преподавателей и мастеров не было ни чукчей, ни эскимосов, хорошо знающих традиционные отрасли. Вот и возвращалось в оленеводство и на промыслы не более двух процентов выпускников. С подачи корифеев от науки колхозы заменили совхозами, а существовавший издавна в оленеводстве «семейный подряд» — передовыми формами организации труда эпохи застоя. В результате специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в округе большая часть национальных сел Чукотки, таких, как Чуванское и Ламутское, Энурмино и Инчоун, Ванкарем, Нутепельмен и Уэлькаль, Энмелен и Янракыннот и другие были ошибочно признаны неперспективными. Всякое производственное, жилищное и строительство объектов соцкультбыта в период 1976—1986 годов там практически не велось. Во многих национальных селах Чукотки, таких, как Энурмино, Инчоун, Ванкарем, Нутепельмен, Уэлькаль, и по сей день существует безработица или неполная трудовая занятость людей. В целом же по Северу незанятость затрагивает интересы почти 30 процентов граждан коренных национальностей.

Родители уже неохотно отпускают своих детей в дальнюю дорогу за дипломом. «Чужая социально-экологическая среда: я сама несколько раз бросала МГУ, когда там училась»,— вспоминает Н. П. Отке.

Что же не нравится «местным»? Национальное самосознание противится скороспелым рецептам, даже если они сегодня делаются в обстановке гласности и дискуссий, под знаменем прогресса. Поосторожнее бы! Может быть, не все интернаты пока на замок? Может быть, «сомнительная» столица автономного округа не так уж бесперспективна, если подумать. Анадырь-то претендует на роль города, готовящего национальные кадры. Отнятую у него роль.

ПРАВЕДНАЯ ВИНА

Сколько лет прошло, а мне все вспоминается одна история. Как-то летом я ехал на микроавтобусе вместе с другими родителями в подмосковный пионерский лагерь. Как всегда, нашелся в компании попутчиков разговорчивый человек, который вспомнил анекдот про чукчу. Вдруг его смех прервал пронзительный крик: «Не смейте! Чукчи хорошие». Голос принадлежал русской девочке лет тринадцати, она приехала в гости в Москву с Севера. Девочка заплакала.

— Стыдно! — так эмоционально, совсем не в духе государственного чиновника оценивает политику прошлых лет Г. Н. Осколков, заведующий отделом по экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера и Арктики Совмина РСФСР. Принимались хорошие партийно-правительственные постановления, выделялись миллиарды рублей капиталовложений. Всего-то численность 26 народностей Севера составляет 180 тысяч человек. А жильем не всех коренных обеспечили. Письменность, буквари есть только у 18 народностей. Стыдно!

Помогай нам, Федор Михайлович Достоевский, в нелегком труде — осознании нашей праведной вины! Вспомним, как писал великий знаток народной психологии: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого везде и во всем. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид...»

Постепенно национальное самосознание перестает быть только категорией нравственного пробуждения людей на местах. Оно становится формой государственного мышления — отрицать этого нельзя. Отдел народностей Севера и Арктики в Совмине возглавил Геннадий Николаевич Осколков — «архангельский мужик», человек, проработавший в Коми АССР и полагающий, что его сотрудники должны быть людьми, «с молоком матери принявшими традиции и культуру «коренных». В отделе сегодня работают: хантыйка, ненец, чукча... Осколков хотел бы, чтобы правительственные служащие относились с сопереживанием к нынешней стратегии центра: сохранить среду обитания, возродить традиционный жизненный уклад коренного населения.

Да, Россия будет и в дальнейшем прирастать Сибирью и Арктикой, от этого никуда не денешься. Как же быть, если нормы промышленного освоения северных регионов и традиционный жизненный уклад народностей — это пока непреодоленное противоречие? Нужно искать новый государственно-правовой механизм, считает Г. Н. Осколков.

При мне в Анадырь прилетела с «дружественным визитом» на своем самолете с Камчатки группа коряков. В застойные годы подобный визит заканчивался мощным застольем с тостами. На сей раз соседи Чукотки включили в делегацию специалистов, чтобы они поработали по своим направлениям. Не скрою, мне понравился первый секретарь Корякского окружкома КПСС В. В. Кустин своей прямотой:

— Автономный округ, что у них, что у нас,— сырьевой придаток ведомств, и кому-то выгодно держать нас в черном теле. Облисполком делит все фонды, вплоть до гвоздя, доски, бревна. Вы планируйте ресурсы округу отдельной строкой! Не лезьте в наши дела! Тогда что же получится? В облисполкоме кого-то из замов надо сокращать. А сегодня, замечу, нет в природе существа, которое бы себе голову откусывало. Лиса, волк могут лапу откусить, ящерица — хвост сбросить. Но чтобы голову,— сомневается Валерий Васильевич,— такого существа не найдешь...

Создадут ли нам новый государственно-правовой механизм законодатели? Когда? Я отправился в Институт государства и права АН СССР, разыскал там проблемную группу Э. Ш. Муксинова, которая вот уже несколько месяцев трудится во благо защиты социально-экономической самостоятельности народностей.

...Правовое творчество и практика годами как бы стояли на месте. «Правда,— оговаривается член проблемной группы, кандидат наук Майя Владленовна Пучкова,— серия партийно-правительственных постановлений дала для народностей Севера определенный список льгот. Но все ли они обоснованы, продуманы? Такие, как, допустим, помощь родителям в форме содержания детей в интернатах?»

— Я просмотрела все законы об автономных округах и областях,— рассказывала далее юрист.— Они будто списаны друг с друга. Ханты-Мансийск и Южная Осетия — разве образ жизни населения там и тут одинаков? Кое-кто считает, что стоит лишь добавить кое-какие нормативные акты о правовых гарантиях малых народов в действующее законодательство — и достаточно. Я же думаю,— настаивает М. В. Пучкова,— нужен специальный закон.

В чем сложность предстоящих шагов? Моя собесед-

ница и другие юристы делят национальные меньшинства условно на четыре группы. ПЕРВАЯ — малые народы, которые имеют свои государственные образования, но проживают за их пределами (украинцы в Белоруссии, белорусы на Украине, русские в Прибалтике). ВТОРАЯ — те, кто на территории СССР не имеет своих государственных образований и чьи «родичи» проживают в других странах: поляки, немцы, югославы, болгары... ТРЕТЬЯ — те, для кого СССР является исторической родиной, хотя своих государственных образований у них нет. Сюда относятся, допустим, народности Крайнего Севера. А также, например, вепсы, гагаузы, латгальцы. ЧЕТВЕРТАЯ — те, кто по разным причинам считается представителем одной национальности, хотя фактически принадлежит к другой. Например, крымские татары выделяют себя как отдельную национальную группу. Бывает и так: человек по происхождению кряшен, в паспорте — татарин...

У каждой группы свой уровень и свои специфические особенности социального развития, состояние культуры, свои потребности — при разработке правовых актов забывать об этом нельзя.

— Возродятся ли национальные районы?

— Дискутируем,— отвечает М. В. Пучкова.— Проблем масса. Создавая национальные административные единицы, нужно придать им и соответствующий правовой статус, а местные Советы наделить дополнительными полномочиями.

— Какими, например?

— Чтобы без согласия местного Совета на территории национального района, поселка, леса, реки, другие природные богатства не могли использоваться в «ведомственных интересах». Дать право Советам даже приостанавливать ведомственные акты, если они противоречат законодательству, нарушают права малых народов.

Я понимаю так: отношения «коренных» и «пришлых» давно уже пора регламентировать законом. Так называемая культура, которую «пришлые» несут на Север под вывесками различных ведомств, действительно способна все что угодно раздавить и поглотить на своем пути. Но разве это цивилизация, для которой культура, традиции, обычаи каждого народа, будь он мал или велик,— бесценное богатство? Подлинная цивилизация ценит национальные «непохожести» и «разности» людей, подпитывается ими и благодаря этому тоже не стоит на месте.

Спор о правах хозяина на Севере, о «пришлых и коренных» не окончен и пока еще во многом происходит в традиционной расстановке социальных сил. Богатая золотом, углем, пушниной и другими ресурсами Чукотка стоит на коленях перед Минэнерго СССР, прося министерство об акте благотворительности — выделении толики средств для очистки питьевой воды в Анадыре.

...Чукотский окрисполком принял решение о «нецелесообразности сооружения Амгуэмской ГЭС». От этого «подарка» Минэнерго беда округу со всех сторон: выйдут из оборота пастбища для восьми оленеводческих стад с поголовьем 21 тыс. оленей, загниет окрест тундра, жители национального села потеряют традиционный промысел. Но как еще, с какой колокольни посмотрят на все эти убытки Чукотки в Магадане и в Москве?

Мораль «пришлого» населения претит не только местным, но и всем нам, ибо она убыточна с нравственной и других точек зрения. Лекарство от нее — двигать правовое государство в дальние углы России. Да, только так. Чтобы потом нам и нашим детям снова не было бы стыдно и мучительно больно за в «очередной раз развитый» социализм.

ВОПРОС — ОТВЕТ

«В нашей печати много говорится о внешней задолженности стран «третьего мира», США и других ведущих капиталистических стран. Почему никогда не публикуются данные о внешнем долге СССР? Это что, государственная тайна?»

С этим вопросом читательницы наш корреспондент Елена Смирнова обратилась к старшему научному сотруднику Института мировой экономики и международных отношений АН СССР И. Г. Доронину:

— Я никогда не считал вопрос о внешнем долге СССР «неудобной» темой. Но, к сожалению, в средствах массовой информации усиленно создавался стереотип, что вот, дескать, западные страны в отличие от нас все в долгах погрязли. И дело тут не в закрытости данных — в целом движение кредитных ресурсов каждой страны учитывается и отражается в международной статистике. Но в проблеме кредитных отношений важна не столько количественная сторона, сколько качественная — каков народнохозяйственный эффект полученных за границей кредитов, какова отдача наших кредитов, предоставленных другим странам. В вопросах эффективности нам необходимо самим еще тщательно разобраться.

Соотношение между полученными и предоставленными кредитами с социалистическими странами приобретает у нас все более сбалансированный характер. Что касается развивающихся стран, то здесь СССР является чистым кредитором, и объем предоставленных этим странам кредитов составляет примерно 23—25 миллиардов рублей (по иностранным источникам).

В кредитных отношениях с развитыми капиталистическими странами должники — мы. Сумма нашей чистой задолженности приближается в последнее время к 40—42 миллиардам рублей. Оговорюсь, это по западным оценкам. Министерство финансов СССР упорно хранит подобную информацию в тайне. Хотя это секрет лишь для наших граждан, за рубежом эти данные публикуются и в банковском мире хорошо известны.

— Сумма кредитов, полученных нашей страной, приблизительно соответствует сумме предоставленных СССР кредитов иностранным государствам. Можно ли в таком случае говорить об отсутствии внешней задолженности?

— Я бы так не сказал. Дело в том, что с социалистическими странами движения валютных средств, как правило, не происходит, расчеты осуществляются поставками товаров. Аналогичный порядок сложился у нас и в отношениях с развивающимися странами. Предоставленные кредиты они погашают в основном товарами своего экспорта.

Иной характер носит наша задолженность развитым капиталистическим странам. В основном это займы, полученные у банков, и погашаться они должны в валюте. Поэтому, чтобы расплатиться, нам необходимо произвести товар, реализовать его на внешнем рынке и полученную выручку перевести на счет зарубежных банков. Это, конечно, гораздо сложнее, нежели просто поставить товар в счет погашения кредита. Чтобы рассчитать эффективность такого займа, необходимо учесть целый ряд переменных величин: уровень процентных ставок на мировом рынке, динамику цен на товары предлагаемого экспорта на мировом рынке, рентабельность производства внутри страны... Раньше свои долги мы погашали примерно на 80 процентов за счет нефти и золота. Теперь сама жизнь толкает на поиск иных путей.

Давид ФЕЛЬДМАН

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА — ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ?

«Мы вскрыли ошибки, которые сопутствовали культу личности Сталина, но мы никогда не будем осуждать Сталина за то, что он боролся с врагами партии и государства. Мы осуждаем его за то, что он бил по своим».

М. А. СУСЛОВ
(из беседы с В. С. Гроссманом)

М. А. Суслов оправдывал не все преступлвния Сталина. Этим, кстати, он выгодно отличался от многих сталинистов своего и нашего времени. Но вот что примвчатвльно: даже зверства, коим оправданий подыскать не удалось, он преступлениями не считал.

И это вполне объяснимо, ведь с точки зрения нравственности деяния покойного генвралиссимуса никогда не оценивались. В ходу был иной критврий — целесообрвзность (в государственном масштабе). Потому всв средства, признаваемые ранве целесообразными, утверждались позжв как нвобходимыв, а значит, и единственно возможные.

При таком подходе миллионы жертв уже не были жертвами. Они, как говорится, «проходили по другой графе» — графе издержек. Досадных, порой невосполнимых, но, может быть, и нвизбежных.

Соответствующим образом «вскрывались» и «ошибки, которые сопутствовали культу личности Сталина». Ошибочным признавалось в первую очередь то, что имвнно «своих» пытали, убивали и гноили в концлагерях. Правомерность применения указанных средств к «чужим» («врагам партии и государства») широко нв обсуждалась. Мы с детства привыкали к тому, что жизнь и достоинство «своих» и «чужих» не вполнв равноценны, с детства нам внушали, что в основе социалистической законности — принцип социалистического гуманизма, который в корнв отличвн от буржуазного, известного главным образом своей беззубостью.

Суть сталинщины нв в ужвсточении звконов, а в уничтожвнии законности как таковой. Ее уничтожали с ведома и одобрвния миллионов, убежденных, что по отношению к врагу жвстокость всвгда оправданна. Эта мысль на протяжении долгого времвни нвуклонно внедрялась в сознанив масс. А потому умвстно было бы проследить основные этапы столь «плодотворной» обработки.

* * *

Тврроp, как известно, Советской властью изначально отвергался. Вот почему смвртная казнь на фронтв отмвнена одним из первых ее декретов, а будущих лидеров белого движения, арестованных по обвинению в контрреволюционной деятельности, отпускали под честное слово. Случались, конечно, и самосуды, но именно власть по мере сил пресекала подобныв действия, как противозаконные. Кровопролитие противоречило смыслу революции, лозунгами которой были мир и социальная справвдливость. В особвнности справедливость. Ев слвдовало защищать. И Советом Народных Комиссаров был принят соответствующий декрет, который гласил: «*Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все зти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов. ...Упразднить доныне существоваашие институты судебных следоаателей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры. Впредь до преобразоаания всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам аозлагается на местных судей единолично. ...В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными допускаются все неопороченные граждане, пользующиеся гражданскими правами. ...Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководстауются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной соаести и революционному праеосознанию. ...Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Р. С. и Кр. Деп. и Рабочего и Крестьянского Праательства, а также программам-минимум Р. С.-Д. Р. Партии и Партии С.-Р. ...Для борьбы против контрреволюционных сил в виде принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерстаом и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленникое, чиновников и пр. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы в состаае одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернским или Городским Соеетами Р. С. и Кр. Депутатов. Для произеодстаа же по зтим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии...*»

Да, ревтрибуналы созданы уже в ноябре 1917 года, ведь революция должна уметь защищаться. Но сначала они нв так уж отличались от судов обычных, о чем свидетельствует «Инструкция Революционному Трибуналу», принятая 19 декабря 1917 года. Эта инструкция содержала нормы как уголовного, так и уголовно-процессуального права. Ею предусматривалось, что «заседания Революционного Трибунала публичны, ...судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты», указывалось, что «меру наказания Революционный Трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятвльствами дела и велениями революционной совести». К числу таковых мер относились: «1) двнежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаленив из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявлвние виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) принуждение к обязательным общественным работам».

Всв зто не представляется особенно суровым дажв по нынешним временам. Судят семеро, а не тров, как нынче, в уж наказания вообще несопоставимы. Правда, 21 февраля 1918 года в связи с чрезвычайным положением смертная казнь была опять введена. Согласно Декрету СНК, расстрелу подлежали «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы».

Этот декрет существвнно изменил правовое положение недавно организованной ВЧК, о чем и свидетвльствувт опубликованное в «Известиях ВЦИК» 23 февраля 1918 года «Объявление ВЧК о расстреле на месте врагов Со-

ветской власти». К врагам, помимо перечисленных в постановлении СНК, относили такжв «саботажников и прочих паразитов».

Таковы были чрезвычайныв меры, применяемые по отношению к особо опасным преступникам. Что же касвется прочих, то законы пока оставались в силе. Но уже в июне 1918 года постановлением Народного комиссариата юстиции дано следующее разъяснение: «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч. не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определвна мера в выражениях: «Не ниже» такого-то наказания». Впрочем, и это постановление, ограничивая снисходительность, все же не трвбовало интенсивного применения смертной казни. Такая мвра осознавалась именно как чрезвычайная.

Ситуацию резко изменило Постановление о красном терроре, принятое 5 сентября 1918 года: *«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью... необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним зтой меры.*

Народный комиссар юстиции Д. Курский, Народный комиссар внутренних дел Д. Петровский, Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич, Секретарь Соаета Народных Комиссаров Л. Фотиева».

Оставим пока вопрос о тех, кому предстояло очутиться в концентрационных лагерях. Критерий отбора классовых врагов на предмет изоляции оных и по сей день четко не сформулирован. Вероятно, решающую роль здесь играли классовое чутье и революционная бдительность изолировавших. Подразумевалось, что их абсолютная честность и безграничная преданность делу революции уже сами по себе исключают возможность должностных злоупотреблений.

Горвздо более интересен вопрос о «прикосновенных». Этот термин заимствован из дореволюционного уголовного права и скорее всего понимался так же, как и прежде. Соответственно «прикосновенными» считали всех, кто каким-либо образом содействовал заговорщикам или же, зная о существовании контрреволюционных организаций, не сообщил о том властям. Правда, царские законы были несколько мягче, предусматривались иные меры наказания, а ближайшие родственники и члены семьи, знавшие о деятельности заговорщиков, освобождались полностью или частично от ответственности за недонесение. Постановление о красном терроре исключений не предусматривало.

В зтих условиях чекисты должны были получить весьма широкие полномочия. Историк ВЧК М. Лацис в книге «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией», изданной в Москве в 1920 году, приводит Приказ № 47 от 26 сентября 1918 года, разосланный всем губернским чрезвычайным комиссиям.

«О взаимоотношениях ЧК с Советскими органами и отделами упраалення...

Всероссийская Чрезаычайная Комиссия подчинена Совету Народных Комиссаров. Комиссариат Юстиции и Внутренних Дел имеют контроль над ней. В своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, произаодя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Соенаркому и ВЦИК. ...На местах губчрезкомы и уездчрезкомы дают отчет о своей деятельности исполкому в целом, но никакой отдельной его части. Ведомство Юстиции и Внутренних Дел имеет контроль над чрезкомами, не вмешиваясь в их дела...»

Впрочем, означенные ведомства и раньше не слишком ограничивали применение чрезвычайных мер. Об этом свидетельствует, например, сообщение о деятвльности ЧК в Богородске (Московская губерния), опубликованное в «Еженедельнике Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» (1918, № 4): «4 августа отряд Чрезвычайной комиссии под командованием тов. председателя (имеется в виду заместитель председателя ЧК.— Д. Ф.) Белозерова был командирован в Дороховскую и Ильинскую волости для производства обысков у кулаков и торгашей и отобрания оружия у населения; 10 августа часть отряда прибыла в село Хотеичи с целью разоружения села, так как по имевшимся сведениям,— там большинство жителей занимаются выделкой гребешков,— кулаки, и все имеют оружие. Отряд встретил вооруженное сопротивление, несмотря на то, что начальник отряда явился к комиссару села и представил свои документы. Жители убили 3-х красноармейцев, и 4-й пропал без вести, очевидно, утонул в реке, спасаясь от преследования. В Хотеичи был выслан карательный отряд под командованием того же Белозерова, и два члена Чрезвычвйной комиссии. С имущего населения села Хотеичи взыскана контрибуция 154 тысячи. Четверо участников избиения расстреляны: Илья Тюлюканов, Иван Ф. Кизин, Яков Сокольцев, Илья Кочнов. Семен Холопов убит во время занятия деревни за сопротивление. Дальнейшее следствие по делу ведется».

А вот еще одно небезынтересное свидетельство — выдержка из «Доклада о деятельности Нижегородской Чрезвычайной комиссии», также опубликованного в «Еженедельнике...» (1918, № 1): «Вчера, 31-го августа, по получении известия об убийстве тов. Урицкого и ранении тов. Ленина, Комиссия решила ответить на эту буржуазную провокацию террором и расстрелом 41 чел. из лагеря буржуазии и повальными обысками и арестами буржуев».

Примечательно, что сообщения о карательных отрядах, налагающих на крестьян контрибуцию (!), о повальных арестах, обысках, расстрелах без суда публикуются в журнале, специально предназначенном для чекистов, и без какого-либо редакционного комментария. Законность или противозаконность этих мер не обсуждается. Террор уже вошел в быт, стал бытом. Однако до принятия Постановления о красном терроре вопрос о выборе средств борьбы с контрреволюцией относили к «инициативе влвсти на местах», жестокость еще не была обязательной...

Таким образом, в сентябре 1918 года массовые репрессии признаны целесообразными, а значит, и необходимыми. Разумеется, предполагалось, что это всего лишь временные меры, которыв после победы революции будут отменены за ненадобностью. Именно такая точка зрвния отстаивалась в статье «К вопросу о смертной казни», опубликованной «Еженедельником чрезвычайных комиссий по борьбв с контрреволюцией и спекуляцией» (1918, № 1):

«Много нареканий в жестокости, бесчеловечности слышится по адресу рабоче-крестьянской власти по поводу смертной казни...

Прислушивайтесь к стону наших братьев на Украинв, в Прибалтике, в Финляндии — всюду, где победили наследники Керенского — Красновы и Скоропадские. Как разгулялась там кровавая стихия! Вспомним, наконец, предательский выстрел в тов. Ленина, нашего славного дорогого вождя... Пора, пока не поздно не на словах, а на деле провести самый беспощадный, стройно организованный массовый террор. Принеся смерть тысячам праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России, мы спасем миллионы трудящихся, мы спасем социалистическую революцию...»

Понятно, что в условиях террора изменилось и само п о н и м а н и е законности, о чем свидетельствуют строки из постановления VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов «О точном соблюдении законов», принятого 8 ноября 1918 года: «...*непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие зкстренных мер, не предусмотренных в нынешнем законодательстве или отступающих от него... Впредь установить, что меры, отступающие от законов Российской Социалистической Федеративной Республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они аызваны зкстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. В каждом данном случае применение подобной меры должно сопровождаться:*

а) точным формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица наличности условий, требующих выхода из пределов закона;

б) немедленным сообщением соответствующего заявления в письменной форме в Совет Народных Комиссаров с копией для местных и заинтересованных властей...

Председатель VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов Я. Свердлов, Секретарь VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов В. Аванесов».

Соответственно менялись полномочия и структура ревтрибуналов. Вот, например, какие нововведения предусматривало Постановление ВЦИК от 17

февраля 1919 года: «1) Право вынвсения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, пврдается реорганизованным трибуналам... 2) При наличии вооруженного выступления (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения првступлений. 3) Таков право непосредственной расправы сохраняется за чрвзвычайными комиссиями в местностях, объявленных на военном положении, за првступления, указанные в самом постановлвнии о введении военного положения. 4) Для решительного првсечения преступления и быстроты разбора двл Революционные трибуналы реорганизуются на следующих началах: а) Революционный трибунал состоит из 3 членов. Судьи избираются на мвсячный срок губернским исполнительным комитетом... б) Суд назначается не позже чем через сорок восемь часов после окончания следствия; в) Заседания трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемых. Вызов или невызов свидетелей, равно как и допущвние или нвдопущение защиты и обвинения при рассмотрении двла, зависит от трибунвла. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры трибунала не подлежат обжалованию в апелляционном порядке... Всероссийской Чрвзвычайной Комиссии предоставляется право заключения в концвнтрационный лагврь.

Председатель Всвроссийского Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердлов, Свкретарь В. Аванесов».

Итак, судили контрреволюционеров уже нв семеро, а трое, обходясь иногда бвз обвинителей, защитников и даже не вызывая свидетелей. Закон позволял. В случае нужды позволялось и нарушение законов. Конечно, такая практика чревата многочисленными ошибками, но ведь шла гражданская война. В зтой ситуации ц е л е с о о б р а з н ы м и считались и более жесткие меры. Вот, например, «Приказ о заложниках», опубликованный в цитированном выше «Еженедельнике Чрезвычайных Комиссий...»:

«Народным Комиссаром Внутренних Дел тов. Петровским разослан всем Соаетам следующий телеграфный приказ:

«...чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны Советов показывает, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсероа, белогвардейцев и буржуазии, зтого террора на деле нет.

С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерстаа должны быть взяты значительные количестаа заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявлять в зтом направлении особую инициативу... Все означенные меры должны быть проведены немедленно... Тыл наших армий должен быть, наконец, окончательно очищен от асякой белогвардейщины и всех подлых заговорщиков протиа власти рабочего класса и беднейшего крестьянства. Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора...»

Таковы были теоретические установки. А вот и образец их практической реализации:

«Объявление

Всем гражданам города Торжка и уезда...

Пролетариат не должен допустить, чтобы его вожди умирали от злодейских грязных рук наймитов и контрреволюционеров, и на террор должен отввтить террором. За голову и жизнь одного из наших вождвй должны слететь сотни голов буржуазии и всех ев приспешников. Доводя об этом до всвобщего сведения граждан города и уезда, Новоторжская Чрезвычайная комиссия уведомляет, что вю арестованы и заключены в тюрьму — как заложники — поименованные ниже представитвли буржуазии и их пособники: правыв эсеры и меньшевики. При малейшем контрреволюционном выступлвнии, направленном против Советов, при всяком покушении на вождей рабочего класса — эти лица Чрезвычайной комиссией будут немедленно расстреляны.

Список заложников... (слвдуют имена.— Д. Ф.).

Председатель Новоторжской Чрезвыком. М. Клюев.

Члены комиссии И. Шибаев, Цветков».

Это объявление можно, пользуясь современной терминологией, назвать типовым документом. Ввроятно, в таком качестве оно и было опубликовано. Подобные объявления и списки расстрелянных расклеивались повсюду.

Террор должен был у с т р а ш а т ь, но не возмущать. А потому репрессии следовало признать непосредственным волеизъявлением революционных масс. В этом отношении весьма характерна статья Г. Л. Шкловского «Историческая параллель (К вопросу о красном терроре)», опубликованная в «Еженедельнике...» № 2 за 1918 год. Ссылаясь на опыт террора Великой французской революции в 1792 году, он пишет:

«Избиения (убийства в тюрьмах.— Д. Ф.) продолжались несколько дней, и легко понять, что при подобной народной расправе нечего и говорить о жестокостях и дикостях.— Особенно это относится к Бисетру, где в толпу арестоввнных стреляли картечью. Число роялистов, павших во время этой народной расправы, определяют около тысячи. Такие массовые расправы проходили и в других местах. Когда один из присутствовавших во время расправы заметил, что необходима более тщательная проверка виновных, то... толпа ответила: «А если придут пруссаки в Париж и уничтожат весь город, разве они отберут виновных?»

Таков был террор Великой французской революции в сентябре 1792 года. Никто не может радоваться пролитию крови, но при критическом разборе исторических событий для каждого станет ясно, что французский народ вынужден был прибегнуть к этому ужасному средству.

Применяемый пролетариатом теперь, по истечении 126 лет, красный террор к врагам Русской революции так же, как и во Франции, говорит, что это не пролетариат виновник этому. Таковы объективные условия Русской революции...»

Безусловно, аналогия не доказательство, к тому же автор цитируемой статьи не сообщил, что террор 126-летнвй давности дал совсем не те результаты, которые ожидались его организаторами. Но в данном случае важно, что благодаря подобной аргументации террор признавался уже не чрезвычайным, а вполне обычным, даже традиционным средством.

Примечательно, что и критерий отбора «классово чуждых» заложников был все тот жв — целесообрвзность. Соответствующив разъяснения давались в циркулярном письме ВЧК от 17 декабря 1918 года, опубликованном в ранее цитировавшейся книгв М. Лациса. При отборе заложников надлвжало учитывать, в частности, возможность использования их как специалистов на советской службе: *«...специалисты в своем большинстве люди буржуазного круга и уклада мыслей, весьма часто родовитого происхождения. Лиц подобных категорий мы по обыкновению подвергаем аресту как заложников или же помещаем а концентрационные лагеря на общие работы. Проделывать зто и со специалистами было бы очень неблагоразумно. У нас мало своих специалистов... Поэтому к аресту специалиста надо прибегать лишь тогда, когда установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовывать его лишь за то, что он бывший дворянин... нельзя, если он исправно работает. Надо считаться с целесообразностью, когда он больше пользы принесет: арестоаанным или на советской работе».*

Взятие заложников оказалось действенной мерой, исходя из целесообразности решено было расширить ее применение. Вот опубликованное в сборнике «Декреты Советской власти» постановление Совета Обороны от 15 февраля 1919 года «О применении репрессий к лицам, саботирующим расчистку от снегв железнодорожных путей»: «Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении со сведениями о количестве арестованных назначить через неделю».

Интересно то, квк быстро менялся уровень правосознания: сначала смертная казнь, разрешенная в качестве исключительной меры, затем лишение свободы без вины — только по подозрению в возможном сочувствии врагу, затем полная автономность ВЧК, трибунальские тройки, судившие без участия защиты и свидетелей, официальное разрешение нарушать законы, массовый террор и расстрелы заложников... И все это из самых лучших побуждений, с твердой верой, что иначе нельзя. В такой ситуации злоупотребления неизбежны, какие бы суровые кары ни грозили корыстолюбцам.

* * *

Прямое сопоставление красного террора и практики тридцатых годов, конечно, неуместно. Различны были исходные ситуации, цели, да и методы тоже. Но кое-какие преемственные связи заслуживают того, чтобы о них упомянуть.

Недавно стала широко известна телеграмма Сталина о допустимости пыток, которую Н. С. Хрущев обнародовал в 1956 году в своем докладе XX съезду: «...асе буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос — почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников?..»

А вот какая статья была опубликована в «Еженвдельнике Чрезвычайных комиссий...» № 3 за 1918 год. Называлась она «Почему вы миндальничаете?»: «...И мы объявили нашим массовым врагам террор, а после убийства товарища Урицкого и ранения нашего дорогого вождя тоа. Ленина мы решили сделать этот террор не бумажным, а действительным. Во многих городах произошли после этого массовые расстрелы заложников. И это хорошо. В таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его. Но вот мы читаем об одном деянии В. Ч. К., которое вопиющим образом противоречит всвй нашей тактике. Локкарт, тот самый, который делал все, чтобы взорвать Советскую власть, чтобы уничтожить наших вождей, который разбрасывал английские миллионы на подкупы, знающий, безусловно, очень многое, что нам очень важно было бы знать,— отпущен, и в «Известиях ВЦИК» мы читаем следующие строки: «Локкарт (после того, как роль его была выяснена) покинул в большом смущении ВЧК»... Мы скажем прямо: прикрываясь «страшными словами» о массовом терроре, В. Ч. К. еще не отделалась от мещанской идеологии, проклятого наследия дореволюционного прошлого. Скажите, почему вы не подвергли его, этого самого Локкарта, самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса, которых такой гусь должен иметь очень много? Ведь этим вы могли с легкостью открыть целый ряд контрреволюционных организаций... Скажите, почему вы вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, скажите, почему вы вместо этого позволили ему «покинуть» В. Ч. К. в большом смущении?..»

Статья, присланная из Нолинска (Вятской губернии), подписана председателем Нолинского комитета РКП(б), председателем чрезвычайного штаба по борьбе с контрреволюцией, секретарем штаба и нолинским военным комиссаром. Примечательно, что вопрос о допустимости пыток сразу же отвергается авторами: пытки целесообразны.

Вопрос о ВЧК обсуждался в ЦК РКП(б) 25 октября 1918 года. В тот же день Президиум ВЦИК принял решение «детально ознакомиться с деятельностью Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее отделов и назначить с этой целью комиссию в составе т.т. Курского, Сталина и Каменева». В соответствующем постановлении указыаалось, что «пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора», но тем не менее «Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм» методы, отстаиваемые нолинскими чекистами. Сама публикация признавалась весьма серьезной ошибкой редакции.

Тогда, к счастью, статья не стала руководством к действию. Но об «успехах» в области правового воспитания масс она свидетельствует, и соответствующее постановлвние ВЦИК вряд ли могло кардинально изменить ситуацию. 18 августа 1919 года в еженедельникв «Красный меч» («Орган Политотдела Особого корпуса войск ВУЧК») опубликована статья «ЧЕ-КА», декларировавшая необходимость и оправданность любых мер и отказ от любых принципов, ограничивающих применение этих мер: *«У саботирующей, лгущей, предатвльски прикидывающейся сочувствующей внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска. Для нас нет и не можвт быть старых устоев морали и «гуманности»*, *выдуманных буржуазивй для угнетвния и эксплуатации «низших классов». Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено (разрядка моя.— Д. Ф.), ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения и освобождения от рабства всех. Жертвы, которых мы требуем,— жвртвы спвсительные, устилающие путь к светлому царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-белый штвндарт старого разбойничьего мира. ...Война, которую мы ведем, это священная война восставших униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей. Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким святым Мечом, упрекать в том, почвму мы боремся и* ***как мы боремся?»***

Террор как процесс развивается лавинообразно, сразу не остановишь. И все же такая попытка была предпринята. Декрет ВЦИК от 17 января 1920 года отменял смертную казнь в связи с победами Красной Армии. Но расстрелы не прекратились. Кстати говоря, сам декрет првдусматривал возвращение к политике террора в случае оказания Антантой материальной поддержки мятежникам или вооруженного вмешательства.

Человеческая жизнь к тому времени уже потеряла цену, а террор стал настолько привычен, что чрезвычайные меры просто не осознавались таковыми и применялись порою в обстоятельствах, которые нельзя назвать чрезвычайными. Так, например, амнистированные противники Советской власти, проживавшие после окончания гражданской войны в РСФСР, были официально признаны заложниками, ответственными за деятельность эмигрантов-контрреволюционеров. Об этом прямо говорилось в правительственном сообщении, опубликованном в «Известиях ВЦИК» 30 ноября 1920 года: *«Разгромленная в лице Врангеля, Петлюры и Балаховича контррволюция не хочет сдаваться. После того, как агенты русской и иноземной буржуазии были разбиты идейно и политически, после того, как они были сокрушены в открытой гражданской войне оружием Красной Армии, вожди их, прежде чем отказаться от мысли вернуть себе господство над рабоче-крестьянской Россией, пытаются пустить в ход последнее средство, в котором банкротство контрреволюции должно найти свое наиболее злобное и ожесточенное выражение: средство индивидуального тврора. Соответственные органы Советской власти располагают достаточными доказательствами того, что различные белогвардейские организации (группа Савинкова, группа Чернова, группа национального и патриотического центра, заграничные офицерские группы врангелевцев и проч.) не только сошлись на мысли о применении террористических мвр против руководитвлей рабоче-крестьянской революции, но и предприняли уже ряд практических шагов во исполнение этого замысла... Рабоче-крестьянское правительство имвет в своих руках достаточное количество видных и ответственных контрреволюционных двятвлей из лагеря всех перечисленных групп и особенно среди врангелевского офицерства. Рассматривая всех их как связанных круговой порукой непримиримой кровавой борьбы против власти рабочих и крестьян, Советское правительство объявляет эсеров группы Савинкова, как и группы Чернова, белогвардейцев национального и тактического центра и офицеров-врангелевцев заложниками. В случае покушения на вождей Советской России ответственные единомышлвнники организаторов покушения будут беспощадно истребляться»*.

Аналогичное решение принято в 1922 году после процесса над лидерами правых социалистов-революционеров. Амнистированным ранее эсерам предъявили обвинение в подготовке и совершении различных террористических актов в годы гражданской войны, а после осуждения признали их заложниками, отаетственными за деятельность эсеров, находящихся в эмиграции.

Этот процесс широко обсуждался в советской и зарубежной прессе, причем в защиту эсеров выступали представители социалистических и коммунистических партий. В кампании протеста приняли участие А. М. Горький и А. Франс, которые считали, что смертный приговор, если таковой будет вынесен, следует признать ничем не мотивированным политическим убийством, причем убийством заслуженных революционеров.

Тем не менее Верховный Революционный Трибунал приговорил к смертной казни двенадцать подсудимых, в том числе двух женщин. Однако Президиум ВЦИК отложил приведение приговора в исполнение, выдвинув следующие условия: «Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян,

она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать. Наоборот: применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа. Как приговоренные к высшей мере наказания, так и осужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении».

Исполком Коминтерна признал это решение образцом революционной гуманности: «Революционное рабочее правительство должно руководствоваться революционной целесообразностью, и потому исполком Коминтерна солидарен с Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов, который дал приказ о неисполнении смертного приговора. Советское правительство отдало решение о судьбе вождей партии социалистов-революционеров в руки ее находящихся за границвй вождей. Оно дало им возможность прекращением своей контрреволюционной борьбы, прекращением гражданской войны обеспечить жизнь осужденных».

«Правовое» воспитание масс осуществлялось и средствами искусства. В этом отношении весьма показательна повесть А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад», опубликованная в 1922 году и неоднократно переиздававшаяся. Герой повести — председатель ЧК Зудин, ведущий дело о контрреволюционном заговоре. Деятельностью заговорщиков руководят эмиссары английской разведки, и Зудину удается напасть на их след. Вот как он комментирует агентурные данные: «...Как его фамилия? Мистер Хеккей?.. Мистер Хеккей!.. превосходно! Долой миндали — это не Локкарт: лишь бы попался!..» Вероятно, это те самые «миндали», о которых писали коллеги Зудина. Ясно, что герой повести «миндальничать» не будет. Когда Зудин узнает о том, что его товарищ и коллега убит в перестрелке с эсерами, он заявляет: «Ну, постой, я им устрою бенефис!.. Да подать сейчас же мне список, сколько арестованных за нами сидит. Надо сотнягу прикончить на память!.. Вот тут несколько дел...— Зудин злобно швырнул со стола папки с делами.— Эту мразь не отпускать! На террор ответим террором. За личность ударим по классу!»

Это не пародия. Зудин, с точки зрения автора, герой вполне положительный. Примечателен финал повести: по городу распространяются слухи о том, что Зудин взяточник, что он берет выкуп золотом за освобождение арестованных. Зудин оказывается под стражей, однако следствие устанавливает его невиновность. И тем не менее он должен умереть, поскольку его оправдание может скомпрометировать партию в целом. Вот как объясняет это герою повести его старый товарищ: «Масса никогда не поймет длинных оправданий. Масса понимает лишь односложное да или нет! И все дело,— понимаешь ли, все великое дело борьбы за счастье миллионов людей, все, что уже добыто столькими жертвами, такими усилиями, страданиями и кровью нескольких поколений,— сейчас вот разлетится как дым, как мыльный пузырь из-за... одного несчастного товарища, который устал, оторвался и совсем позабыл, кто он и где он находится. Ну, скажи, что же с ним делать, чтобы спасти все великое дело?!

— Убить,— глухо, зловеще произносит Зудин».

Что же, по логике автора, погубило председателя ЧК? Жалость. Всего лишь раз герой поддался жалости — не отдал приказ о расстреле женщины, связанной с заговорщиками, но не знавшей о существовании заговора. Это-то и привело в конечном счете к описанной ситуации. И Зудин принимает приговор товарища: «Ведь в сущности важно только одно — чтобы дело, дело скорейшего счастья всех людей не погибло».

А. И. Тарасов-Родионов был репрессирован и погиб в 1938 году. Вероятно, сегодня о нем и его книге мало кто помнит. Но идея жестокости во имя добра продолжает жить. Робкие попытки некоторых писателей сказать о сострадании, о милосердии расценивались и тогда, и много позже как вылазки классового врага. Где уж тут «милость к падшим призывать», если сочувствие приравнено к соучастию?

Мирное время так и не стало мирным. И тем, кто учил общество беспощадности, веря, что «нельзя иначе», предстояло вскоре вместе с миллионами сограждан убедиться: наука пошла впрок.

* * *

Даже в годы хрущевской оттепели законность попиралась во имя целесообразности. Именно эта тенденция отчетливо проявилась в ходе нашумевшего процесса валютчиков, двое из которых были в течение 1961 года дважды незаконно осуждены и в итоге расстреляны. Можно сказать, что «дело» Я. Т. Рокотова и В. П. Файбишенко получило мировую известность не только как образец правового нигилизма, но и как примвр полной бвспринципности и постыдного угодничества высокопоставленных служителей правосудия.

В соответствии с законом, действовавшим в момент пресечения преступной деятельности валютчиков, им грозило «лишение свободы от трех до восьми лет с конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг». Прочее имущество конфискации не подлежало. Но, вероятно, опасность валютных преступлений сочли недооцененной, а потому 24 февраля 1961 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ответственность была усилена. И хотя предельный срок лишения свободы остался тем же, закон предусмотрел уже и конфискацию имущества. Вскоре и эту меру сочли недостаточно устрашающей, и Указом Президиума Верховного Совета СССР, принятым 25 марта 1961 года, предельный срок лишения свободы был продлен до 15 лет.

Разумеется, к уже арестованным преступникам новый закон не мог быть применен. Статья 6 УК РСФСР гласит: «Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действующим во время совершения этого деяния. Закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, то есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет». Тем не менее в июне 1961 года судебная коллегия Московского городского суда под председательством Л. А. Громова приговорила Рокотова Я. Т., Эдлис Н. И. и Файбишенко В. П. к пятнадцати годам лишения свободы каждого. И даже это показалось недостаточным! 1 июля 1961 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». В соответствии с новым законом допускалось в ряде случаев применение смертной казни. Понятно, что и этим Указом, опубликованным в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (1961, № 27), придание закону обратной силы не предусматривалось. Но, как сообщила «Правда» от 21 июля 1961 года, Генеральный Прокурор СССР внес «в Верховный суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Московского городского суда».

Верховный суд РСФСР приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни — расстрелу. Многие так и не поняли, что этот расстрел был вопиющим беззаконием, ведь казнили-то настоящих правонарушителей и по приговору суда. Но беззаконие нельзя ввести в рамки. О новочеркасском расстреле бастующих рабочих советские газеты не писали. Лишь недавно в журнале «Октябрь» (1989, № 1) опубликована статья М. Гефтера, где хоть и весьма скупо, но все же сообщается о «расправе со стихийным протестом, который, возникнув на экономической почве («нормы» и цены!), был усугублен оскорблением человеческого достоинства рабочих и вдобавок окрашен открыто выраженной неприязнью их к Хрущеву как главному виновнику бед. Неужто самодельный плакат «Хрущева на мясо!» вызвал огонь по безоружным людям»? Как водится, было приказано «считать факт небывшим», и в газетах появились призывы уделять больше внимания нуждам трудящихся...

* * *

Ныне обществом осознано, что сталинщина во всех ее проявлениях должна быть окончательно изжита. Но до этого еще далеко. И не потому, что адепты «лучшего друга физкультурников» по-прежнему активны, а потому, что они отчасти правы: Сталин живет в наших сердцах. Да и в сердцах его убежденных противников тоже. Спорим не по существу — по поводу.

И теперь еще нам доказывают, что сплошная коллективизация была преступлением лишь постольку, поскольку раскулачивали середняков и даже бедняков, или (вот оно — истинно критическое осмысление!) что коллективи-

зация вообще была нецелесообразна. И теперь еще нас убеждают, что массовые репрессии не только не способствовали укреплению обороноспособности державы, но даже ослабили ее, ведь миллионы замученных были вполне лояльными гражданами. Как ни крути, это все тот же сталинский подход: если раньше объяснялось, что репрессии необходимы, поскольку целесообразны, то теперь преступления наконец-то названы преступлениями, но лишь потому, что целесообразность их отрицается!

А если коллективизация была целесообразна и кулаки существовали не только в проскрипционных списках? Тогда, значит, можно было их грабить, выбрасывать с детьми на мороз, вывозить в тайгу и уничтожать?

А если среди замученных палачами «врагов народа» были не только убежденные сторонники Советской власти, но и меньшевики, эсеры или даже (страшно сказать!) монархисты? Их, значит, непременно следовало пытать и убивать? Если да, то и все остальное закономерно: лес рубят — щепки летят...

Прошлое не исправить, но забывать о нем опасно — оно может повториться. Надо помнить: жестокость нельзя ввести в рамки. Она подобна эпидемии — пока не уничтожены очаги, будет распространяться. Чрезвычайные меры, чем их ни оправдывай, всегда приводят к беззаконию — стоит лишь допустить, что хоть иногда целесообразность может быть выше нравственности.

Так учит история. И в отечестве нашем давно вроде бы уже признано: человек — высшая ценность. Никто с этим не спорит, но отношение общества к убийству по-прежнему неоднозначно. Разумеется, речь идет не об исполнении воинского долга, не о схватках милиционеров с вооруженными преступниками и даже не о тех экстремальных ситуациях, что связаны с так называемой «необходимой обороной». (В последнем случае следователи дотошно проверяют, не было ли у оборонявшегося реальной возможности как-либо иначе обезвредить нападавшего.) Речь о тех ситуациях, когда убийство заведомо беззащитного человека совершается в полном согласии с законом. Умерщвление производит некий специально обученный государственный служащий, получающий установленную плату за эту, может быть, и не вполне приятную, но такую нужную нам работу.

Да, я говорю о смертной казни. Об узаконенном убийстве, совершаемом с ведома и одобрения большинства наших сограждан.

Как все-таки удручающе мало среди нас людей, считающих, что узаконенное убийство безнравственно, что такая «мера наказания» лишь разлагает общество, что уже само по себе существование смертной казни отрицает ценность человеческой жизни, и последствия такого отрицания губительны. Большинство мыслит вполне по-сталински: смертная казнь целесообразна. Если отказаться от нее, то преступность сразу же возрастет, поскольку преступника уже не будет сдерживать страх за свою жизнь. Аргумент вроде бы весомый. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что по-сталински, как и раньше, можно отстаивать только ложь.

В самом деле, так ли уж редко на карту ставится жизнь? Горожане рискуют ею чуть ли не ежедневно — когда нарушают правила уличного движения. Конечно, если бы они точно знали, что каждое нарушение неизбежно приводит к смерти или увечью... Но ведь и преступник почти всегда уверен, что сумеет уйти от правосудия.

Во многих странах смертная казнь отменена как раз потому, что правоведы на основе опыта пришли к выводу: снижению преступности способствует не суровость, а неотвратимость наказания. Отечественными юристами такой вывод не оспаривается, но... Говорят, что в настоящее время неотвратимость обеспечить очень трудно. Дефицит кадров, нехватка средств и т. д. и т. п. Вот почему приходится время от времени устрашать общество убийством. А как быть с теми, кто может оказаться жертвой судебной ошибки? Ведь такого рода ошибки случаются не так уж редко. Списать жертвы по графе «неизбежных издержек»? Какой знакомый подход!

Правила не знают исключений даже в грамматике. Исключение — это другое правило. Убивать или можно, или нельзя. А если нельзя, то нельзя никому. Ссылки на то, что государство, как и его граждане, должно иметь право на необходимую самооборону, безосновательны. Осужденный в камере смертников уже никому не может угрожать. Он обезврежен. Убийство в данном случае — превышение необходимой обороны.

Приходится слышать, что смертная казнь — мера не только воспитания или социальной защиты, но и возмездия преступнику. Тоже весомый аргумент. Но тогда придется объяснить, почему мститель, проливший кровь убийцы своей матери, жены или друга,— преступник, а палач — достойный член общества. Если мстителя порою можно понять (не оправдать — понять!), то наемный убийца всегда омерзителен...

Не каждый обрадуется палачу в роли соседа или сослуживца. Их имена хранятся в тайне, и соответствующая должность не предусмотрена штатными расписаниями. Но таинственно не только это: в открытых отечественных источниках нет описания установленной процедуры казни. Вероятно, процедура умерщвления детально описана в документе, предназначенном «для служебного пользования». Подобные «сокрытия» если и не вполне законны, то целесообразны.

Смертная казнь уже давно не является исключительной мерой. Закон разрешает убивать даже за хищения. Таким образом, цена человеческой жизни определяется вполне конкретно — в рублях.

Можно спорить о том, что считать особо опасными преступлениями и как надлежит обращаться с особо опасными преступниками. Бесспорно лишь одно: основа законности — уважение к человеку. Любому. Каждому. Исключений быть не должно. Исключение — это уже **другое правило...**

«Ленинградское телевидение в программе «Общественное мнение» проводило опрос об отношении к смертной казни,— пишет в редакцию наш читатель Н. Волков.— *Процент ответов «за» или «против» колебался в среднем 50 на 50. Но характерно, что 80 процентов зрителей, присутствовавших на этой передаче в студии и на улице, дали согласие на* ***личное приведение в исполнение приговора о расстреле преступника».***

Принято считать, что нравы в цивилизованном мире со временем все-таки смягчаются. Но давайте вспомним, каким было отношение к смертной казни и палачам в России более ста лет назад. Вот что сообщает С. Ушерович, автор книги «Смертные казни в царской России», изданной в Харькове в 1933 году:

«Не всегда, особенно в эпоху казней народовольцев (1879—1881), легко находили палача. Когда предстояла казнь Владимира Дубровина (апрель 1879), долго не могли найти палача, и власти этим были обеспокоены...

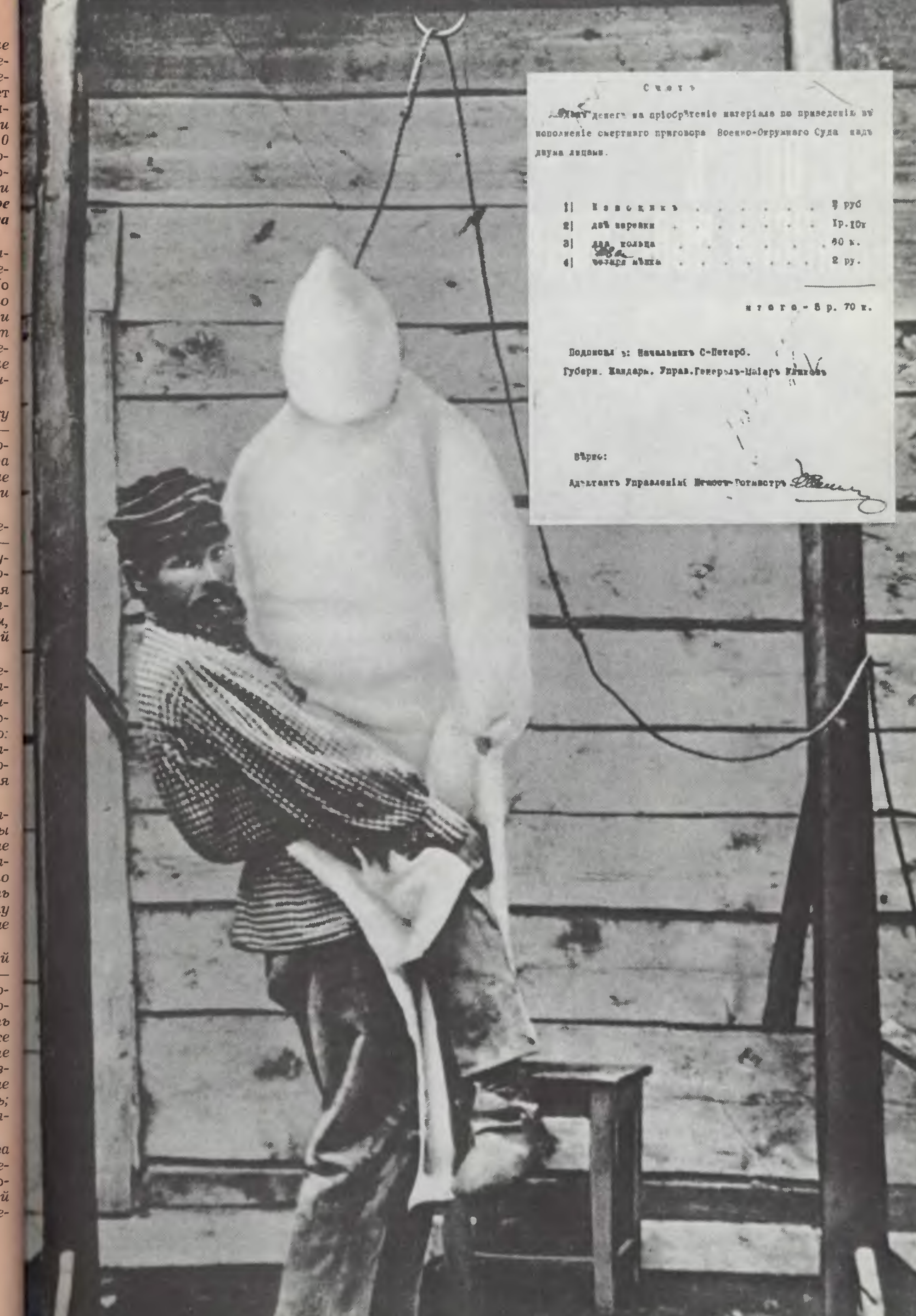
15 апреля 1879 года Зуров (петербургский градоначальник.— ***Прим. ред.****) просит министра внутренних дел Макова «дать распоряжение о розыске палача для приведения в исполнение смертного приговора над Дубровиным, так как палача с 1869 г. в здешней столице не имеется...»*

Министр Маков наряду с телеграммой московскому губернатору одновременно телеграфировал и варшавскому губернатору с одной и той же целью: «ищите и шлите в столицу палачей», на что получил от варшавского губернатора 17 апреля 1879 г. такой ответ:

«Палач, приводивший в исполнение смертные приговоры в 1863 и 1864 г., умер, и ныне штатного палача нет. Все старания, при помощи варшавского обер-полицмейстера, разыскать помогавших в то время палачу и ознакомленных с делом, не увенчались успехом».

А вот еще один любопытный документ более поздней эпохи — цитата из прошения ссыльно-каторжного Гончаренко, «чистосердечно пожелавшего вступить на должность палача»: «Моих же родителей и мою жену, которые поддерживали меня в нужде, известили, что я подавал прошение на палача и что я буду вешать; мои родители и жена с проклятием отвернулись от меня...»

Что же с нами случилось за прошедшие с тех пор десятилетия? Какие события ожесточили нравы и примирили людей со смертной казнью и с палаческим ремеслом?

Счетъ

...денегъ на пріобрѣтеніе матеріала по приведенію въ исполненіе смертнаго приговора Военно-Окружнаго Суда надъ двумя лицами.

1	Извощикъ	5 руб
2	двѣ веревки	1р.10к
3	два кольца	60 к.
4	четыре мѣшка (два)	2 ру.

итого — 8 р. 70 к.

Подписалъ: Начальникъ С-Петерб. Губерн. Жандарм. Управ. Генералъ-Маіоръ ...

Вѣрно:

Адъютантъ Управленія Штабсъ-Ротмистръ ...

Рубрику ведет кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

СВЕТОПИСЪ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

«Фотограф М. Дмитриев снимает моментально во всякую погоду портреты, группы, виды зданий, животных и проч. В ателье продаются снимки волжских видов, типов, сцен, пейзажи зимние и летние, виды Н. Новгорода и Нижегородской ярмарки».

Максим ДМИТРИЕВ

«Миллиошка» — район обитания нижегородской голытьбы: «золототоротцев», босяков и т. д. Жизнь обитателей «Миллиошки» воссоздана М. Горьким в пьесе «На дне».

Благовещенская площадь. 1912 г. День «Белой ромашки».

Ромодановский вокзал. 1900 г.

В конце прошлого — начале нашего века в России практически каждый город имел своих замечательных фотографов-летописцев: династия Буллы в Петербурге; Настюков, Панов, Шерер и Набгольц в Москве; Ермаков в Тбилиси; Лейцингер в Архангельске; Марков в Киеве. Максим Петрович Дмитриев (1858—1948) известен прежде всего как летописец Нижнего Новгорода, тогда — третьего по величине города России, крупнейшего промышленного и, пожалуй, главного купеческого центра страны.

Судьба по-разному обходится с наследием фотографов: архивы одних рассеялись в круговерти бурных событий, снимки других стали анонимными, разойдясь в свое время массовыми тиражами в сотнях открыток. Дмитриеву повезло — интерес к Горькому, которого он много снимал, заставил современников уважительно относиться и к остальным его работам.

...Нижний — гигантская биржа России — торговал буквально всем: хлеб, нефть, лес, тысячи других товаров перегружались здесь на суда и с судов растекались по стране. В летние месяцы бурлила знаменитая Нижегородская ярмарка. С нее началось знакомство Максима Дмитриева — мальчика из московской фотографии Настюкова — с городом, который стал для него родным. Дмитриев переезжает в Нижний, попадает к знаменитому мастеру Карелину, чьи работы тогда получали самые высокие награды на многих международных выставках. Именно у него совершенствовал молодой фотограф свое мастерство, учился композиции. Ученик пошел дальше своего учителя: Карелин мастерски делал постановочные жанровые снимки, Дмитриев обратился к фоторепортажу, стал хроникером жизни Нижнего Новгорода.

Странник.

Ф. И. Шаляпин с женой. П. И. Ториати. 1903 г.

А. М. Горький с сыном Максимом 1904 (?) г.

То были годы всеобщей тяги к документированию всего окружающего. Фотографы путешествовали по стране, запечатлевая пестроту народной жизни. От своих коллег Дмитриев отличается, может быть, более пристальным вниманием к самым низам общества, к тем, чья жизнь, как правило, мало кого интересовала.

Снимки, сделанные им во время голода в 1890-х годах в Поволжье, — лучшая иллюстрация к публицистическим произведениям многих русских писателей и журналистов. Они вошли в знаменитый дмитриевский альбом «Неурожайный 1891—92 год в Нижегородской губернии». Полуразвалившиеся крестьянские дома (соломенные крыши пошли на корм скоту и самим хозяевам). Избы, где вповалку с больными, мечущимися в тифозной горячке, порой лежали и трупы. Самоотверженный труд интеллигентов — врачей, сестер милосердия и представителей земства, пришедших на помощь своему народу... Пронзительный репортаж, сделанный в конце прошлого века. Изданный на средства фотографа альбом заслужил высокую оценку общества и похвалу критики.

Почти десять лет провел Дмитриев в странствиях, отсняв за это время практически все достопримечательности Поволжья от Астрахани до Рыбинска. Эти фотографии сегодня представляют исключительную историческую ценность, ибо на них запечатлен ушедший в прошлое быт старых городов и селений. Многие памятники архитектуры остались лишь на снимках нижегородского летописца.

Шансонетки Нижегородской ярмарки.

Ярмарочная певица Валери.

Мадам Венерская.

Мадам Рушевич.

Певица Бойкова.

Мадам Фельден.

Нижегородская ярмарка. Весеннее половодье. 1900 г.

Сохранилась и внушительная коллекция портретов не только знаменитых современников фотографа: А. М. Горького, Ф. И. Шаляпина, Скитальца, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, но и чиновников, военных, полицейских, представителей духовенства, купцов, чьи имена нам сегодня мало что говорят. Тех же, кто вряд ли заглянул бы к нему в ателье — босяков, рабочий бездомный люд, тех, кого в цивилизованных странах называют красивым термином «люмпен-пролетарии», он снимал на улицах, в районе печально известной «Миллиошки» — обиталищ городской голытьбы. Именно по фотографиям Дмитриева подбирали грим и костюмы для постановки на сцене Художественного театра горьковской пьесы «На дне». Среди «героев» Дмитриева — прототипы Барона и Сатина, реально существовавшие барон Бухгольц и босяк с манерами аристократа, который выпрашивал подаяние по-французски.

Но было бы неверно делать из Дмитриева этакого революционера с фотоаппаратом, снимавшего исключительно социальную хронику. Он просто много и честно трудился, зарабатывая свой хлеб.

Фотографии предоставлены Государственным архивом Горьковской области.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАСПЕЧАТАТЬ ВНУТРЕННИЙ СТЕРЕОТИП

Андрей БИТОВ, писатель

У нашей эмиграции было три волны, и мы сейчас имеем отношения в основном с последней. Послереволюционная как бы прощена за давностью, послевоенная оставлена для будущего рассмотрения, хотя именно в ней могут быть самые интересные точки зрения и самая крайняя оппозиция, а третья эмиграция — это в основном наши современники, люди нам вполне понятные, с ней-то и существует взаимодействие.

Как образовалась эта последняя эмиграция? Чтобы не допустить внутри страны влияния определенной группы людей, происходила односторонняя диффузия через если не железный, то чугунный, оловянный, как хотите его назовите, занавес, отделявший нас от остального мира.

Скажем, выслали Солженицына. Интересно, что люди, на которых проверялись новые методики избавления от них, оказывались и самыми масштабными. Как будто специально для Бродского издали указ о тунеядстае, который сработал и создал ему уже в 1964 году мировую репутацию. Но это должен был быть Бродский. Получилось, что он обрел судьбу. И Солженицын был огромной фигурой. Оказалось, что для него стоит изменить закон. И А. Синявский, и другие. Потом все это становилось обыденным. Методика высылки примвнялась не только в отношении чрезвычайных фигур. Но это всегда повышало статут высланного, что полностью соответствовало идее иерархии, царившей у нас в то время.

Другая часто применявшаяся методика — выпустить человека по приглашению, чтобы он не вернулся, или не дать ему вернуться. Это следующий иерархический метод. Если первый действовал для маршалов эмиграции, то этот, скажем, для генералов. Третий путь — когда человек был вынужден воспользоваться вызовом из Израиля. Четвертый,— когда мог воспользоваться. Пятый,— когда хотел воспользоваться. Получается иерархия выездов.

Существуют «правая» и «левая» точки зрения в отношении эмиграции, хотя слова эти будем употреблять условно, поскопьку практически они ничего не означают. «Правая» точка зрения примерно такова. Зря, мол, возятся с эмигрантами, как ни крути, они все равно изменники. «Левая» точка зрения, коротко говоря, заключается в том, что они изгнанники. На этой формуле, кстати, настаивают и сами эмигранты, выравнивая тем самым все иерархии, приведшие их в эмиграцию.

При всем нашем цинизме и горьком опыте в нас есть некий странный идеализм, возможно, даже сталинский идеализм. Когда с нас сняли пласты внешней несвободы, в сердцевине остался определенный стереотип. Люди, распопоженные по разным лагерям, разных взглядов, групповых симпатий и антипатий уже не замечают, что, сняв внешние покровы несвободы, они дошли до внутреннего стереотипа, более или менее одинакового для всех. И вот он-то не распечатывается. Мне кажется, что сегодня часто спорят, дерутся люди, с одной стороны, как бы занимая крайние противоположные позиции, но внутри обладая одним стереотипом.

Люди, настаивающие на том, что эмигранты — изменники, как и люди, настаивающие на том, что они — изгнанники, имеют внутри подсознательную общую установку. Это все равно, что рассуждения о тех, кто дал ложные показания на допросах, и тех, кто вынес их, подспудно могут как бы оправдывать само существование пыток. Так и здесь — настаивать на том или другом означает не замечать самый простой ответ: свободу выезда каждого гражданина, для которой не нужно другого резона или оправдания, кроме его желания. То есть то самое, что мы только что подписали в Вене. И нечего здесь обсуждать.

Пообщавшись с людьми «оттуда», я услышал правило, о котором догадывался раньше и сам. Люди остаются сами собой независимо от географического местонахождения. Был демагогом здесь — будет им и там. Был политиком здесь — будет и там. Разбирательство по поводу того, каков сам человек, может в нвобходимых случаях происходить в соответствии с законом, но не может быть доводом в пользу или против выезда.

А у нас в самых либеральных кругах в связи с чьим-то отъездом начинается обсуждение личных качеств. То есть не то обсуждается, мог ли человек уехать и почему он уехал, а то обсуждается, как он жил с женой и как однажды он подписал или не подписал такое-то письмо. Я помню, как Ю. Алешковский сказал, когда в Англии остался А. Кузнецов, что разговоры по поводу его пичности напоминают пересуды соседей о соседе, выехавшем из их коммунальной в отдельную квартиру.

Копаться следует только в себе самом, обнажая в себе ту степень несвободы, которая вызрела в нас в брежневские времена. Это научит нас находить резоны и основания в другом ловекв. Видеть другого и есть демократия. А мы все еще готовы к розни и поношению, которые выталкивали человека за рубеж. Это и есть несвобода, она срабатывает и сегодня, но теперь одновременно с двух концов.

Когда эмигранты так или иначе возвращаются сегодня домой, им говорят: «Ага! Мы здесь гнили, а вы там гуляли!»

А другая сторона говорит: «Вы тут жили не тужили, а мы там страдали. Теперь вы здесь пользуетесь плодами перестройки, которую мы назначили и за которую пострадали!»

Когда начинается борьба этих позиций, в ней, как в любой другой, обнажается человеческая глупость. И доводы следуют, как в коммунальной ссоре, и как в каждой ссоре унижаются обе стороны. Доходят до оскорблений, исчезают мотивировки, уходит погика, всплывает пена. Вообще всли выходить в споре в подобный ряд сравнений, неизбежно становишься героем и так же неизбежно становишься дерьмом.

А вот не позволить себе сравнений — это интеллигентская доблесть. Мы ведь говорим об интеллигенции в эмиграции. Так что же интеллигентного в нашей интеллигенции? Где честь, достоинство, то есть вещи, смыкающие специалиста с дворянином? У нас нельзя уронить внешнюю честь в чьих-то глазах, а бесчестными методами воспользоваться можно. С интеллигентом происходит наоборот: он не может воспользоваться бесчестным методом и, если вокруг создается бесчестная ситуация, которую он не может разрешить честными методами, стреляется. У нас не стреляются, допадывают до дна, до конца.

Если посмотреть на всю проблему отстраненно, почти с марсианских высот, то на самом деле происходит абсолютно необходимый нации процесс диффузии. Страна дошла до разрухи, кроме других причин, еще и потому, что находилась в изоляции, а мы нуждаемся в мире, и мир нуждается в нас. Чтобы стать частью мира, надо знать мир. А каким образом, если уже у третьего поколения отбита всякая способность узнавать?

Узнавать себя и других можно только через общение. Так что наши бывшие «враги»: выспанные, сами уехавшие, соблазнившиеся — как угодно,— они остаются там и становятся там в массе своей русскими людьми.

Там они не дергаются мучительно при слове «русский» потому, что там и еврея, и узбека воспринимают как русского. Там он спокойно может называть себя русским, не предавая свою нацию и не испытывая при этом комплексов. Мы еще многому должны поучиться там, а это и до сих пор считается у нас тлетворным влиянием Запада.

А чтобы эмиграции больше не было, должно быть безусловное право каждого выезжать куда угодно, когда угодно. Вот тогда-то мы сможем свободно обсуждать мотивы поступка такого человека и его личные качества.

НЕКРОЛОГ-1982

Радио сказало голосом друга... Как тут выговоришь «бывшего»? Или — прежнего, тамошнего, убывшего? Как назвать теперь друга, с которым вы никогда не ссорились, и оба, слава Богу, не умерли, а его — нет?

Между тем на второй день разлуки вы поймаете себя на том, что говорите о нем в прошедшем времени как об умершем, одновременно будучи уверены, что он жив и здоров, и желая ему того же в будущем. Вы говорите в прошедшем: «Он был такой остроумный», будто он никогда больше не пошутит, или: «Он был такой честный», будто он с тех пор... и уже не ловите себя на слове, даже произнося: «Он был такой живой человек». Вот пропасть невстречи: между «завтра» и «когда-нибудь» помещается «никогда». А что более, чем «никогда», равно смерти? Трепетно-уклончивые формулы: «там», «тогда», «по ту сторону», «в ином мире»,— слились в нашем сегодняшнем простодушии, одинаково означая и западный мир и загробный. «Неужели умер?» — «Нет, уехал» — «Неужели уехал?» — «Нет, умер» — «Как же я не знал! Когда?..» — воскликнете вы в обоих случаях. Глагол «улететь» стал иметь новый корень — Лета. Но если для нас стало так, то как мы для них?

Радио сказало голосом друга, и я вздрогнул (тем же голосом, того же друга, но из «того» мира...). Радио сказало по «Загробному голосу» (16, 25, 31, 49... как годы, метры!). Радио сказало, что...

Мне стало так обидно, чтó оно сказало! что óн сказал... (своим, чуть тронутым Западом голосом).

Он — оно сказали, что никого уже «там» не осталось в литературе, что все уже «здесь». Причем «там» — он имел в виду именно нас, оставшихся дома. Где «там», где «здесь»? Кто из нас «мы», и кто из нас «они»? И не то мне стало обидно, что сам я оказался за ИХ бортом, а не они за МОИМ, что оказался среди тех, кто «не в счет», кого и нет более, чем мертвецов, что не попал в очередной список или выпал из очередной обоймы. Обидно мне стало не за себя, а ЗА НАС — именно тем, чаще прокламируемым, чем встречающимся чувством патриота: «Как же это Нас нет! а вот — МЫ!..» — стал я (ему) в запальчивости перечислять после, загибая пальцы и не словив себя на том, что совершенно воспринял его логику, что меньше всего несогласия выразил в подобном протесте... Пальцев хватило. Нас действительно осталось мало. И все-таки... Не все же уехали! Не все! **Не уехало нас много больше, чем осталось здесь.**

Нет, не чувство оставленной родины, не их ностальгию прибавил я в тот миг к поредевшему самому себе, представляя русскую литературу...

Именно сейчас телефонный звонок — и нет больше Юры Казакова. Уехать он не мог — это почему-то ясно. Значит, он умер. А я и не знал!.. Звонок был после похорон. Я уже опоздал. На похоронах, сказал мне незагробный голос все еще здешнего друга, было очень мало народу. Десятка два человек. Было бы больше на меня одного... Не может быть! Ведь не каждый день хоронят классика! Хоронили первого прозаика пятидесятых, и в том и в другом смысле — первого! Неужто и его сокровенных читателей осталось так же мало, как нас? Его — забыли. Выходит, забыли. Вот ведь убогий тест: кто придет... Никто не пришел. Его смерть не стала, так сказать, общественным событием. Но она была и есть — общественное событие! Еще неведомого нам масштаба, но достаточно необратимого смысла. Пускай он молчал и десять, и пятнадцать лет — он БЫЛ! Молчал он ЗДЕСЬ. Он ни в чем не уронил и ничем не унизил им же впервые достигнутого уровня зарождавшейся было прозы. Молчащий писатель — тоже писатель. Он — не врет. Он тем более писатель, если молчит ЗДЕСЬ и у НАС, в нашем разреженном бору (с которого по сосенке). Здесь он замолчал, здесь он молчал и здесь он смолчался. Юрий Казаков скончался не просто порядочным и честным человеком; Юрий Казаков никогда не «умирал как писатель» — он умер писателем.

Когда две с половиной тысячи лет назад философа Анахарсиса-скифа спросили, кого больше, живых или мертвых, он переспросил: «А кем считать плывущих?» (Сказалась скифская водобоязнь: это именно он изобрел якорь...)

Так кого же больше, живых или мертвых? Вообще-то, через две с половиной тысячи лет мы уже уточнили этот вопрос. Но если не так тотально, облегчая задачу, поставленную недавно перед нами философом Федоровым... «на сегодня» — кого больше?

Сколько уехало и сколько ушло? сколько уехало и сколько осталось? сколько умерло и сколько выжило?.. Мартиролог семидесятых не менее впечатляющ, чем тот список, который был голосом друга провозглашен по «Загробному голосу» в качестве «всей» уехавшей русской литературы... И то и другое случилось с ней за одно десятилетие!

Высылка Бродского и Солженицына ничем не может быть уравновешена. Но именно тогда же не стало и Твардовского, не стало Рубцова, Вампилова и Шукшина — первых надежд будто бы именно русской литературы. С отъезда Максимова писательская убыль стала приобретать почти систему: один отъезд — одна смерть. И попробуйте сказать, что они не равнозначны... Можно выстроить два жутких столбика бок о бок «Уехали — умерли», уточняя даты и взвешивая репутации. Не хочется этого бухгалтерского столбика... но разве не равновелики могут оказаться Некрасов и Домбровский, Гинзбург и Копелев, Коржавин и Глазков, Шпаликов и Горенштейн, Аксенов и Трифонов, Войнович и Казаков?.. Лишь Высоцкий уравновешен Галичем. Ах, я перечислил не всех? Добавьте или вычеркните. Но уже сами.

Да и как построить настоящих писателей в детсадовские пары?

Умер Бахтин (дальше Саранска не ссылавшийся); умер Набоков (ближе Швейцарии не возвращавшийся). Умерла Надежда Мандельштам.

Потери за семидесятые годы и впрямь могут привести к мысли, что литературы, той, какая была и могла быть ЗДЕСЬ, не стало. Пускай не утешает нас то небольшое количество имен, что составило русской литературе предыдущего века славу более чем мировую. Ибо если и останется от всех нас в последующих поколениях один человек, то это никак не означает, что остальных могло и не быть. Не было бы и этого, единственного и одного. Великая литература не может состоять из одних великих писателей. И может, это не Пушкин заслонил Боратынского или Вяземского, а они его — высветили. Не могут вымереть все хорошие, оставив в живых самого «главного». И мамонт вывелся не от ущербности или неполноценности, а оттого, что не нашел стада...

Так же тихо, как Казакова, не стало Марии Петровых и Варлама Шаламова... Кáк они молчали!

Будто не нас настигло одно и то же, а мы друг друга убили. В каком из миров вероятнее встреча, где мы все это выясним, в западном или загробном? На что поставим — на веру или надежду?

Так как же считать умерших ЗДЕСЬ? Можно ли за счет доброй половины этих смертей заявлять, что ЗДЕСЬ литературы УЖЕ не осталось?

Как считать плывущих?

Написано А. Битовым в день похорон писателя Ю. Казакова семь лет назад. Публикуется впервые

Борис АСОЯН

БЕДНЫЕ МИЛЛИАРДЫ И БОГАТЫЕ МИЛЛИОНЫ

НАЙДУТ ЛИ ОНИ ОБЩИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ПОЛИТИКЕ?

Один из наших космонавтов рассказывал, что однажды он увидел из иллюминатора своего космического корабля огромный пожар в Центральной Африке. Гигантский шлейф дыма перекинулся через Атлантику и завис над Латинской Америкой.

В этой картине много символики сегодняшнего дня. И, размышляя о хрупкости и взаимозависимости всего живого на нашей планете, невольно задумываешься об Африке и других регионах «третьего мира», оставшихся далеко за чертой социального прогресса, о новых опасностях, которыми угрожает человечеству нарастающий конфликт между «бедными молодыми миллиардами» и «богатыми старыми миллионами».

Три столетия назад самая богатая страна была всего вдвое богаче самой бедной. Сегодня неравенство достигло чудовищных размеров, но процесс поляризации богатства и нищеты все ускоряется.

В могущественной триаде, объединяющей Северную Америку, Японию и Западную Европу (население около 750 миллионов), концентрируется две трети мировых доходов. Средний доход на душу населения составляет там 13 400 долларов в год. Америка и Западная Европа являются главными производителями и экспортерами продовольствия. Именно в триаде реализуется подавляющее большинство достижений НТР.

«Бедные миллиарды», несмотря на отчаянные попытки переломить неблагоприятное развитие, живут все хуже, все глубже погружаются в нищету.

Около миллиарда жителей «третьего мира» голодает. За последние годы уровень жизни в Латинской Америке, и особенно в Африке, упал на 20—25 процентов. В большинстве развивающихся стран не наблюдается никакого экономического роста. Внешняя задолженность «третьего мира» превысила 1,3 триллиона долларов. По данным Международного банка реконструкции и развития, выплаты по процентам достигли 43 миллиардов в год.

Деградация социально-экономических условий привела к необратимым экологическим нарушениям. Истребление тропических лесов вызвало исчезновение некоторых растительных и животных видов, сделало более частыми засухи и наводнения. Погублены миллионы гектаров плодородных почв и пастбищ (только Африка потеряла с 1968 года 25 процентов пастбищ). Ускорился процесс опустынивания — каждый год под песками гибнет до 6 миллионов гектаров.

Стремительный рост населения грозит еще большими бедами. Из 146 детей, рождающихся на Земле каждую минуту, только шестеро появляются на свет в «богатых» странах. К 2005 году их население увеличится всего на 7 процентов (главным образом благодаря нормальным темпам прироста в США), в то время как в «третьем мире» — на 34 процента.

И быстрее всего оно будет расти в наибеднейших районах. К концу века число африканцев может достигнуть миллиарда (сейчас их около 600 миллионов), причем четвертую часть составит молодежь в возрасте до 20 лет. Ожидается, что Нигерия к 2025 году займет 4-е место в мире по численности населения. Демографы предсказывают чудовищную концентрацию городского населения — до 42 процентов.

При таких темпах еще больше будет отставать и сокращаться производство продовольствия. В Африке к 1988 году оно снизилось на 15 процентов по сравнению с 1970 годом.

Запоздалые попытки «богатых» стран исправить положение привели к новым осложнениям. Согласившись на реформы Международного валютного фонда, должники были вынуждены резко сократить расходы на социальные нужды, причем около 40 наименее развитых стран урезали до 50 процентов отчисления на здравоохранение и 25 процентов — на образование. В результате жизненный уровень беднейших слоев населения упал до таких пределов, которые вряд ли себе представляют многие в современном мире.

Даже этих цифр достаточно, чтобы убедиться, насколько взрывоопасна обстановка в «третьем мире». Но это только часть его проблем.

Обычно в долгосрочных прогнозах преобладают розовые тона: никому не хочется знать, что будущее мрачно. Но где взять розовую краску для «третьего мира»? По всем признакам, лишь нескольким странам удастся прорвать порочный круг нищеты и выйти на современный уровень развития, да и то при условии благоприятного сочетания многих экономических и политических факторов. К «новым индустриальным странам» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) имеют шансы присоединиться Мексика, Бразилия, Аргентина, Таиланд, Малайзия, Индия.

Но вряд ли от их рывка полегчает остальным. Напротив, появление новых региональных центров экономической мощи сделает конкуренцию еще жестче. Положение беднейших стран может ухудшиться, если сбудутся предсказания экономистов о формировании к концу века трех гигантских торгово-экономических блоков в Америке (США, Канада и, возможно, Мексика), Азии (Япония и «новые индустриальные страны») и в Западной Европе. Жалкая роль «бедняков» в новом международном экономическом порядке будет очевидна.

Бурное развитие новых технологий в «богатом» мире, в частности в области микроэлектроники и биотехнологии, еще больше усилит неравенство и, следовательно, нестабильность. Новые технологии означают для развивающихся стран сокращение сырьевого экспорта, снижение валютных доходов со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями. В 1987 году, например, страны Северной Америки, Японии и Западной Европы урезали потребление нефти и нефтепродуктов на единицу продукции на 36 процентов. Продолжается падение спроса на медь, цинк, олово, алюминий, никель.

Индустриально развитый мир будет вынужден регулировать не только потребление сырья из развивающихся стран. Демографический взрыв умножит безработицу в «третьем мире», что приведет к усилению эмиграции в развитые страны. Между тем уже сегодня расовые противоречия становятся в этих странах серьезным дестабилизирующим фактором. Можно представить, насколько обострится ситуация лет через 30, когда в Европу, как предполагается, попытаются переселиться до 65 миллионов выходцев только с арабского Востока. С такой же проблемой все больше сталкивается и Япония, где число нелегальных иностранных рабочих увеличилось в 1988 году до 300 тысяч. По-видимому, будут неизбежны более строгие иммиграционные законы и, как следствие, дальнейший рост «антибогатых» настроений в развивающихся странах, с одной стороны, и усиление расовой напряженности в индустриальных государствах — с другой.

«Богатому» миру сегодня противостоит не только нищий и голодный, но и все более воинственный «третий мир», имеющий доступ к самому современному оружию. В «третьем мире» быстрыми темпами создается мощная индустрия вооружений. Военная промышленность некоторых стран (Бразилия, Индия, ЮАР, Израиль, Южная Корея и др.) выходит на мировые рынки, тесня позиции традиционных экспортеров оружия.

В следующем столетии индустриальная база для производства ядерного оружия может быть создана в более чем 40 странах мира. Причем многие из них уже будут обладать ядерным оружием. Такое развитие событий не только подорвет режим нераспространения, но и, возможно, многократно увеличит вероятность применения этого оружия.

Несмотря на бедственное положение, развивающиеся страны тратят все больше средств на военные цели. С 1980 года, например, закупки вооружений возросли в целом на 38 процентов. На «третий мир» приходится пятая часть общемировых военных расходов. Еще один парадокс (или закономерность?) — эти расходы пользуются бюджетным приоритетом не только в большинстве «бедных» стран, но и в государствах с бурно развивающейся экономикой, таких, как Южная Корея или Аргентина.

Внутренняя нестабильность, связанная с экономическими проблемами, будет и дальше заставлять правительства увеличивать расходы на карательный аппарат и армию, на закупки оружия за границей. Одним из последствий такой политики может стать новая волна международного терроризма, направленного против той страны (или группы стран), которая оказывает помощь непопулярному режиму.

Нынешнее потепление международных отношений, несомненно, способствовало затуханию некоторых опасных очагов периферийной напряженности (Афганистан, Кампучия, Юго-Западная Африка, Средний Восток). Надо, впрочем, иметь в виду, что эти конфликты и без того уже исчерпали себя, убедив их участников в бесперспективности по крайней мере на сегодняшний момент продолжения кровавых распрей. Однако при сохранении всех глубинных корней этих конфликтов избежать опасных рецидивов в тех же или других регионах, по-видимому, в обозримом будущем не удастся.

Нет также никаких указаний на то, что в последующем конфликтующие стороны при необходимости не попытаются добиться преимущества над противником с помощью современных средств массового уничтожения. Недавний скандал с американским бизнесменом, попытавшимся вывезти из США 500 единиц химического оружия, показывает, что проблема гуманизации межгосударственных отношений пока еще не стоит перед некоторыми странами «третьего мира».

Любой сценарий будущей ситуации в «третьем мире» зависит от множества неизвестных. В каком направлении пойдет развитие событий на Ближнем Востоке? Как оно отразится на ценах на нефть? Остановится ли экспансия воинствующего ислама? Чуть ли не каждый год появляются новые факторы, которые грозят опрокинуть все предыдущие прогнозы.

За какие-то несколько лет СПИД превратился в одну из наиболее зловещих проблем «третьего мира». Беда в том, что СПИД ухудшает и без того бедственное положение со здравоохранением на континенте, требует многократного увеличения расходов. Видимо, правы окажутся те, кто ожидает возрастания трудностей борьбы с теми болезнями, которые сегодня уносят миллионы жизней (малярия, речная слепота, гепатит, шистосоматоз и др.), и возобновления эпидемий старых недугов, в том числе туберкулеза.

Уже сейчас проблема СПИДа привела к трениям в отношениях между различными странами. Каковы будут политические, социальные, экономические и психологические последствия его дальнейшего распространения в «третьем мире»? Об этом сейчас боятся и думать. Многие считают, что его потенциальное воздействие на некоторые регионы, прежде всего Африку, может быть катастрофическим.

Стабильность в «бедном» мире зависит и от таких неожиданных причин, как, скажем, толщина снежного

покрова в США и Канаде, которые являются крупнейшими поставщиками зерна на мировой рынок. Неблагоприятные погодные условия в 1987—1988 годах (вызванные, кстати, другим новым фактором — «парниковым эффектом») снизили экспортные возможности США на несколько десятков миллионов тонн. Американский журнал «Уорлд уотч» (ноябрь — декабрь 1988 г.) предупредил, что если засуха повторится в 1989 году, то «перед миром встанет беспрецедентная проблема чрезвычайных поставок продовольствия... Цены подскочат до рекордного уровня, и по всему миру начнется схватка за имеющиеся источники зерна».

Положение в «третьем мире» будет зависеть и от того, как будет развиваться наша перестройка, дадут ли эффект экономические реформы, укрепится ли доверие к нашей внешней политике. В сложной, быстро меняющейся экономической ситуации в мире успех или провал перестройки определит наше место в современных международных отношениях: войдем ли мы в число лидеров мирового прогресса или же закрепимся в привычной, но опасной для себя и других роли отсталой сверхдержавы.

Взаимозависимость проявляется и в том, что на разрядку международной напряженности и на советскую перестройку все в большей степени будет влиять идеологическое отражение этих процессов в «третьем мире». Задача выживания вряд ли сможет быть решена, если «третий мир» останется равнодушным к новому политическому мышлению.

Но есть ли у нас достаточные основания утверждать, что приоритеты «богатых миллионов» и «бедных миллиардов» совпадают? Не выдаем ли мы желаемое за действительное, принимая положительную реакцию части политических кругов за истинное отношение народов? По старой привычке, как и у себя дома, мы завышаем оценку состояния общественного сознания в далеких странах. Между тем «третий мир» живет по своим законам, у него иная шкала ценностей.

Мы верим — и тут мы абсолютно правы,— что перед ядерной и экологической угрозой меркнут все остальные проблемы. Но как втолковать это эфиопскому крестьянину, десятилетиями живущему мыслью о выживании в условиях непрекращающегося голода? Как объяснить афганцу, для которого страх погибнуть от случайной пули или мины заслоняет все остальное, что именно та угроза — главная? Согласится ли с этим сальвадорский партизан, для которого выживание — синоним победы в войне против правительства?

Голодному, униженному, лишенному надежды думается не о планетарных приоритетах. Его не страшит перспектива всемирного катаклизма. По сравнению с реальными страданиями, которые сопровождают его жизнь от рождения до смерти, любые отдаленные угрозы ему покажутся в лучшем случае мифом. И много найдется таких, кто обрадуется возможности отомстить тем, кого он считает виновником своих бедствий или врагом своей религии, своей расы, своего племени.

Сегодня мы уже не говорим, что мирное сосуществование и разрядка являются «особой формой классовой борьбы». Мы пришли к осознанию того, что борьба между различными общественно-политическими системами не может, не должна определять дальнейшее развитие человечества, потому что это — тупиковая тенденция, ориентация на самоуничтожение. И тезис о примате общечеловеческих интересов нам представляется совершенно обязательным.

Но «бедным миллиардам» современный мир представляется в виде некоей системы глобального апартеида, в которой богатое меньшинство решает свои проблемы за счет бедного большинства. И не должно удивлять поэтому, что наши идеи они воспринимают с подозрением.

Для многих конфронтация сверхдержав была не только понятна, но и удобна. В том двухмерном мире все было просто, все актеры знали свои роли. Жесткие установки прошлого, исходившие из непременного «образа врага», требовали и оправдывали расширение сфер влияния, подрыва позиций противника в любом районе мира. Некоторым такой порядок позволял скрывать истинные причины кровавых войн с соседями, подавления прав человека, неудач в экономическом строительстве.

Времени для осмысления новых процессов прошло слишком мало, чтобы мы могли всерьез рассчитывать на положительные результаты. Напротив, быстрый и для многих неожиданный отход сверхдержав от политики конфронтации делает неизбежным недоверие и непонимание сущности и целей курса на оздоровление международных отношений. Вполне объяснимы с этой точки зрения подозрения в искренности западных держав идти по пути создания справедливого международного экономического порядка. Или недоумение по поводу доминантной роли общечеловеческих интересов.

В развивающихся странах в этой связи возникает много трудных вопросов. Как быть с мировым революционным процессом, который еще недавно занимал центральное место в советской внешней политике? Не означает ли деидеологизация межгосударственных отношений отхода от поддержки интересов освободившихся стран? Примечательно в этой связи высказывание ангольской газеты «Жорнал ди Ангола», сделанное в начале февраля 1989 года: «Недопустимо, чтобы растущая гуманизация и деидеологизация отношений между военно-политическими системами Востока и Запада распространялась на их подход к региональным конфликтам, часть из которых подогревалась разногласиями между этими системами».

Долгосрочные прогнозы редко доживают до срока: чем дальше мы углубляемся в будущее, тем менее понятным оно становится, тем больше непредвиденных факторов.

Но мы сможем избежать очень многих крупных неприятностей, если по крайней мере не станем повторять тех ошибок, которые неоднократно совершались в прошлом. Большая их часть происходила из-за элементарного непонимания процессов, происходящих в «третьем мире», неверного толкования возникающей ситуации, использования при анализе недостоверной информации. Искаженные факты и представления не раз ложились в основу крупных внешнеполитических решений, которые создавали кризисы в международных отношениях, способствовали ухудшению, иногда значительному, обстановки в том или ином регионе. Вспомним хотя бы, чем обернулись неверный анализ и прогноз событий во Вьетнаме. Или Афганистане. Подобных примеров в XX веке были десятки.

Мы обманем себя, если скажем, что в нынешнем мире возможен достаточно быстрый переход к всеобщей стабильности, к устойчивому равновесию интересов. Из сегодняшнего дня пока не видны признаки новой, более справедливой цивилизации.

Нужно быть реалистами: пока человечество не откажется от безумной расточительности, от сознательного программирования голода и нищеты на большей части планеты, от бессмысленного идеологического соперничества, до тех пор мир останется таким же разделенным и враждебным, как прежде, и никакие политические меры оздоровления не принесут пользы. И сегодняшнее время надежд окажется лишь короткой передышкой, случайным промежутком перед новым, еще более страшным циклом конфликтов и конфронтации.

ГАЙТО ГАЗДАНОВ (1903-1973 г.г.)

Впервые о Гайто Газданове — осетине, ставшем русским писателем и умершем в Париже в эмиграции,— я узнала в начале 60-х годов, когда разбирала архив знаменитого в Осетии врача Дзыбына Газданова и наткнулась на письмо А. М. Горького. Меня поразила та высокая оценка, которую дал Горький творчеству совершенно неизвестного мне, да и большинству моих современников, писателя.

Алексей Максимович писал Гайто Газданову:

«Сердечно благодарю Вас за подарок, за присланную Вами книгу. Прочитал я ее с большим удовольствием, даже с наслаждением, а это редко бывает, хотя читаю я не мало.

Вы, разумеется, сами чувствуете, что Вы весьма талантливый человек. К этому я бы добавил, что Вы еще и своеобразно талантливы — право сказать, что я выношу не только из «Вечера у Клэр», но также из рассказов Ваших,— из «Гавайских гитар» и др...»

В конце письма было добавлено: «У меня был еще экземпляр «Вечера», вчера послал его в Москву, в издательство «Федерация». Вы ничего не имеете против? Очень бы хотелось видеть книгу Вашу изданной в Союзе Советов. А. П.».

Подлинник письма Горького мы, естественно, передали в Музей Горького и там же поинтересовались, нет ли чего-нибудь о Гайто Газданове еще? Нам любезно показали два письма Газданова к Горькому. В первом из них, датированном 3 марта 1930 года, Гайто писал:

«...Очень благодарен Вам за предложение послать книгу в Россию. Я был бы счастлив, если бы она могла выйти там, потому что здесь у нас нет читателей и вообще нет ничего. С другой стороны, как Вы, может быть, увидели это из книги, я не принадлежу к «эмигрантским авторам»; я плохо и мало знаю Россию, т. к. уехал оттуда, когда мне было 16 лет, немного больше; но Россия моя родина, и ни на каком другом языке кроме русского я не могу и не буду писать...»

Во втором письме от 20 июля 1935 года он сообщал:

«...пишу это письмо с просьбой о содействии. Я хочу вернуться в СССР, и если бы нашли возможным оказать мне в этом Вашу поддержку, я был бы Вам глубоко признателен.

Я уехал за границу шестнадцати лет, пробыв перед этим год солдатом белой армии, кончил гимназию в Болгарии, учился четыре года в Сорбонне и занимался литературой в свободное от профессиональной шоферской работы время.

В том случае, если бы Ваш ответ — если у Вас будет время и возможность ответить — оказался положительным, я бы тотчас обратился в консульство и впервые за пятнадцать лет почувствовал, что есть смысл и существования, и литературной работы...»

Известно, что Горький изъявил полную готовность помочь Газданову вернуться на Родину, но смерть его помешала осуществлению этих планов.

В результате недолгих поисков я нашла в Орджоникидзе сестру отца Гайто Газданова Евгению Сергеевну (осетинское имя — Хабе), которая со свойственной ей душевной щедростью познакомила меня с письмами к ней Гайто, показала его фотографии и дала мне его парижский адрес. Я тут же написала ему.

Гайто откликнулся быстро: «К сожалению, книг на русском языке, которые Вы бы хотели получить, у меня нет. «Вечер у Клэр», о котором писал Горький, вышел по-русски в Париже в 30-м или 31-м году, и у меня, кажется, остался один экземпляр. Я постараюсь прислать Вам фотокопию книги. Рассказа «Гавайские гитары», который был напечатан в одном из толстых журналов приблизительно того же времени, у меня нет. Вообще, все, что я писал, было напечатано в русских толстых журналах, выходящих за границей,— до войны в Париже, после войны в Нью-Йорке. Некоторые вещи были переведены, но не стоит читать роман, написанный по-русски, скажем, в английском или итальянском переводе.

Все, что я писал, я писал по-русски. Осетинского языка я, к сожалению, не знаю, хотя его прекрасно знали мои родители, не говоря уже о бабушке, с которой я разговаривал через переводчицу — переводчицей чаще всего бывала Евгения Сергеевна, моя тетка, которая дала Вам мой адрес. Учился я в парижском университете, но русский язык остался для меня родным. «Вечер у Клэр», насколько я помню, единственная моя книга, действие которой происходит в России»...

Я жила в счастливом ожидании обещанной мне книги, о чем и сообщила ему в очередном письме, вложив в конверт фотокопию письма Горького,— его Гайто просил меня прислать. Кроме того, я не преминула заметить, что, как всякий литературовед, очень дотошна, что у меня к нему тысяча вопросов и, чтобы из моего письма не получилась анкета, лучше бы ему самому рассказать о себе поподробнее. Гайто обещал выполнить мою просьбу, а пока сообщил, что «в общем написал не то шесть, не то семь романов и множество рассказов», еще два романа, готовые на две трети, ждут своего завершения. Как выяснилось позже, написал он гораздо больше — столько, что не все даже успел опубликовать.

В том же письме он признавался:

«И Терек, и город Орджоникидзе,— который тогда назывался Владикавказом,— прекрасно помню. Но рассказ Хабе о купаньи в Тереке надо отнести к осетинским мифам. Правда, дед мой отправил меня купать лошадей в Тереке, когда мне было девять лет, и я там действительно чуть не утонул, но все это происходило не так, как это описывает Хабе. Она, между прочим, была моей переводчицей, когда я говорил с бабушкой, которая по-русски не знала. Осетинский язык я в свое время умел отличить от других, но дальше этого я не пошел, кажется, единственный во всей моей многочисленной семье, т. к. и мои родители, и мои дяди и тетки, и мои двоюродные братья и сестры, все говорили по-осетински. А за границей, особенно в годы университетские, я и русский язык временами слышал редко.

Бунин мне как-то сказал — что у Вас за фамилия такая? — Я — осетин.— Вот оно что,— сказал он,— а я себе голову ломаю, откуда такая фамилия, явно не русская.

Да, да, вспоминаю, есть такой народ на Кавказе...»

И. А. Бунин высоко ценил «стилистическое мастерство» Гайто Газданова и укорял Тхаржевского И. И., автора «Русской литературы», изданной в Париже, за то, в частности, что тот обошел вниманием Газданова, Ладинского и др.

Роман «Вечер у Клэр» я восприняла как роман-исповедь, в котором вместе с тем отразился целый период нашей истории. Высказав автору свои восторги, я уже ждала других его книг и подробностей. В частности, я спрашивала, известно ли ему что-нибудь о судьбе балерины Авроры Газдановой, о которой я знала только из легенд. Одна из них была такова.

...Аврора, страстно мечтавшая стать балериной, училась в то время в Москве. Однажды она пошла в театр в вечернем платье с довольно смелым декольте. В театре ее увидела классная дама, и этого было достаточно, чтобы девушку исключили из гимназии. Не известив родителей о своем исключении, Аврора приняла самостоятельное решение и поступила в балетную школу. По окончании школы она, столь же самостоятельно выйдя замуж за балетного танцовщика, в прошлом инженера, приехала на родину, мечтая помириться с родителями, но была отвергнута ими.

Как-то, прибыв с гастролями на Кавказские Минеральные Воды, Аврору вновь посетило искушение побывать на родине и примириться с родными. Всем Газдановым были разосланы приглашения на балет с участием некоей Горской. С огромным волнением Аврора ждала начала спектакля. И вот занавес раздвигается, и в глубине сцены показывается Аврора... Старейший из Газдановых — все они сидели в первом ряду — с волнением стал вглядываться в балерину: не наша ли, дескать, это Аврора? И когда та в танце подошла к самой рампе, увы! — сомнения рассеялись, и возмущенный старик, стукнув в гневе палкой о пол, шумно двинулся к выходу. За ним, не осмеливаясь перечить старшему, подтянулись все остальные Газдановы. Рухнула последняя надежда на примирение с родными. Аврора уехала...

В письме от 9 декабря 1964 года Г. Газданов ответил на интересующие меня вопросы таким образом:

«Вторую свою книгу, которая называется «Ночные дороги» и которая вышла по-русски в 52-м году в Нью-Йорке, постараюсь найти,— кажется, у меня где-то должен быть свободный экземпляр,— и отправить ее Вам. Там есть несколько мест, которые можно было бы вырезать без особого для нее ущерба. В том виде, в каком она вышла, она не вполне соответствует рукописи. В оригинальном тексте большинство диалогов — на французском языке, причем не академическом, а языке парижского дна. Но перевел эти диалоги на русский язык я сам по просьбе издательства, только вместо того, чтобы поместить их в виде сносок, издатели французский текст просто ликвидировали и заменили русским. Беда в общем небольшая, т. к. средний русский читатель все равно обращался бы к русскому переводу, не все же обязаны знать парижское «арго».

«Что касается Авроры,— писал дальше Гайто,— моей двоюродной сестры, дочери моего дядюшки Даниила Сергеевича Газданова, то она училась балетному искусству в Москве, где вышла замуж тоже за балетного танцора. если мне память не изменяет, то ее сценическая фамилия была Горская. Она потом выступала в Афинах, в Константинополе, кажется, в Бельгии, затем в Париже, где она заболела горловой чахоткой и умерла в начале 1927 года. Я в это время был студентом парижского университета и проводил с ней много времени, т. к. муж ее должен был уезжать из Парижа на гастроли в Бельгию. После его возвращения я не был у Авроры два дня, отсыпаясь дома, и когда я пришел к ней, я нашел только ее труп. Об этом я написал рассказ «Гавайские гитары», но потом его потерял, и где он находится, понятия не имею».

Кстати, Гайто совершенно случайно встретил Аврору в Константинополе. Эта случайная встреча помогла ему завершить гимназическое образование, прерванное гражданской войной в России.

Рассказ «Гавайские гитары» был опубликован в 1930 году в парижском журнале «Воля России» № 1. Предлагаемый читателю текст — копия этой публикации.

ГАВАЙСКИЕ ГИТАРЫ

РАССКАЗ

Я ночевал в чужом доме, куда попал после случайной встречи с знакомыми, которые уговорили меня остаться у них, так как было очень поздно и холодно. Я остался и спал на глубоком, сыром диване и чувствовал себя во сне беспокойно и неловко, потому что на этом диване обычно сидели гости и никто не лежал; и потому он был неуютный; кроме того, я не ощущал обычного тепла своей постели, в которую привык возвращаться, как в неподвижное бытие, там мне никто не мешал, и ничье постороннее присутствие не задевало меня. Я лег очень поздно и если бы это было дома, я бы не проснулся раньше двенадцати часов дня, обычного времени моего вставания; здесь же я открыл глаза, когда было совсем рано, я видел сквозь уголок окна, не вполне закрытого занавеской, что на дворе еще стояли коробки с мусором,— следовательно, было меньше семи часов. Веки мои были тяжелыми, у меня болела голова; в большой комнате было холодно, и все вокруг казалось мне погруженным в глубокий сон,— как бывало всегда, когда я сам почему-либо не высыпался и бессознательно завидовал другим, которые могут спать: это было чисто физическое томление, заставлявшее меня чувствовать тяжесть сна всюду, где останавливался мой взгляд — даже на домах и на деревьях. Я повернулся на своем диване, внутри которого при этом тихо щелкнула пружина, и решил заснуть во что бы то ни стало — и начал постепенно засыпать и путаться в мыслях; я уже находил какую-то несомненную зависимость между щелкнувшей пружиной и вчерашним разговором — как вдруг комната наполнилась протяжными, вибрирующими звуками, соединение которых мгновенно залило мое воображение. Я не мог проснуться и открыть глаз; но я ясно слышал эти звуки и следил за их плачущим мотивом.— Снится мне это или нет? — спрашивал я себя.— Наверное, нет, потому что такую музыку я никогда бы не мог придумать. Я долго слышал ее, вероятно, дольше, чем она продолжалась; но она становилась все тише и тише и стала смешиваться с каким-то другим шумом. И я перестал ее слышать.

В доме встали поздно; и когда я рассказал, что утром где-то неподалеку играли необыкновенную мелодию, мне ответили, что я, должно быть, ошибаюсь; ничего такого быть не могло. Но я твердо знал, что это неправда и что мелодия, звучавшая утром, не могла не существовать; или, думал я, даже если она не существует, то она все равно скоро появится, так как она уже живет в моей памяти. И я ушел от знакомых, и это утро, и музыка, и неуютный диван перестали быть моим впечатлением, и когда я думал и вспоминал обо всем этом, я рассказывал сам себе о чувстве неловкости, прерванного сна и неизвестной мелодии, но для того, чтобы это было правдоподобным и интересным, мне приходилось обманывать себя и придумывать такие вещи, которых тогда не происходило, но которые сами по себе казались мне поэтическими и потому могли только обогатить мое воспоминание и вместе с тем лишить его внешней самостоятельности и неожиданности, всегда неприятных для моего сознания. Это медленное искажение воспоминания было невольным; и уже через несколько дней я прибавил к этой музыке фламинго, будто бы проходившего по комнате, и красный закат над незнакомым городом,— которых я тогда не видел, которые, впрочем, может быть, были очень близки этим звукам и лишь не успели дойти до моего внимания именно в тот момент. Но вот уже и это перестало доставлять мне прежнее удовольствие; и как я ни силился вспомнить мотив, который слышал, это было невозможно. В одном я только был уверен,— именно в том, что если я его где-нибудь услышу, то непременно узнаю. И я забыл это.

В то время сестра моя была тяжело больна и никакой надежды на ее выздоровление не осталось. Случилось так, что ее муж уехал за границу на две недели, а я остался ухаживать за ней. Обыкновенно сидел недалеко от ее кровати и рассказывал ей все, что мне приходило в голову. Она не отвечала мне, потому что ей было очень трудно говорить и одна сказанная фраза необычайно утомляла ее,— как меня не утомило бы много часов изнурительной физической работы. Только глаза ее приобрели необыкновенную выразительность, и мне было страшно и стыдно в них смотреть, так как я видел, что она понимала, что умрет, и знала, что я это понимал; и это выражалось в ее глазах с такой ясностью, которая не позволяла мне прямо взглянуть на нее. В течение целого дня она не произносила ни слова; иногда мне удавалось заставить ее улыбнуться, но улыбка производила еще более тягостное впечатление, чем все понимающие глаза; сестра, казалось, уже находилась в том состоянии, когда человеку незачем улыбаться, и если он это делает, то только по памяти, так как к тому, что предшествует памяти, он уже нечувствителен и неспособен. Только однажды, глядя на то, как я с засученными до плеч рукавами мыл стакан в умывальнике, она подозвала меня глазами и сказала мне что-то чуть слышно. Я не разобрал ее слова; и как ни жестоко с моей стороны было просить ее повторить сказанное — потому что капли пота уже выступили на ее лбу от сделанного усилия — я все же проговорил:

— Извини, Оля, я не расслышал.

Слезы сразу же появились на ее глазах.

— Я говорю,— прошептала она,— какие у тебя толстые руки.

И влажные ее ресницы опустились. Тогда я мельком, чтобы она не заметила, посмотрел на ее обнаженные руки, лежавшие поверх одеяла и нечеловечески исхудавшие; она сравнила их с моими, и от такого сравнения ее мысль, временно отвлекавшаяся от смерти, сразу с непривычной силой и быстротой вернулась к ней — и потому она заплакала.

— Через неделю ты переедешь в санаторий,— сказал я.— И ты увидишь, что тебе сразу станет легче.

Она несколько раз открыла и закрыла глаза, подтверждая мои слова — может быть, из бессознательной жалости к себе, может быть, не желая не соглашаться со мной и заставлять меня опять говорить ей мучительные и лживые утешения. Потом она снова взглянула на меня своими страшными глазами, но я твердо сказал: «Да, да, ты в этом очень скоро убедишься»,— и стал говорить о другом.

Врач, приходивший к ней, осмотрел ее и сказал, выйдя за дверь:

— Вопрос нескольких дней, monsieur, вопрос нескольких дней.

И когда он спускался по лестнице, мне казалось, что он идет с некоторой гордостью, потому что тоже принимает на себя часть ответственности за скорую смерть моей сестры.

Затем муж ее, Володя, вернулся из-за границы, и я стал бывать реже, раз в два или три дня и не оставался подолгу, так как всем было неловко и тяжело, и всякое присутствие лишнего человека было неприятно.

Потом, однажды утром я получил письмо от Володи, в котором он просил меня помочь ему перевезти сестру в санаторию. Я пришел вечером, но на стук мне не ответили; и тогда я просто открыл дверь и вошел в комнату. Шурина не было дома. Сестра, которой дали, по-видимому, сильное усыпляющее средство, спала и ничего не слышала.

Она лежала на кровати в обычной своей позе, вытянув руки вдоль тела; нижняя челюсть ее беспомощно отвисла, как у мертвой; она была уже неспособна к тому мускульному напряжению, которое удерживает челюсть на месте. Она тяжело дышала; но грудь ее не поднималась, и только пустая чашка, оставшаяся на одеяле, опускалась и двигалась; она находилась на той части одеяла, которая покрывала живот — и ложка, съезжавшая на сторону, тихонько дребезжала. Яркая лампочка освещала комнату. Я снял с одеяла чашку и поставил ее на стол и еще раз взглянул на сестру. Уже не впервые, когда я смотрел на спящих людей, я испытывал испуг и сожаление; то загадочное состояние, в котором человек живет, как ослепший и потерявший память и во время мучительного сна силится проснуться, не может и стонет оттого, что ему тяжело — это состояние на секунду возбуждало во мне страх, и иногда я боялся засыпать, так как не был уверен, что проснусь. Но вид заснувшей сестры, уже почти мертвой, был особенно ужасен. Я посмотрел на ее вытянувшееся лицо и черные волосы, неподвижно лежавшие на подушке — и почему-то вспомнил, как давным-давно, лет десять тому назад, я ходил гулять с моей сестрой, которая тогда только что вышла замуж, как мы ели в кондитерской пирожные и она испуганно останавливала меня:

— Не ешь так много, пожалуйста, это просто страшно. Ты знаешь, что достаточно еще несколько пирожных, и у тебя сделается заворот кишок, и ты публично умрешь, и окончательно меня скомпрометируешь.

Затем мы шли с ней в парк, и когда она уставала, я пытался нести ее на руках, но долго не мог и предлагал:

— Ты садись мне на плечи, а то на руках очень трудно.

Я пробыл в ее комнате два часа; за это время она не шевельнулась, я не хотел ее будить; а шурина все не было. Через день утром я должен был прийти, помочь Володе уложить вещи, отнести сестру в автомобиль и ехать с ней в санаторию.

Я явился в десять часов утра; было холодно и туманно. За день до этого я купил себе новые туфли; но у меня было всего восемьдесят два франка, а туфли должны были стоить полтораста. И я поэтому купил себе пару туфель из fin de serie и заплатил за них семьдесят девять франков. Они были не очень красивы и, кроме того, малы мне; но других я купить не мог и был принужден носить эти. Это было очень мучительно. Пока я шел, можно было терпеть; но достаточно мне было присесть на несколько минут, чтобы потом, вставая, почувствовать такую боль, от которой мой лоб покрывался потом. Зато мне не было холодно на улице; я так мерз до покупки этих туфель, потому что у меня было только легкое пальто — теперь же мне было больно, но не холодно. Иногда я останавливался на улице и стоял на одной ноге, давая другой отдохнуть; потом, через несколько шагов, становился на другую ногу — и затем продолжал путь.

Я поднялся по лестнице, мечтая о том, как я наконец сяду и перестану испытывать постоянную боль. Горничная с важным лицом спросила меня:

— Вы в какой номер?

— В двенадцатый.

— Madame ждет вас.

Опять на мой стук никто не ответил; и я заметил, что дверь была только прикрыта. Из щели шел сильный запах «quelques fleurs». Я вошел. Зеркало большого шкафа было затянуто зеленым, клетчатым пледом сестры; на столе в узкой синей вазе стояли какие-то белые цветы. Так как кровать была несколько в стороне, то я сразу увидел ее. «Почему завешено зеркало?» — подумал я. И раньше, чем успел себе ответить, почувствовал, что моя сестра умерла. Тогда я взглянул на кровать. Она была покрыта белой прозрачной материей, подымавшейся горбом в том месте, где стояла свеча, положенная в руки сестры. На сестре были парчовые туфли, белые чулки и белое платье, сшитое таким образом, что большая складка шла по диагонали от левого плеча к талии и кончалась там, где была пряжка пояса, перламутровая пряжка, на которой проползала змейка, изображенная таким неестественным образом, как обычно,— то есть представляющая из себя три черных, почти одинаковых зигзага, кончающихся раскрытой пастью с высунутым жалом. Запах духов был так силен, что в комнате становилось трудно дышать. Я вышел в коридор и столкнулся с дряхлым стариком в черном пальто; он стоял, держась за перила, и так тяжело дышал, что я боялся, как бы с ним не случился разрыв сердца. Серые его глаза с яростным бессилием смотрели на меня; он хотел что-то сказать, но у него не хватало сил. Наконец, он проговорил, задыхаясь и останавливаясь:

— Ye suis envoyé par le comissariat du quartier. C'est pour l'acte de désès [1].

Он вошел в комнату и неохотно, и бережно снял свой котелок. Он отдернул затем белую материю, покрывавшую труп моей сестры, и хотел взять ее пальцы, но заметил свечу и не сделал этого; он приподнял локоть руки, подержал его в воздухе и бросил; локоть безжизненно упал, и свеча в руках сестры склонилась в сторону.

— Qui, elle est bien morte, [2]— сказал старик.

Потом он обратился ко мне:

— C'est vous le mari de cette femme? [3]

De cette femme! Я в эту минуту особенно сильно почувствовал, что я живу в чужой стране и чужом городе. Конечно, моя сестра была для этого старика только «cette femme» и «bien morte». Я покраснел от стыда и гнева, и мне захотелось сказать старику, что очень скоро он тоже будет так же мертв, как моя сестра. Я не удержался и ответил:

— Vous etez trop vieux vous-meme, monsieur. Pourquoi parler vous de cette façon? [4]

И тотчас же я подумал, что напрасно сказал это и что смешно требовать от полицейского врача деликатности — как нельзя требовать образованности от горничной или добродетельности от проститутки.

Но старик понял меня.

---

[1] Я послан из комиссариата для составления акта о смерти.
[2] Да, она, несомненно, мертва.
[3] Вы — муж этой женщины?
[4] Вы — сами слишком стары. Почему так говорите?

— Oui, je suis tres vieux. Ye mourrai aussi jeunne homme, ne vous en faites pas. Mais qui êtes-vous? Vous n'êtez par le mari de cette femme? [5]

— Non, je suis son frère [6].

— Bon. Donnez-moi des renseignements [7].

Он записал то, что ему было нужно, и ушел, держа свой котелок в руках. Через несколько минут после его ухода приехал Володя; он плакал, не переставая, и сказал, что похороны будут завтра в девять часов утра.

Я никогда не забуду этого бесконечного путешествия по Парижу вслед за быстро едущим катафалком. Ноги у меня болели в то утро, как никогда, я шел и отставал, и потом опять догонял процессию. Люди, которых я раньше не знал, шли за гробом сестры; многие из них даже не были знакомы друг с другом. Моего шурина вела под руку какая-то дама лет тридцати, принимавшая, казалось, самое близкое участие в его горе; он шел, потупив голову и изредка взглядывая на свою спутницу благодарными глазами, из которых текли слезы. То, что он плакал все время, несколько удивляло меня; он знал уже год назад совершенно точно, что его жена умрет, а последние месяцы и недели видел ее уже почти мертвой. Но на него, вероятно, как и на многих других людей, действовала обстановка, в которой это происходило,— похороны и отпевание сестры в церкви, где деловитый священник сказал обстоятельно, что панихида с хором будет стоить столько-то, а если без хора, то дешевле; но он рекомендует с хором, что, по его мнению, лучше. Все покупали свечи; потом служка, плотный человек с красным лицом, удивительно напомнивший мне одну старую пьяницу-кухарку, которую я знал в России,— служка спешно забрал обратно едва сгоревшие на четверть свечи и успел еще пройти между присутствующими на панихиде с какой-то тарелкой, куда собирал деньги; и все в церкви было организовано точно и безупречно с коммерческой точки зрения. Я не был в православном храме много лет и поэтому стал уже забывать, какой он; теперь же меня неприятно поразила тупая самоуверенность всех этих священников, дьяконов и других, своих в церкви людей. У них, может быть, незаметно для них самих был такой вид, точно они знают что-то важное, чего не знают непосвященные; и это вызвало у меня чувство неловкости. Они же все делали очень уверенно: распоряжались о том, куда поставить гроб, и священник, только что говоривший обыкновенным голосом о цене отпевания, внезапно и без всякой паузы перешел к тому странному и неестественному тону, каким читаются в церкви молитвы. И я видел, что большинство присутствующих ощущают робость перед этим толстым мужчиной в длинной и смешной одежде, который один знает, что делать, и правильно понимает все происходящее. Я всегда во время богослужения испытывал отвращение и скуку; и потому скоро вышел из церкви и ждал на улице, пока кончится отпевание. Было очень сыро и туманно.

Потом начались проводы гроба. Раньше, когда я встречал в Париже похоронные процессии, мне казалось, что они двигались медленно; в течение первых же минут после выезда катафалка на улицу, на которой находилась церковь, я убедился, что это ошибка. Все шли очень быстро. Священник, сопровождавший тело моей сестры на кладбище, чтобы там, над могилой, читать еще какие-то молитвы, потребовал автомобиль; его «духовная одежда», как он сказал, привлекает внимание французов. Ему наняли автомобиль; но, на его несчастье, вместе с ним села одна любознательная француженка, знакомая сестры, которая стала его расспрашивать, что он думает о разнице между православной и католической церковью. Он же не говорил по-французски; и она вылезла из автомобиля с растерянным видом и сказала мне:

— Но он сумасшедший, ваш поп. Он машет на меня рукой и ничего не говорит. Он или сумасшедший, или дикарь.

Я так плохо себя чувствовал, мне было так больно — ботинки неумолимо жали мне ноги,— что я просто не мог ей ничего объяснить и ограничился тем, что ответил:

— Да, да, это очень возможно.

Второй раз за короткое сравнительно время мне опять пришла в голову мысль о том, как давно и безнадежно я живу за границей. Похороны в России были совсем другими; там были заросшие кладбища, тихие улицы окраин, крестьяне, снимавшие шапки; и похоронная процессия медленно двигалась в тишине и важности. Здесь же дорогу ежеминутно пересекали автомобили, трамваи, автобусы; сквозь туман доносился непрерывный грохот; кругом возвышались большие дома, и все было так непохоже на Россию, что я вдруг вспомнил это и удивился — хотя много лет жил в Париже, знал его лучше, чем какой-либо другой город,— и никогда не находил в его облике ничего неожиданного или нового.

Наконец началось предместье, фабричное поселение с трубами и однообразными зданиями заводов; на улицах стали встречаться плохо одетые люди в кепках, рубахах без воротников и ночных туфлях; иногда попадались неряшливые женщины с жидкими космами волос на затылке, с большими красными и лиловыми от холода руками; мостовая стала ухабистее — и я сразу же это заметил, так как мне сделалось больнее идти. Еще через десять минут катафалк въехал на кладбище. Земля была глинянная и мокрая, могилы чересчур маленькие, узкие и плохо вырытые; из стен могилы высовывались длинные корни деревьев, которые цеплялись за гроб, когда его на очень растрепанных веревках опускали вниз. Рабочие говорили друг другу:

— Doucement, mon vieux, doucement! Là! [8]

Вдруг стало очень тихо. Густой туман медленно двигался над кладбищем; на маленьких деревянных крестах пестрели все те же надписи: «родился тогда-то, умер тогда-то»,— и нужно было небольшое напряжение внимания, чтобы знать наконец, кто похоронен здесь: старик или младенец. Все, кто провожал тело моей сестры, молча стояли вокруг могилы; ноги их глубоко уходили в мягкую и вязкую глину. Рабочие, кончив опускать гроб, тоже остановились. Мне очень запомнилась эта неподвижная группа людей и глиняные стены ямы с выступающими длинными корнями, которые вдруг показались мне жуткими и незнакомыми, как флора неизвестной страны — потому что, думал я, теперь все, в чем жила моя сестра, она оставила для того, чтобы быть зарытой тут и окруженной этими корнями, которые здесь так же нужны и естественны, как стволы и листья наверху, на земле, где она жила до сих пор и где мы еще жили сегодня.

Как медленно двигался туман! Я бы не удивился, если бы в ту минуту я бы увидел, что все исчезает и скрывается с глаз — так, как пропадает незаметно для моего внимания какой-нибудь образ моей памяти, когда я начинаю думать о другом. Это ощущение было бы, наверное, еще более сильным, если бы непрекращающаяся боль от узких ботинок не возвращала поминутно мою мысль все к одному и тому же вопросу: когда у меня будет возможность сесть? Я надеялся, что это случится скоро; но я совсем забыл о священнике, который, приподняв одной рукой свою длинную рясу, подошел к могиле и начал служить панихиду — и один из могильщиков тихо спросил другого:

— Qu'est ce qu'il chante, ce type-là [9]?

— C'est un pope probablement [10],— ответил другой.

И они замолчали.

Могилу засыпали, положили на нее цветы; и тут же оказался увядший белый букет, стоявший на столе в комнате сестры,— кто-то, по-видимому, захватил его с собой. Дама, сопровождавшая моего шурина, воткнула в землю толстый пучок мимоз, напоминавших те неизвестные, некрасиво расцветающие растения, которые попадались у нас в России среди бурьяна и диких трав. Едва мы отошли на десять шагов, могила стала не видна из-за тумана.

Когда мы подходили к воротам кладбища, дама пригласила шурина и меня к себе в гости. «Его нельзя оставлять одного»,— шепотом сказала она мне по-французски; и мы поехали к ней. Горничная с красноватым лицом и неимоверно маленькими глазами сняла с нас пальто, и мы сели — я в кресло, Володя и дама на диване, и она стала его утешать. Речь ее походила на ровный шум без каких бы то ни было изменений, и внимание невольно отвлекалось в сторону — и только изредка я замечал, что она говорит довольно странные вещи о необходимости немедленного забвения, которое нужно для того, чтобы впоследствии воспоминание ничем не омрачалось; в обычное время эта явная несообразность, наверное, удивила бы моего шурина; но он едва слышал, что ему говорили, и только раскачивал все время голову вправо и влево, подперев руками свое опухшее и изменившееся лицо. Лишь один раз он быстро забормотал:

— Что вы говорите, что вы говорите?

Но потом опять опустил голову и больше ничего не произнес.

Тем временем стемнело. От долгого сидения у меня почти прошла боль, и тогда я увидел, что в комнате совсем темно и прохладно. Но вот в столовой загорелся свет.

— Вам необходимо подкрепиться,— сказала дама; мы поднялись и пошли обедать. Дама пропустила Володю вперед и сказала мне опять потихоньку:

— Надо, чтобы он выпил шампанского и забылся. Ему станет легче.

«Шампанского? — подумал я.— Что за абсурд?»

И ответил:

— Мне это не кажется необходимым. Но если вы находите, что так лучше...

— Да, да,— прошептала она.— Я знаю по опыту.

Я пожал плечами; ее поведение становилось все менее и менее понятным. Но спорить с ней мне не хотелось.

Мы сидели, молчали; и дама все время наполняла бокал Володи, который пил и, по-видимому, не вполне сознавал, что он делает. Вскоре он захмелел: он начал улыбаться сквозь слезы и даже сказал:

— Какая вы милая. Спасибо.

— Пейте, пейте,— шептала она, кивая головой.— Надо пить, вам станет легче.

Розовые ее ногти, покрытые густым слоем лака, блестели при свете лампы, когда она брала бутылку и наливала вино. Ее глаза, очень черные, стали оживленными; было похоже на то, что вся эта странная обстановка доставляла ей какое-то редкое и запрещенное удовольствие.

Я почти не пил вина; но мясо, которое подала все та же горничная, было очень пряное, с непривычным для меня, но не неприятным привкусом; блюдо, приготовленное из сладковато-кислых овощей и обильно посыпанное перцем, тоже было необыкновенное. Потом принесли громадные груши, которые дама ела медленно, но с таким видимым наслаждением, что мне показалось, будто я уловил в ее глазах выражение спокойного сладострастия. После груш был кофе; пустые бутылки тотчас же заменялись другими. Потом стукнула дверь; горничная ушла спать, и мы остались втроем. Я испытывал необычное стеснение, мне становилось то холодно, то жарко; и у меня было такое чувство, точно мы остались одни в этой квартире, чтобы совершить какую-то нехорошую вещь. Я проглотил слюну и вспомнил, что совершенно также чувствовал себя, когда впервые остался наедине с женщиной.

Мой шурин сидел, тяжело опустив голову на стол; он не мог больше пить. Тогда дама поднялась, подошла ко мне, и зрачки ее быстро приблизились к моим,— хотя я ясно видел, что она не придвигалась, а стояла неподвижно, оперпшись руками о стол, слегка шевеля своими пальцами со сверкающими ногтями,— и так и застыла; и воздух, отделявший ее от меня, стал ощутимым и нежным: и вот тело ее, в обтянутом шелковом платье, начало медленно качаться передо мной.

«Неужели я пьян?» — подумал я. Мне понадобилось все напряжение воли, чтобы сидеть на своем месте. Особенно трудно мне было удержать невольное движение рук; и тогда я сильно сжал пальцами край стола. Ее брови поднялись, и когда она совсем раскрыла глаза, я увидел в них то же выражение, которое заметил во время обеда, за грушами; только теперь оно было в тысячу раз сильнее. Я чувствовал, что необходимо заговорить, иначе я перестану владеть собой. Я сказал:

— Вы пьяны, это совершенно несомненно.

— Я тоже пьян,— вдруг проговорил мой шурин, поднимая голову.

Она отошла и села на свое место. Руки мои вновь стали послушными и пальцы гибкими; я даже побарабанил по столу. Потом я обратился к шурину и сказал, что, по-моему, пора идти домой; и я взглянул на свои часы — была половина второго. «Придется брать автомобиль,— подумал я.— Метрополитен уже не ходит».

— Подождите,— сказала дама.— Вам ведь некуда торопиться. Перейдемте в гостиную.

Я опять опустился в кресло. Справа от меня стоял небольшой шкаф с книгами; верхняя его часть была затянута тонкой, но непрозрачной зеленой материей. В шкафу этом были книги Бодлера, Гюнсманса, Эдгара По, Гофмана и том Петербургских рассказов Гоголя в роскошном издании. Затем я отдернул зеленый полог и взглянул на верхнюю полку. На ней стояло двадцать или тридцать фигурок из слоновой кости, неприличных, но очень хорошо сделанных. Мое внимание, однако, было привлечено не этим. В самом углу полки, закрытые крохотной ширмой, лежали три статуэтки из черного дерева. Одна изображала лежащую на спине женщину, другая — обнимающихся людей и третья — дракона. Лежащая женщина с тяжелыми, каменными глазами, казалось, плыла на спине; вино ударило мне в голову, когда я посмотрел на нее, и я сразу представил себе, что она спит и плывет, и видит во сне черные берега с неподвижными деревьями и дремлющими чудовищами — и потом ее сон переходит к видениям жестокой и мрачной любви. И я перевел глаза на дракона. Разные части человеческих тел, мужских и женских, переплетались на его груди; черные, гладкие руки девушки, которая была под ним, охватывали его спину. Деревянный хвост дракона оканчивался змеиными головами. Рядом с ним были обнимающиеся любовники; их тела были так соединены, что оставались видны только спины, ноги и головы; и колени женщины были повернуты вправо и влево тем бесконечно знакомым движением, которое сделала бы всякая женщина,— и меня поразила необычайная верность этого положения: голова же ее с тяжелыми волосами была сильно откинута назад. Но лицо мужчины было рассеянным и враждебным,— как на известном рисунке Леонардо, которого, впрочем, японский скульптор, может быть, не знал...

Была поздняя ночь, и давно никакой шум не доносился с улицы; я все сидел в кресле и уже успел совершенно привыкнуть к этой квартире и обстановке, в которую попал впервые; и я думал, что я давно уже все это знаю — не то по чьим-то чужим воспоминаниям, не то потому, что подобные образы и вещи я видел, быть может, когда-нибудь во сне, а наутро забыл. И вот, когда я перестал об этом думать и только изредка останавливал взгляд то на рассеянном лице мужчины, то на каменных глазах плывущей женщины,— дама быстро встала с дивана, на котором лежал мой шурин, и, пройдя мимо меня, выдвинула на середину комнаты граммофон.

— Вы оба молчите,— сказала она,— и в комнате стоит неприятная тишина. Мы сейчас устроим музыку.

— Это прекрасная мысль,— сказал я и закрыл глаза; и женщина на спине проплыла передо мной. Я даже забыл, что дама заводит граммофон, как вдруг при первых же звуках музыки я узнал тот мотив, который слышал несколько недель тому назад, ночуя у знакомых. Опять это плачущее волнение металлического трепета в воздухе охватило меня; и я вспомнил, как один из моих друзей, художник, человек необычайного таланта, говорил мне, осуждая чью-то картину:

— То, что мы видим, это воображение, а воображение — это музыка и звуки, хотя это и кажется невероятным. Вот я представляю себе Иова: он сидит в глубине времен, сдирает черепком свои струпья и протяжно вздыхает. И разве искусство не должно быть наивно? Помните, как Бог говорит о могуществе своего гнева и о том, что его боится даже носорог, который силен и неуязвим? Помните, как он определяет неуязвимость носорога? Он говорит: «Свисту дротика он смеется». Нет, все это не так просто. Когда я читаю Библию, я чувствую и слышу и военные крики, и плач женщин, которых Бог наказал бесплодием, и говор войск, и шаги Давида по песку. Но бывают, конечно, и минуты безмолвия. Вот посмотрите на это.

И он показал мне картину, нарисованную тремя карандашами — красным, черным и коричневым. Она изображала сражение. Я увидел египтян с сухими, смуглыми лицами, и коричневую кожу еврейских воинов, и красную кровь, которая ровной и широкой струей лилась из груди человека, заколотого копьем. Вдали, у стены крепости, нарисованной простыми детскими линиями,— зубчатой крепости с круглыми дырками в стенах — невероятно исхудавшая женщина ела жирную кость, погрузив в нее свое острое и тонкое лицо.

Я вспоминал это, слушая музыку; и я даже не обратил внимания на то, что граммофон скрипит и шуршит. Когда пластинка кончилась, я спросил даму:

— Что это такое?

— Это гавайские гитары,— сказала она.

Гавайские гитары! Потом, спустя несколько лет, я забыл и путал многое, что происходило в ту пору моей жизни. Но зато эти колебания воздуха теперь заключены для меня в прозрачную коробку, непостижимым образом сделанную из нескольких событий, которые начались той ночью, когда я впервые услышал гавайские гитары, не зная, что это такое, и кончились днем похорон моей сестры. Я не раз вспоминал это: яма, туман, странное мясо за обедом, шампанское, статуэтки из черного дерева — и еще постоянная ноющая боль в ногах от слишком узких туфель, которые потом я отдал починять сапожнику и так их и оставил у него; отчасти потому, что мне действительно было нечем заплатить ему, отчасти потому, что их, пожалуй, не стоило брать.

Публикация, подготоака текста и предисловие
Азы ХАДАРЦЕВОЙ

---

[5] Да, я очень стар. Я тоже умру, молодой человек, не беспокойтесь. Но кто вы такой? Вы не муж этой женщины?

[6] Нет, я ее брат.

[7] Хорошо. Сообщите мне необходимые сведения.

[8] Полегче, старик, полегче! Вот так!

[9] Что он поет, этот тип?

[10] Это, наверное, поп.

КРОССВОРД

		1	2	3	4	5	6	7	6	9	10	11		
		12	13	14	15	16	17	16	19	20	21	22		
23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
36	39	40	41	42	■	43	44	45	46	47	48	49	50	51
52	53	54	55	55	57	58	59	60	61	■	62	63	64	65
■	58	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	76	79
80	81	62	■	83	64	■	■	■	65	86	67	66	69	90
91	92	93	94	95	96	■	■	■	97	98	99	100	101	102
103	104	105	106	107	106	■	■	■	109	110	111	112	113	114
115	116	117	118	119	120	121	122	123	124	125	126	127	128	129
130	131	132	133	134	135	■	136	137	138	139	140	141	142	143
144	145	148	147	■	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157
158	159	180	161	162	153	164	165	158	167	168	169	170	171	172
		173	174	175	176	177	178	179	180	181	162	■		
		183	164	165	186	187	186	189	190	191	192	193		

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
1—6. Бог Солнца у древних греков. 5—11. Город в Чехословакии. 12—13. Нота. 13—17. Древнерусское название рубина. 17—22. В средневековой Франции — придворный поэт-певец. 23—29. Язык индейцев, распространенный в Парагвае и соседних районах Бразилии. 28—31. Река на Кольском полуострове, вытекает из озера Имандра. 30—32. Оборонительное сооружение. 32—34. Денежная единица Латвии до 1940 г. 34—37. Специальность рабочего. 38—42. Овощная культура. 43—49. Сотая часть рубля. 48—51. Наказание. 52—53. Буква древнерусского алфавита. 53—55. Завод в Москве. 55—57. Раствор смол в спирте. 57—59. Заостренная палка. 59—61. Зодиакальное созвездие. 62—65. Осенние сорта яблони. 66—68. Одно из основных положений китайской философии, буквально — «путь». 69—72. Мелкое животное семейства грызунов. 72—73. Жвачное животное, в диком виде встречается в Тибете. 73—75. Уплотненный круглый кусок земли. 75—79. Двигатель. 80—82. Морское гребное, парусное или моторное судно. 85—87. Химический элемент. 87—69. Один из лидеров меньшевиков. 88—90. В шумерской мифологии — один из трех верховных божеств. 91—95. Вид гравюры. 92—96. В музыке — «громко». 97—100. В некоторых странах Ближнего Востока — заместитель или помощник начальника. 100—102. Плод гороха. 103—107. В Древней Греции — лицо, насильно захватившее власть. 105—108. Звание, чин, разряд. 109—112. Журналист, член Парижской коммуны, автор романа и восломинаний о коммуне. 111—114. Восточная сладость. 115—118. Русский полярный исследователь, адмирал. 117—120. Человек, любящий праздную, веселую жизнь (старин.). 118—123. Административный округ в Ввликобритании. 122—125. Сплавы, из которых изготовляют постоянные магниты. 125—128. Русский рубленый жилой дом. 127—129. Великий немецкий композитор. 130—133. Оперетивное объединение ВМФ. 136—141. Здание для обслуживания пассажиров. 139—142. Одновременный выстрел из нескольких орудий. 142—143. Движение классического танца. 144—147. Горько-соленое озеро в Северном Казахстане. 148—150. Река в СССР и Польше. 152—157. Город и порт в Анголе. 158—159. Река, левый приток Уфы. 159—162. Составной элемент религиозной и философской системы Индии. 161—164. Немецкий писатель-сказочник. 164—170. Рубанок с удлиненной колодкой. 170—172. Азербайджанский ударный инструмент. 173—176. Парусное судно с косыми парусами на последней мачте. 176—182. Круглый хлеб. 183—186. Представитвль ираноязычного народа, жившего в Приазовье и Предкавказье с I в. н.э. 187—188. Разменная монета во Вьетнаме. 188—190. Город в Красноярском крее. 189—192. Деревянный хомут для рабочего рогатого скота. 191—193. Гидротехническое сооружение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—105. Раб, сражающийся на арене цирка с дикими зверями. 2—13. Река, впадеющая в Азовское море. 3—56. Религиозный центр ламаизма. 4—28. Атом, потерявший электрон. 5—29. Райцентр в Грузинской ССР. 6—59. Часть огнестрельного оружия. 7—45. Лестница на судне. 8—85. Должность матроса. 9—33. Госудерство в Центральной Бирме XIV—XVIII вв. 10—82. Город в Гомельской области на реке Сож. 11—49. Архитектурное сооружение. 13—68. Славяно-русское мифологическое божество, связанное с плодородием. 18—71. Русский патриарх, реформы которого вызвали раскол в церкви. 23—52. Провансальский писатель XIX века, один из вождей движения «фелибров». 24—66. Административно-территориальная единица в России, известная с XIII в. 30—72. Свободе. 35—77. Род многоголосной песни, распростреенной в России, на Украине и Белоруссии в XVII—XVIII вв. 36—89. Древнегреческий поэт VIII—VI вв. до н.э. 37—65. Единица времени. 45—73. Твердый или вязкий остаток леретонки смол. 56—69. Выдающийся мастер воздушного боя. 57—84. Водопады на реке Меконг. 59—72. Нота. 61—109. Роман Стаднюка. 65—102. Сооружение из чвтырехугольных венцов брввен. 66—116. Во Франции до 1830 года — титул наследника престола. 69—134. Офицерский чин в казачьих войсках русской армии. 75—98. Город и порт на Кубе. 75—111. Верховный бог в скандинавской мифологии. 77—112. Запрет. 79—143. Одежда из легкой ткани. 80—115. В период англо-бурской войны — главнокомандующий войсками Трансвааля. 82—146. Город в Калининской области на реке Тверце, известен с 1139 года. 84—120. Представитель негроидной расы. 89—128. Часть тела. 92—159. Кубинский вреч, открыл переносчиков желтой лихорадки. 94—133. Торжественный званый вечер без танцев. 98—181. Штат США. 99—140. Город в Ульяновской области. 100—170. Толстая баранка. 103—158. Плотная хлопчатобумажная ткань с узорами на матовом фоне. 108—148. Род деревьев семейства березовых. 109—180. Часть государства, окруженная со всех сторон территорией другого госудерства. 120—148. Человек, лишенный всех прав и являющийся полной собственностью господина. 122—178. В Древнем Риме — жрец, толкующий волю богов по полету и крику птиц. 123—166. Древнегреческий писатель, автор романа «Дафнис и Хлоя». 128—182. Поверхность, ограничивающая горную выработку. 128—171. Индийский писатель XIX—XX вв. Автор исторических романов «Тигр Майсура» и «Чандрегупта». 129—172. Камышовый кот. 133—184. Порт в Индонезии, на острове Ява. 146—183. Одна из подпольных кличек И. Сталинв. 148—176. Лиственное дерево. 149—177. Столица автономной республики. 150—188. Глава общины сикхов в Пенджабе. 152—190. Южное вечнозеленое дерево. 162—185. Род попугаев. 164—187. В фортификации обращенная к противнику сторона укрепления. 166—189. Город в Северной Индии, мировой центр паломничества буддистов. 169—192. Город в Нигерии.

Ответы на кроссворд, помещенный в номере 5.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
2—4. Лук. 5—9. Патон. 10—14. Вокал. 14—16. Лот. 17—23. Печенег. 21—24. Негр. 24—25. Ра. 26—30. Солид. 30—34. Дхоти. 33—36. Тигр. 37—41. Корин. 41—44. Нрав. 44—48. Виеру. 47—49. Рус. 50—55. Сорока. 56—59. Морс. 59—62. Село. 61—63. Лом. 64—68. Парик. 68—72. Рикардо. 73—77. Отгон. 77—79. Нея. 80—84. Палас. 85—88. Неон. 88—91. Няня. 92—97. Анилин. 98—102. Порок. 103—106. Ромм. 107—109. Маг. 108—114. Агтелек. 114—116. Кюи.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—88. Тутанхамон. 2—12. Лак. 12—42. Кедр. 71—106. Дом. 4—14. Кол. 14—57. Леово. 89—107. Ям. 5—41. Почин. 19—70. Чинар. 70—105. Рем. 9—45. Ногти. 33—58. Тир. 58—106. Рона. 17—68. Порок. 16—74. Триест. 59—109. Стяг. 26—52. Сор. 52—84. Рис. 25—110. Агрегат. 36—93. Рулон. 37—83. Кора. 66—102. Рак. 49—77. Сон. 77—112. Нил. 63—95. Мел. 64—100. Пар. 79—114. Яик. 80—99. По. 97—115. Ню.

Эти ребятишки родились... в воде. Да-да, в воде. Методика таких родов разработана Игорем Чартковским (у кас в стране ке спешат с ее признакием, поэтому новатор не имеет никаких титулов. Одкако Калифорнийский университет присвоил ему звание Почеткого доктора). Подрастая, малыши чувствуют себя в бассейке ничуть не хуже, чем на суше.

Фото Вадима КИВРИНА

Сдано в набор 19.05.89. Подписано к печати 08.06.89. А 00304. Формат 84×60 ⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 710. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА ЧИТАЙТЕ МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 200-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

